

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

# С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ*

*ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

*5*

Сентябрь — Октябрь

*1970*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

*Москва*

**Редакционная коллегия:**

**Ю. П. Петрова-Аверкиева** (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,  
**Н. А. Баскаков**, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),  
**Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,  
, **С. А. Токарев**, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

**К. Г. Гуслистый**

## **ЛЕНИН И ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО НАРОДА**

Одной из важнейших частей теоретического наследия В. И. Ленина являются его труды по национальному вопросу. «Ленинский гений дал теоретическое и практическое решение национального вопроса», — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»<sup>1</sup>. Глубокое изучение ленинских трудов по национальному вопросу тем более необходимо, что их значение порой недооценивалось<sup>2</sup>.

Творчески развивая основополагающие идеи марксизма, В. И. Ленин всесторонне разработал национальный вопрос применительно к новым условиям — к эпохе империализма и пролетарских революций, обосновал идею соединения пролетарской классовой борьбы с борьбой за уничтожение национального гнета, решительно, последовательно боролся как против великодержавного шовинизма, так и против местного национализма, представляющих серьезную угрозу для великого дела сплочения трудящихся разных национальностей в борьбе за демократию и социализм.

В статье «В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии (к 25-летию со дня смерти)» известный советский этнограф С. П. Толстов правильно писал: «Когда говоришь о значении Ленина для развития той или иной конкретной науки, самое трудное — это ограничить себя определенной частью ленинского научного наследства, ибо в се учение ленинизма в его единстве оказало и оказывает мощное влияние на развитие каждой отрасли советской науки. Многогранный гений Ленина охватил и тот круг проблем, который составляет предмет этнографии, и глубокое, всестороннее изучение наследства Ленина помогает нам дальше и дальше двигать нашу науку вперед»<sup>3</sup>.

Огромный интерес для этнографов представляют, в частности, труды и отдельные высказывания В. И. Ленина по национальным проблемам. Но сделано нами в области исследования этих трудов и высказываний пока что далеко недостаточно.

Разрабатывая принципы национальной политики, В. И. Ленин уделял большое внимание Украине, украинскому народу, освобождению трудящихся Украины от социального и национального гнета. Украина всегда привлекала к себе внимание В. И. Ленина, начиная с первых шагов его революционной деятельности. В. И. Ленин непосредственно руководил созданием большевистских организаций и Коммунистической партии Украины. Он внес огромный вклад в борьбу украинского народа против царизма и капитализма, в борьбу за создание суверенного со-

<sup>1</sup> «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», М., 1970.

<sup>2</sup> См., об этом, например: Т. Ю. Бурмистрова, Из истории борьбы Ленина за принципы национальной политики партии (1910—1914 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, стр. 40.

<sup>3</sup> «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 3.

ветского государства и построение нового, бесклассового общества, за превращение украинской буржуазной нации в социалистическую нацию — новую, высшую, закономерную форму этнической общности, которая формируется, развивается и расцветает в эпоху строительства социализма и коммунизма.

В. И. Ленин хорошо знал стремление украинского народа к свободе и независимости, проявлял большой интерес к его истории, быту, культуре, фольклору, глубоко уважал украинский язык, всегда выступал в защиту его от преследований со стороны царизма, последовательно боролся за полную свободу всех языков. Конспектируя книгу русского монархиста С. Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» (1912 г.), В. И. Ленин выражает глубокое возмущение по поводу шовинистических «комментариев» Щеголева о тех или иных явлениях украинской культуры и подчеркивает в конспекте: «Черносотенец бешеный: ругает украинцев гнусными словами», «бешено против украинского языка» и т. д.<sup>4</sup> Находясь в эмиграции, В. И. Ленин изучал украинский язык, в частности по книгам Б. Науменко «Обзор фонетической особенности малорусской речи» и А. Крымского «Украинская грамматика»<sup>5</sup>. В. И. Ленин глубоко понимал теснейшую этническую близость и родство украинского и русского народов. В письме к Инессе Арманд от 30 января 1917 г. он писал, что в одном из немецких лагерей для военнопленных (во время первой мировой войны 1914—1918 гг.) было «27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагеря по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за «самостийность»... после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам.

Факт знаменательный, не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные. И все же близость к великоруссам брала верх! Отсюда не вытекает, конечно, нимало неверность „свободы отделения“. Напротив. Но отсюда вытекает, что, авось, от „австрийского типа“ развития судьба Россию избавит»<sup>6</sup>.

В. И. Ленин, как никто другой, со всей страстью клеймил проклятый царский режим, делавший и сделавший все для взаимоотчуждения двух великих восточнославянских народов — русского и украинского. Но в то же время он подчеркивал, что царизму не удалось разорвать связи русского и украинского народов, что эти два народа были близки «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»<sup>7</sup>.

Эти слова В. И. Ленина имеют важное значение для советских историков и этнографов, изучающих длительный исторический путь развития и этнические взаимосвязи двух братских народов. Они непосредственно направлены против украинской буржуазно-националистической историографии и этнографии, которые всячески стараются фальсифицировать факты и выпячивать различия обоих народов, утверждают, что русский и украинский народы по своему происхождению, характеру, истории, культуре якобы коренным образом различны, что украинский народ существует отдельно с древнейших времен, что он появился еще до образования Киевской Руси. Характерны в этом отношении взгляды одного из идеологов украинского буржуазного национализма М. Грушевского, который подчеркивал, что украинский народ с его «антропологическими,

<sup>4</sup> «Ленинский сборник», XXX, стр. 10, 12; С. С. Шаблювський, В. І. Ленин і література, Київ, 1969, стр. 38.

<sup>5</sup> «Ленинский сборник», т. XXV, М., 1938, стр. 309, С. С. Шаблювський, Указ. раб.

<sup>6</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 377.

<sup>7</sup> Там же, т. 32, стр. 342.

психофизическими и языковыми особенностями» начал выделяться еще в период древнейшей дифференциации славянства, «з таких частів, в які ніяка історія не сягає»<sup>8</sup>, что «история вела эти народности (украинскую и великорусскую. — К. Г.) большею частью совершенно различными дорогами, представлявшими больше отличий, чем схожестей»<sup>9</sup>.

Эту концепцию М. Грушевского взяли на вооружение современные украинские буржуазные националисты, находящиеся на службе у американских и западноевропейских империалистов<sup>10</sup>. И по сей день эти враги социализма всячески стараются извратить историю и этническое развитие украинского народа. Украинские буржуазные националисты считают украинскую нацию извечно существующей, а Киевскую Русь — украинским государством. Между тем объективный марксистско-ленинский анализ исторических источников убедительно свидетельствует об общности происхождения русской, украинской и белорусской народностей, об их происхождении от единого корня — древнерусской народности, о близости путей их исторического и культурного развития, не говоря уже о теснейшем родстве их языков. В разработку этой концепции исторического и этнического развития восточнославянских народов внесли большой вклад и русские, и украинские, и белорусские советские ученые, но изучение этногенеза и этнической истории этих народов еще далеко от завершения<sup>11</sup>.

Под народностью многие советские ученые понимают этническую общность первых классовых формаций (рабовладельческой и феодальной), предшествующую буржуазной нации, которая формируется с зарождением и развитием капиталистических отношений. На это обращали особое внимание классики марксизма.

Ф. Энгельс называл английскую нацию «самой буржуазной из всех наций»<sup>12</sup>. В. И. Ленин называл нации периода капитализма капиталистическими или буржуазными. Развивая марксистскую теорию наций, В. И. Ленин показал, что нации являются продуктом капитализма, что они характеризуются наличием экономической общности, связанной с развитием единого внутреннего рынка, общей, экономически связанной и сплоченной территории, общего, закрепленного в литературе языка, общего, отображающего классовую структуру нации духовного облика (культуры, психологии, характера).

Приблизительно с XIV—XV в. украинская народность, наряду с русской и белорусской, уже выступает как сформировавшаяся, отдельная этническая общность. Интерес к культуре и быту украинского народа и его различных социальных слоев, в частности к казачеству, проявляется, особенно с XVI в., и за пределами Украины. В Западной Европе украинцы были известны в то время уже как особый народ со своим языком, характерным бытовым укладом, территорией, население которой подразделялось на ряд этнографических групп (волыняне, подoliaне и др.). Вместе с тем украинцев рассматривали как народ, родственный и очень близкий по культуре к русскому народу. Об этом, в частности, свидетельствует письмо итальянца Альберта Кампензе (1523—1524 гг.), в котором он отмечает, что население Украины (которое он называет росами или рутенами) и население Великороссии (которое он называет москвитянами) говорит общим языком и исповедует одну веру<sup>13</sup>.

<sup>8</sup> М. Грушевський, Історія України — Русі, т. I, Київ, 1913, стр. 81.

<sup>9</sup> М. Грушевський, Очерки истории украинского народа, Киев, 1911, стр. 13.

<sup>10</sup> См., например: М. Чубатий, Княжа Русь — Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй, Нью-Йорк, 1968.

<sup>11</sup> К. Г. Гуслистый, Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма), Київ, 1963; его же, До питання про утворення української нації, Київ, 1967; «История СССР с древнейших времен», т. I—II, М., 1966.

<sup>12</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953, стр. 105.

<sup>13</sup> К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, О периодизации истории украинской этнографии, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 133—134.

С какого времени украинская народность начала превращаться в буржуазную нацию? Этот вопрос недостаточно освещен в советской литературе. Более разработан вопрос о начале превращения русской народности в буржуазную нацию. Исходя из известного указания В. И. Ленина о том, что примерно с XVII века в истории России начинается «новый период», характеризующийся созданием национальных буржуазных связей, и анализируя большой конкретный материал, подтверждающий наблюдения Ленина о начале капиталистического развития России в XVII в., ряд советских историков пришел к выводу, что началом складывания русской буржуазной нации был XVII в.<sup>14</sup>

Нам кажется правомерной постановка вопроса о том, что «можно спорить о зрелости явлений нового и степени разложения и деформации старых отношений в XVII — начале XVIII в. Но при современном уровне знаний следует... признать, что уже в это время в России начался процесс роста капиталистических отношений и разложения феодальных отношений и что Россия с XVII в. вступила в переходный от феодализма к капитализму период»<sup>15</sup>.

Превращение русской народности в нацию означало создание национальных связей в собственном смысле слова, которых раньше, в период формирования русской народности, еще не существовало. Характеризуя разницу между этими двумя периодами — периодом образования национальных связей и предшествующим, В. И. Ленин писал: «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составившиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»<sup>16</sup>.

Украинская народность в этот период, несмотря на захват ее земель иноземными феодалами, переживала в основном тот же этап своего историко-этнического развития, что и русская. На Украине также примерно с XVII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений и обмена между отдельными землями начали зарождаться буржуазные национальные связи, хотя этот процесс тормозился политическим расчленением украинских земель между разными феодальными государствами.

Рост буржуазных связей и был определяющим фактором в процессе превращения русской и украинской народностей в нации. Конечно, формирование русской народности, а затем нации, имевших свое сильное централизованное государство, происходило более интенсивно, чем фор-

<sup>14</sup> Н. М. Дружинин, Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации, Сб. «Вопросы формирования русской народности и нации», М.—Л., 1958.

<sup>15</sup> М. Я. Вюлков, О становлении абсолютизма в России, «История СССР», 1970, № 1, стр. 95.

<sup>16</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

мирование украинской и белорусской народностей, а затем наций. Однако в основном этапы этнического развития трех братских восточнославянских народов, так же как и периоды их социально-экономического развития, совпадали. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с теми учеными, которые считают, что украинская буржуазная нация начала формироваться на 100—150 лет позже, чем русская.

Таким образом, приблизительно с XVII в. в недрах феодально-крепостнического общества, в условиях господства шляхетской Польши и героической борьбы народных масс против него, на Украине начался длительный процесс создания буржуазных национальных связей. Он усилился после воссоединения Украины с Россией, которое, несмотря на проводившуюся царским самодержавием политику жестокого национального угнетения украинского народа, имело большое прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов, для усиления их этнических взаимосвязей.

Разоблачая великодержавную шовинистическую политику царизма и провозглашая право украинского народа на национальное самоопределение вплоть до государственного отделения, В. И. Ленин вместе с тем положительно оценивал общий исторический путь русского и украинского народа в одном государстве, их совместную борьбу против эксплуататоров. Он разоблачал реакционные буржуазно-националистические концепции М. Грушевского, Л. Юркевича, Д. Донцова и др., стремившихся затушевать или извратить прогрессивное значение экономических, политических и культурных связей между русским и украинским народами для их дальнейшего исторического развития, разорвать тесный союз и дружбу русских и украинских рабочих<sup>17</sup>.

Последовательно борясь против произвола, бюрократии и всяческих форм национального угнетения, В. И. Ленин одновременно глубоко изучал процессы межнационального сближения, которые были характерны прежде всего для крупных многонациональных централизованных государств, где в результате экономического развития происходила ломка национальных перегородок, сплочение наций, территориальное смешение различных национальностей. В. И. Ленин подчеркивал, что «пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»<sup>18</sup>, что «централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму»<sup>19</sup>.

Важным этапом в формировании украинской буржуазной нации был период разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений в первой половине XIX в., которую В. И. Ленин назвал «эпохой падения крепостного права». Именно в эту эпоху на борьбу против царизма и крепостничества выступил единомышленник русских революционных демократов — В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова — украинский революционер-демократ. Т. Г. Шевченко, сыгравший выдающую роль в развитии этнического, национального и социального самосознания украинских народных масс. В. И. Ленин хорошо знал, любил и высоко ценил творчество гениального сына украинского народа, видя непосредственную связь между освободительной направленностью произведений Т. Г. Шевченко и революционной борьбой, которую вели украинские народные массы под руководством боль-

<sup>17</sup> В. Т. Сарбей, Борьба В. И. Ленина против буржуазной концепции истории Украины, «В. И. Ленин и историческая наука», М., 1968.

<sup>18</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 175.

<sup>19</sup> Там же, стр. 144.

шевиков в начале XX века<sup>20</sup>. В статье «К вопросу о национальной политике» (1914 г.) В. И. Ленин разоблачает запрещение царизма чествовать столетний юбилей Шевченко и подчеркивает, что после этого реакционного шага царизма «миллионы и миллионы обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»<sup>21</sup>.

Ведущая роль в процессе образования украинской буржуазной нации принадлежала украинским землям, воссоединенным с Россией. Пробуждение национальной жизни в Приднепровской Украине оказало большое влияние на население западноукраинских земель — Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья, находившихся под гнетом австрийской монархии. Там в первой половине XIX в. также происходило разложение феодально-крепостнической системы, развивались капиталистические отношения, пробуждалась национальная жизнь, а вместе с этим усиливалось тяготение населения западноукраинских земель к воссоединению с Приднепровской Украиной в составе России, что нашло свое выражение в творчестве великого сына украинского народа И. Франко.

Процесс образования украинской буржуазной нации завершается в период господства капитализма, когда окончательно сформировались два антагонистических класса капиталистического общества — буржуазия и пролетариат — и оживилось украинское национальное движение. В. И. Ленин дал классическое определение экономических основ и задач национальных движений как движений, связанных с развитием капитализма. Он писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»<sup>22</sup>.

Борьба за беспрепятственное развитие украинского языка была одной из характерных черт этнического развития украинского народа, его национального движения. Большевики во главе с В. И. Лениным последовательно выступали против преследований украинского языка, за его свободное развитие.

Несмотря на все репрессии, украинское национально-освободительное движение по мере вовлечения в него народных масс росло и ширилось. С наибольшей силой оно проявилось в период империализма, названный В. И. Лениным кануном социалистической революции. В этот период и происходит окончательное завершение формирования украинской буржуазной нации. В. И. Ленин в 1916 г. писал: «Для украинцев и белорусов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) —

<sup>20</sup> Ф. П. Шевченко, В. И. Ленин і Т. Г. Шевченко, «Український історичний журнал», 1964, № 2; Е. С. Шаблійовський, В. І. Ленін і українська література, Київ, 1969, стр. 4—7.

<sup>21</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 66.

<sup>22</sup> Там же, стр. 258—259.



здесь *еще* совершается»<sup>23</sup>. В том же году В. И. Ленин отметил, что украинское движение это «движение многомиллионного, исторически еще славшего донныне, народа к свободе и к родному языку»<sup>24</sup>. Выступая против феодально-крепостнических пережитков, крестьянство в союзе с пролетариатом в то же время боролось за национальную свободу.

Украинские буржуазные националисты, стремясь укрепить эксплуататорские позиции украинской буржуазии и помещиков, привить украинскому народу чувство вражды к русскому народу, пропагандировали антинаучную теорию бесклассовости украинской нации и теорию «единого потока». Фальсифицируя историю, они отрицали наличие украинского пролетариата, его ведущую роль в отношении крестьянства, старались доказать невозможность социалистической революции и диктатуры пролетариата на Украине.

Однако трудящиеся Украины вместе с героическим русским пролетариатом, под руководством Коммунистической партии развернули решительную борьбу против эксплуататоров, против царизма, русских и украинских помещиков и капиталистов, за свое социальное и национальное освобождение.

Развивая концепцию об исторической миссии рабочего класса как социальной силы, призванной возглавить борьбу за коренное переустройство всей общественной жизни, В. И. Ленин вел настойчивую, последовательную борьбу против буржуазных идеологов всех мастей, в том числе и против украинских буржуазных националистов, которые запугивали трудящихся Украины националистическим жупелом «ассимиляторства», стремились разорвать братский союз, социально-политическую и культурно-бытовую связь трудящихся России, сыгравшую большую прогрессивную роль в их историческом и этническом развитии<sup>25</sup>.

Критикуя одного из лидеров УСДРП, сотрудника буржуазно-националистического журнала «Дзвін» 1913—1914 гг. Льва Юркевича (Л. Рыбалку), который выдвигал цинически лживые утверждения, что, мол, «русские марксисты» (большевики.— К. Г.) «являются участниками национальных притеснений», В. И. Ленин весьма выразительно замечает по этому поводу: «Подлец»<sup>26</sup>.

Единство революционно-освободительной борьбы русских и украинских трудящихся масс все более содействовало укреплению связей русской и украинской культуры. Украинская национальная культура в период капитализма отразила классовый характер украинской буржуазной нации. В. И. Ленин писал, что в каждой национальной культуре есть две национальные культуры — господствующая буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) культура и элементы, хотя бы не развитые, демократической и социалистической культуры, «ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»<sup>27</sup>. Такие две культуры были и в украинской национальной культуре периода капитализма.

Ленинское учение о двух национальных культурах в каждой национальной культуре сыграло основополагающую роль в разоблачении буржуазно-националистических концепций о бесклассовости и «едином потоке» украинской нации и ее культуры.

<sup>23</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 89.

<sup>24</sup> Там же, стр. 190.

<sup>25</sup> Например, М. Порш в работе «Робітництво України» писал: «И что бы там ни было, большое количество рабочих пришельцев, этот культурный фактор денационализации у нас, на Украине при современных национальных и политических обстоятельствах, становится действительно явлением тревожным как для национального хозяйства, так и для национальной культуры» («Записки українського наукового товариства в Києві», кн. XII, Київ, 1913, стр. 134—135).

<sup>26</sup> См.: В. Г. С а р б е й, Указ. раб., стр. 189.

<sup>27</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с В. И. Козловым, который считает, что «высказывания В. И. Ленина о „национальной культуре“, по-видимому, не следует механически распространять на то понятие национальной (или точнее — народной) культуры, которым пользуются советские этнографы при изучении различных народов СССР и которое охватывает не столько идеологию, сколько другие компоненты духовной культуры, а также широкую область материальной культуры»<sup>28</sup>. Как известно, В. И. Ленин, в противовес либеральным народникам, считал, что народ не является чем-то однородным в социальном отношении, что он делится на классы (в основном на пролетариат и крестьянство), имеющие различные интересы и идеологию, что наиболее передовым классом был пролетариат, что мировоззрению крестьянских масс были присущи, с одной стороны, революционные мысли, с другой — мелкобуржуазные, реакционные иллюзии, религиозные предрассудки и т. д. Поэтому народную культуру (во всяком случае значительную ее часть) периода капитализма, которую изучают советские этнографы, также необходимо рассматривать в свете ленинских высказываний о двух национальных культурах в каждой национальной культуре.

В период капитализма украинский народ выдвинул из своей среды новых выдающихся деятелей культуры, которые, используя в своем творчестве лучшие традиции, богатейшее народное творчество и отражая в той или иной степени интересы и идеологию трудящихся масс, содействовали дальнейшему формированию демократических, а частично (И. Франко, П. Грабовский, М. Коцюбинский, Леся Украинка) и социалистических элементов украинской культуры.

Появление на исторической арене самой передовой общественной силы — пролетариата с его революционной идеологией, формировавшейся под влиянием идей марксизма-ленинизма, с новыми чертами общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры стало величайшим поворотным пунктом в историческом и этническом развитии украинской буржуазной нации. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, в процессе построения социализма, украинский народ превратился в одну из великих социалистических наций, которая вместе со всеми народами Советского Союза успешно строит новое коммунистическое общество.

## LENIN AND PROBLEMS OF THE ETHNIC HISTORY OF THE UKRAINIAN PEOPLE

Some problems of the history of the Ukrainian people are examined in the light of views expressed by V. I. Lenin. The author emphasises the common origin of the Russian and Ukrainian peoples, their proximity on the path of historic and cultural development, the kinship of their languages. In the author's opinion the formation of the Ukrainian as well as the Russian bourgeoisie nation commenced in the XVIIth century and the process was completed in the XIXth century, when capitalism was already dominant, when two antagonistic classes, the bourgeoisie and the proletariat, were finally formed in the Ukraine.

<sup>28</sup> В. И. Козлов, О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 20.

**А. В. Ефимов**

## **В. И. ЛЕНИН О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА И НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ В США**

В. И. Ленин свою жизнь посвятил практической и теоретической борьбе за победу социалистической революции в России и во всем мире. Необходимым условием для этого было создание партии нового типа, вооруженной научной теорией. Революционная пролетарская партия должна была обеспечить соединение социалистической теории с рабочим движением.

У В. И. Ленина наблюдается постоянная и закономерная преемственность в выборе проблем для исследования, в разработке их на основе научной методологии, а также в единстве теоретической работы и практической революционной борьбы.

В тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина говорится: «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям и процессам — органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса. Для марксистов-ленинцев, для всех подлинных революционеров ленинизм — это методология революционного мышления и революционного действия»<sup>1</sup>.

В своей теоретической и практической деятельности В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам, касающимся Соединенных Штатов Америки. Отнюдь не ставя перед собой цели исчерпать богатство того нового, что внесено В. И. Лениным в разработку общих и особенных черт развития капитализма в США и в характеристику национальных отношений в этой стране, мы считаем своей задачей высказать здесь лишь предварительные соображения по этим вопросам.

Проблема развития капитализма в США разработана В. И. Лениным в существенных ее чертах, а об американской нации и национальных отношениях в США имеются чрезвычайно важные отдельные замечания. Было бы нецелесообразным разделить эти две проблемы. Они тесно связаны у В. И. Ленина и в теоретическом отношении, и в плане постановки и решения тех или иных практических политических задач.

Применительно к условиям России, страны с огромным крестьянским населением, В. И. Ленин с самого начала своей деятельности считал весьма важной разработку вопроса о развитии капитализма в сельском хозяйстве на основе данных, относящихся к ряду стран, в том числе и к Америке. При этом Ленин исходил из того, что уже было сделано Марксом в содружестве с Энгельсом. Как известно, Маркс уделял много внимания судьбам крестьянства при капитализме. В XXIV главе I тома «Капитала» рассмотрен вопрос о массовой экспроприации английского крестьянства и в то же время показано, как часть крестьян постепенно превращалась в капиталистических фермеров. Но в переселенческих колониях, например в Соединенных Штатах Америки и в Австралии, наблюдался и обратный процесс — превращение экспроприированных про-

<sup>1</sup> «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», «Тезисы ЦК КПСС», М., 1969, стр. 5.

изводителей метрополии в мелких земельных собственниках колонии. Исследуя процессы капиталистического развития, Маркс изучал и те процессы, которые в переселенческих колониях противодействовали развитию капитализма.

В связи с анализом работ экономиста Уэйкфилда<sup>2</sup> и его ученика Меривейля<sup>3</sup> Маркс писал: «Сущность свободной колонии... заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала»<sup>4</sup>. При этом Маркс приводит замечание Уэйкфилда о том, что в переселенческой колонии вообще трудно получить труд за какую бы то ни было цену.

Проблеме расслоения крестьянства, с учетом особенностей различных стран, Маркс и Энгельс уделяли большое внимание и впоследствии. Они занимались вопросом о воздействии капитализма метрополии на индийскую общину и, исходя из той научной информации, которая в то время у них имелась, сделали вывод о значительном ее разрушении.

Маркс писал об общей перспективе капиталистического развития в Китае и в связи с социальными движениями там — предвестниками тайпинского восстания — заметил, что когда-нибудь в Китае появится якобинский лозунг «Liberté, égalité, fraternité»<sup>5</sup>.

В связи с франко-прусской войной и Парижской коммуной Маркс говорил о французском крестьянстве, о разорении его. В своей работе «Гражданская война во Франции» он писал о *proletariat foncier* (сельском пролетариате), возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия<sup>6</sup>.

«Коммуна, — заметил Маркс, — имела полное право объявить крестьянам, что „ее победа — их единственная надежда“»<sup>7</sup>.

Маркс, занимаясь аграрными отношениями в России, изучал, в частности, работу П. П. Семенова, в дальнейшем знаменитого географа, известного как Семенов-Тянь-Шанский. Статистическое исследование П. П. Семенова показало, что и в России происходил интенсивный процесс имущественной дифференциации и классового расслоения общинного крестьянства<sup>8</sup>. Большой материал о расслоении русской крестьянской общины дали Марксу либеральные авторы работ по аграрным отношениям — Кошелев, Самарин, Кавелин, Дмитриев, М. М. Ковалевский и др. Маркс был знаком с постановкой вопроса о роли общины в судьбах России у революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским. Свое отношение к позиции народников в этом вопросе Маркс выразил в ряде работ, в частности, в ответе на письмо В. И. Засулич<sup>9</sup>.

<sup>2</sup> E. G. Wakefield, *England and America*, v. I—II, London, 1833.

<sup>3</sup> H. Merivale, *Lectures on Colonisation and Colonies*, London, 1841—1842.

<sup>4</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, стр. 770.

<sup>5</sup> Там же, т. 7, стр. 234.

<sup>6</sup> Там же, т. 17, стр. 349.

<sup>7</sup> Там же, стр. 348.

<sup>8</sup> «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 127—128.

<sup>9</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 250—251. Полнее взгляды Маркса на крестьянскую общину в России выражены в набросках к этому письму (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 400—421). О них см.: И. А. Крывелев, Маркс и некоторые проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 18; см. также: В. А. Александров, В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 62. Об изучении Марксом аграрно-крестьянских отношений в России имеется и ряд других работ. В их числе весьма ценные исследования Р. П. Конюшей. См., например: Р. П. Конюшая, К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России, в кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960; е е же, Маркс и русская революция, «Коммунист», 1966, № 6.

В своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»<sup>10</sup> Ф. Энгельс писал о расслоении крестьянства в ряде стран Европы. Эта работа Энгельса направлена против оппортунистических взглядов Фольмара и ошибочных положений в аграрной программе французских социалистов, принятой на их Нантском съезде в сентябре 1894 г.

Названная выше работа Энгельса была известна В. И. Ленину, который в феврале 1903 г. даже перевел ее начало и отдельные места на русский язык<sup>11</sup>. Это было связано с подготовкой В. И. Ленина к лекциям в парижской Русской высшей школе общественных наук<sup>12</sup>.

Как видно из изложенного, Марксом и Энгельсом был собран и проанализирован большой материал о расслоении крестьянства в ходе развития капитализма и отмечены некоторые особенности судеб крестьянства в различных странах. Новые важнейшие теоретические обобщения по этому вопросу были сделаны В. И. Лениным.

Весной 1897 г. В. И. Ленин выступил с работой против швейцарского экономиста Сисмонди и его последователей в России — В. В. (В. П. Воронцова) и Николая О-на (И. Ф. Даниельсона). Работа эта называется «К характеристике экономического романтизма» и имеет подзаголовок «Сисмонди и наши отечественные сисмондисты». Один из главных вопросов, по которому В. И. Ленину приходилось вести борьбу при создании и развитии партии, был вопрос о том, пойдет ли крестьянство по пути капиталистического развития. Народники или старались обойти этот вопрос, или отрицали расслоение крестьянства. А ведь от правильного ответа на этот вопрос зависели и правильная стратегия и тактика рабочего класса по отношению к крестьянству. И вот В. И. Ленин в этой и других работах на высоко научном уровне специальных экономических исследований характеризует процессы экономического расслоения русского крестьянства и закладывает основы своей чрезвычайно важной теории американского и прусского путей развития капитализма в сельском хозяйстве.

В своей работе «Развитие капитализма в России», написанной в 1896—1899 гг., В. И. Ленин делает важнейшее теоретическое обобщение о развитии капитализма вглубь и вширь. «...Процесс образования рынка для капитализма,— писал В. И. Ленин,—представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»<sup>13</sup>.

В этом же исследовании В. И. Ленин выдвигает чрезвычайно важное для характеристики американского пути развития капитализма положение. «Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь». И дальше говорится: «Само собою разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»<sup>14</sup>.

Следующая работа Ленина, освещающая ряд основных вопросов истории американского фермерства, была написана, когда в России назревала буржуазно-демократическая революция. Со всей остротой стояли тогда вопросы о задачах пролетариата и его партии по аграрно-крестьянскому вопросу. В статье В. И. Ленина «Маркс об американском черном переделе», напечатанной в газете «Вперед» 20(7) апреля 1905 г., говорится: «Аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из пер-

<sup>10</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22.

<sup>11</sup> См. «Ленинский сборник», XIX, стр. 295—300.

<sup>12</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 675, примеч. 502.

<sup>13</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

<sup>14</sup> Там же, стр. 596. Примечание.

вых мест самым ходом американского социального движения, как теперь в России, причем речь шла как раз не о развитом капиталистическом обществе, а о создании первоначальных основных условий для настоящего развития капитализма»<sup>15</sup>.

Это место иногда толкуется так, что имелось в виду крайне слабое развитие капитализма в Соединенных Штатах, если не совсем отсутствие там капитализма в 1846 г. Нам представляется, что, хотя развитие капитализма в США в тот период было, конечно, гораздо более слабым, чем позднее, особенно после гражданской войны и уничтожения рабства, однако здесь имеется в виду, что быстрое развитие капитализма вширь несколько задерживало, временно ослабляло развитие антагонистических противоречий капитализма в США, и как раз это интересовало В. И. Ленина, подходившего к проблеме с точки зрения предпосылок революции в стране.

В этой статье В. И. Ленин отмечает, что Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т. е. на неизбежность развития в Америке капитализма. Он приводит замечание Маркса о том, что мечта превратить всех людей в частных собственников столь же неосуществима и столь же «коммунистична», как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап.

«Критика Маркса,— писал В. И. Ленин,— полна яда и сарказма. Он бичует Криге именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «соц-революционеров»... за непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития»<sup>16</sup>. Вместе с тем Ленин вслед за Марксом отмечает прогрессивное значение стремления к буржуазно-демократическому разрешению аграрного вопроса как в Америке середины XIX в., так и в России начала XX в.

К вопросу о развитии капитализма в Америке В. И. Ленин возвращается в своей книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанной в ноябре — декабре 1907 г.<sup>17</sup>

В. И. Ленин пишет о том, что черносотенные помещики и их министр Столыпин «дали *carte blanche* кулакам грабить крестьянскую массу, ломать старое землевладение, разорять тысячи хозяйств; они отдали средневековую деревню на «поток и разграбление» владельцу рубля. Они *не могут* поступать иначе в интересах сохранения своего господства как класса, ибо они сознали необходимость приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним. А для сохранения своего господства им не с кем соединиться, как с «чумазым», с Разуваевым и Колупаевым *против* крестьянской массы... Такой путь развития требует для своего осуществления сплошного систематического необузданного *насилия* над крестьянской массой и над пролетариатом»<sup>18</sup>.

«Другой путь развития,— писал Ленин,— мы назвали американским путем развития капитализма, в отличие от первого, прусского. Он требует также насильственной ломки старого землевладения... Но эта необходимая и неизбежная ломка возможна в интересах крестьянской массы... Такой путь развития требует не только уничтожения помещичьего землевладения»<sup>19</sup>. «Революционный путь действительного свержения старого порядка неизбежно требует, как своей экономической основы, уничтожения всех старых форм землевладения вместе со всеми старыми политическими учреждениями России... Крестьянская аграрная револю-

<sup>15</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 53.

<sup>16</sup> Там же, стр. 58.

<sup>17</sup> Там же, т. 16, стр. 193—413.

<sup>18</sup> Там же, стр. 404.

<sup>19</sup> Там же, стр. 404, 405.

ция... не может выполнить целиком своей исторической миссии без национализации земли»<sup>20</sup>, — писал далее Ленин.

Как видно из данной работы, В. И. Лениным на основе опыта буржуазно-демократической революции в России в начале XX в. и в Соединенных Штатах Америки в XIX в. внесено новое не только в аграрный вопрос, но и в теорию развития капитализма в целом. В. И. Ленин разработал положение о двух типах капиталистического развития; причем, учитывая, что тенденции двух этих типов могут встречаться в различных странах, Ленин в других работах иногда говорит шире — не о прусском и американском или фермерском путях развития капитализма в сельском хозяйстве, — а о двух путях развития капитализма вообще, свое же положение о различных путях развития капитализма облекает в математическую формулу о развитии капитализма по пути  $\alpha$  или по пути  $\beta$ <sup>21</sup>.

Концепции В. И. Ленина о двух путях развития капитализма, «американском» и «прусском», в марксистской литературе уделено большое внимание. Однако чрезвычайно важное высказывание В. И. Ленина о двух типах государственно-политического развития на примере тех же США и Германии, насколько нам известно, не нашло отражения в марксистской американистике.

Вот это замечание: «Экономическое объединение, — писал В. И. Ленин, — *выигрывает* от демократизма, от свободы отделения (Норвегия и Швеция; Америка VS Германия»<sup>22</sup>.

Это высказывание В. И. Ленина важно и для понимания истории США и Германии, и для теории национального государственного развития.

VI Всероссийская конференция РСДРП в Праге в январе 1912 г., работавшая накануне нового революционного подъема, явилась этапом в развитии партии нового типа. В 1913 г. на Поронинском совещании партии особое внимание уделялось национальному вопросу.

В этих условиях В. И. Ленин продолжал разработку вопроса о закономерностях роста антагонистических противоречий капитализма.

В своей написанной в 1915 г. капитальной работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, вып. 1 — Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», как видно из ее заглавия, В. И. Ленин предполагал дать обобщающую работу о развитии капитализма в целом ряде стран и начал с опровержения антимарксистской теории некапиталистической эволюции земледелия в Соединенных Штатах Америки. Эту буржуазную концепцию В. И. Ленин связывает с ошибочными представлениями русских народников о русском крестьянстве: «Отсутствие частной собственности на землю в известных районах громадной страны не устраняет капитализма — к сведению наших народников! — а, наоборот, расширяет базу для него, ускоряет его развитие»<sup>23</sup>.

Если К. Маркс, исследуя в «Капитале» тенденцию нарастания непримиримых противоречий капитализма, рассмотрел социальное развитие в переселенческих колониях, выделив в нем тормозящую развитие капитализма тенденцию, то В. И. Ленин на основе нового исторического опыта и исходя из задач пролетарской революции в странах со значительным крестьянским населением с предельной четкостью показал, как происходит превращение патриархальных фермеров в пауперов и батраков, с одной стороны, и в мелкую буржуазию, — с другой.

Об Америке В. И. Ленин писал: «Там... основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных

<sup>20</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 407.

<sup>21</sup> Там же, т. 47, стр. 228.

<sup>22</sup> Там же, т. 27, стр. 440 (Конспект работы «Империализм и право нации на самоопределение»).

<sup>23</sup> Там же, т. 27, стр. 211.

помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса... и лишь на новой, вполне капиталистической основе развивалась там теперь частная собственность на землю»<sup>24</sup>.

Разоблачая вслед за Марксом капиталистическую эксплуатацию в США, В. И. Ленин, придерживаясь строгой объективности в оценке фактов, указывает, что при «американском» или фермерском пути развития массы населения, крестьянства и рабочих, находятся в относительно более благоприятных условиях, чем при прусском пути.

В то же время В. И. Ленин показывает, что американской демократии присуща жесточайшая эксплуатация негров. «Замкнутость, заско-рузлость, отсутствие свежего воздуха, какая-то тюрьма для освобожденных негров. Вот что такое американский юг»<sup>25</sup>. Ленин вскрыл также сущность другой важнейшей национальной проблемы США. В статье «Капитализм и иммиграция рабочих»<sup>26</sup>, написанной в 1913 г., он охарактеризовал миграции капиталистической эпохи и, отметив, что «Америка стоит во главе стран, ввозящих рабочих»<sup>27</sup>, привел статистические данные о динамике и источниках иммиграции в США, столь существенных для развития американского капитализма и американской нации. «Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»<sup>28</sup>, — писал он.

Ленин охарактеризовал также тот механизм, посредством которого все это этнически пестрое население пополняло американскую нацию. Главной частью этого механизма служили города, которые везде, как неоднократно отмечал Ленин, отличаются национальной пестротой, «Штат Нью-Йорк, — писал он, —... походит на мельницу, перемалывающую национальные различия. И то, что в крупных, интернациональных размерах происходит в Нью-Йорке, происходит также в *каждом* большом городе и фабричном поселке.

Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...»<sup>29</sup> — добавлял он, оценивая тем самым один из важнейших этнических процессов, существенных не только для американской нации, но и для всех народов мира.

И в марксистской американской литературе, и в нашей американистике, и в общеметодологических и политических документах, и в выступлениях коммунистических руководителей большое внимание уделяется письму В. И. Ленина к американским рабочим от 20 августа 1918 г.<sup>30</sup>

Остановимся на этом важнейшем документе. Ленинские характеристики войны за независимость и гражданской войны, данные в этом письме, говорят о революционных традициях американского народа. Эти замечания имеют прямое отношение к национальной проблеме. Как известно, в формировании и развитии нации имеет большое значение деятельность самих народных масс<sup>31</sup>.

<sup>24</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 129.

<sup>25</sup> Там же, т. 27, стр. 144.

<sup>26</sup> Там же, т. 24, стр. 89—92.

<sup>27</sup> Там же, стр. 90.

<sup>28</sup> Там же, стр. 91.

<sup>29</sup> Там же, стр. 126, 127.

<sup>30</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48—64. Из новейших работ об этом произведении см.: М. И. Труш, Письмо к американским рабочим, «США», 1970, № 3, стр. 9—15.

<sup>31</sup> К. Иванов, Ф. Энгельс о роли народных масс в формировании наций. «Новая и новейшая история», 1969, № 5. Ранее этот же вопрос нашел свое отражение в методической литературе по истории и в учебниках для средней школы.



Приведем следующее место из письма В. И. Ленина.

«В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только „разрушение“ некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»<sup>32</sup>.

Велика роль народных масс не только в развитии языка, в успехах производства, создании культурных ценностей, но и в том важнейшем моменте складывания и развития наций, которым является классовая борьба и особенно революция.

Из концепции В. И. Ленина вытекает значительная роль революционной борьбы американского народа в формировании и дальнейшем развитии американской нации. Эта концепция В. И. Ленина находится в разительной противоположности с положениями американских буржуазных историков-теоретиков, таких как Ф. Д. Тернер и Ч. О. Бирд.

Так, Ф. Д. Тернер провозгласил, что американская нация возникла на западных землях в процессе их колонизации. Первые поселения на Атлантическом побережье, писал Тернер, составляли передовую черту поселений Европы. Двигаясь на Запад, они становились американскими. Именно на Западе, утверждал Тернер, сложилась американская нация. Американская демократия, полагал Тернер, вышла из американских низов и черпала каждый раз новую силу в соприкосновении с границей<sup>33</sup>.

Чарльз Остин Бирд<sup>34</sup>, глава так называемой экономической школы в американской историографии, склонен к пониманию американской нации как совокупности соперничающих, аграрных, промышленных торговых и других хозяйственных групп и к пренебрежению классовыми противоречиями внутри нее.

Концепция В. И. Ленина исходит из совершенно другого обоснования, из признания общенациональной значимости классовых революционных задач, в частности из оценки отделения США от Англии как национального самоопределения, сделанного в условиях «революционной войны».

Второй момент, на который мы хотим обратить особое внимание, — это то, что высказывания В. И. Ленина о гражданской войне явно носят политический характер.

В Соединенных Штатах ряд историков выступал прежде и выступает теперь, в наше время, против идеи о неизбежности Гражданской войны в США. Об этом, например, писали Эвери Крейвен — автор работы «Устранимый конфликт», Ренделл и Элис Коултер из университета Джорджии. В 1942 г. профессор Казанского университета Д. Малин выступал против бессмысленной гражданской войны в США. Дело в том, что отрицание прогрессивного значения гражданской войны в США имеет свои давние исторические корни.

Буржуазный историк Альбрехт Вирт в книге «Всемирная история современности» (4-е изд., Лейпциг, 1913 г.) писал о том, что «Соединен-

<sup>32</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 58.

<sup>33</sup> F. J. Turner, The frontier in American history, New York, 1920.

<sup>34</sup> См., например: Ch. A. Beard and M. R. Beard. The rise of American civilisation, New York, 1942.

ные Штаты бесполезно и глупо воевали во время Великой гражданской войны»<sup>35</sup>. И там же этот автор писал: «По существу, война (гражданская война) не имела никакого смысла, так как негр, из-за которого шла война, теперь снова на пути к тому, чтобы быть лишенным всех прав»<sup>36</sup>. В. И. Ленин, конспектировавший книгу Вирта в связи со своим исследованием империализма, выделил и отметил иронической прописью его замечание о том, что гражданская война велась бесполезно и глупо, явно показав свое отрицательное отношение к подобным идеям.

Выше мы остановились на, так сказать, американском аспекте письма к американским рабочим В. И. Ленина. Но у этого письма имелся и российский, советский аспект. Оно было написано в то время, когда США вместе с Антантой напали на молодую советскую страну. Советской России, новому социалистическому государству, находившемуся в крайне тяжелых условиях, нужна была помощь международного, и в том числе американского, пролетариата. И эта помощь в той или иной, но существенно важной мере была оказана также и американскими рабочими, в авангарде которых шли коммунисты. А в этом сыграло большую роль подробное и мотивированное обращение В. И. Ленина к американским рабочим.

В заключение остановимся на сегодняшнем дне развития капитализма в США и его перспективах, для чего потребуется бросить взгляд на прошлое.

Как известно, в 80-х и особенно 90-х годах в США наблюдалось значительное усиление классовых боев рабочих, достигших наибольшего размаха во время стачки в Пульмане в 1894 г., которая послужила важным этапом складывания национального фронта труда, с одной стороны, и капиталистических монополий — с другой. В то же время до 1896 г. значительно возрастала политическая активность фермеров. Встает законный вопрос, почему в конце 90-х годов, во-первых, так быстро происходит упадок фермерского движения и, во-вторых, почему в первое десятилетие XX в. мы не наблюдаем значительного подъема не только фермерского, но и рабочих движений, достигших значительной силы в конце столетия. Разумеется, здесь сыграло роль наступление фазы подъема мирового экономического цикла. Нам представляется также, что 70—90-е годы являлись периодом расцвета фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, но в то же время и значительного расслоения фермерства, разорения многих мелких земельных собственников, длительной агонии массы ферм в процессе их упадка. Истощение западных земель, доступных для освоения без значительных затрат, нанесло сильный удар до того полнокровному развитию фермерства в Соединенных Штатах, положило конец надеждам на благополучное настоящее и будущее мелких фермеров в стране.

Что же касается начала XX в., то здесь, как мы полагаем, происходит модификация закономерности развития капитализма вширь. Если до конца XIX в. развитие капитализма вширь происходило в основном за счет индейских земель, то с начала XX в. стоявшие у власти монополии США переходят к активной, широкой колониальной внешней политике, затем к вывозу в значительных масштабах капиталов<sup>37</sup>.

Начальными этапами экспансионизма США во внешней сфере следует считать еще войны против индейцев, попытки буржуазии Севера захватить Канаду и захваты земель южных соседей по требованию плантаторов-рабовладельцев. Активная колониальная политика готовилась в 80—90-х годах путем создания линейного военно-морского

<sup>35</sup> См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 50.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> См. Л. И. Зубок, Экспансионистская политика США в начале XX века, М., 1969.

флота, а также путем пропаганды идеи о внешней экспансии в политике, исторической науке, литературе.

Обычно в исследованиях указывается на роль исчерпания западных земель в прекращении развития капитализма в Соединенных Штатах вширь. Мы не считаем, что это развитие капитализма вширь со всеми его последствиями закончилось в XIX в. Оно продолжалось и в XX столетии, но в другой форме, и это наряду с новыми внутренними чертами развития капитализма США дает ключ к пониманию ряда моментов экономического и политического развития Соединенных Штатов Америки и американской нации в дальнейшем.

В качестве некоторого послесловия заметим, что, по нашему мнению, развитие капитализма США вширь теперь, в 70-е годы XX в., переживает новые 90-е годы XIX в., когда были исчерпаны так называемые свободные земли. В нашу эпоху народы сопротивляются попыткам рассматривать их земли как свободные для экспансии американских монополий. И не случайно экспансионизм США терпит одно за другим поражения в разных регионах, на разных континентах.

#### **V. I. LENIN ON THE DEVELOPMENT OF CAPITALISM AND ON CERTAIN NATIONAL PROBLEMS IN THE UNITED STATES**

Lenin's main views of American history are analyzed in the article. At a time when revolution was pending in Russia, a peasant country, the development of American agriculture and farm economy aroused Lenin's particular interest. These studies helped him to formulate his theory of two types of capitalist development in agriculture — the American and the Prussian, corresponding to two different types of development of state and society. Lenin's views of the specific features of ethnic evolution in the United States are noted: the Negro problem and the role of immigration. His high evaluation of American revolutionary traditions, especially those of the Civil War, is cited.

---

**Л. С. Клейн**

## **ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

В 1881—1882 гг. в обстановке обострения классовой борьбы в крупнейших «крестьянских» странах — России и Германии, когда в марксистской теории изучается опыт Парижской коммуны и в повестку дня встают судьбы государства и крестьянской общины при переходе к будущему, бесклассовому обществу (критика «Готской программы» и дискуссии с русскими народниками), К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют особое внимание изучению проблем первобытнообщинного строя. В то самое время, когда Маркс детально конспектирует книгу Л. Г. Моргана «Первобытное общество», Ф. Энгельс усиленно собирает и анализирует материалы по истории древних германцев, подготавливая большую специальную работу (сохранился ее план). Плодом этих занятий Ф. Энгельса явились две рукописи: «К истории древних германцев» и «Франкский период». Вероятно, ввиду того что работа осталась неоконченной, рукописи не увидели света при жизни автора (они были опубликованы впервые лишь в 1937 г., а частично в 1935 г. в СССР). Однако достигнутые результаты были затем использованы Энгельсом при написании статьи «Марка», вышедшей в свет в 1882 г., и при разработке глав о германцах в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884).

Значение этих работ Ф. Энгельса рассматривалось с разных сторон в нашей научной литературе<sup>1</sup>, однако в одном аспекте они еще не анализировались. В этих работах Энгельс выступает не только как теоретик марксизма и энциклопедически образованный ученый, но и как квалифицированный специалист в области древнейшей истории Европы. Энгельс четко определил для себя и подчеркивал для читателя сугубо исследовательский характер этой своей работы; она была для него по преимуществу специальным исследованием больше, чем какая-либо другая из его работ. Трудно назвать еще одну работу Энгельса, в которой бы он с такой последовательностью, неоднократно именовал свой труд — «наше исследование»<sup>2</sup> и прямо указывал, что стремится заложить «основу для дальнейших детальных исследований»<sup>3</sup>.

Энгельс учел и рассмотрел весь круг материалов, проработал огромную литературу: труды Каспара Цейсса, Я. Гримма, К. Мюлленгофа,

<sup>1</sup> В. П. Петров, Энгельс о родовом строе древних германцев, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 4, 1936, стр. 647—690; В. И. Равдоникас, Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе. В сб. «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 535—576; его же, История первобытного общества, ч. 1, Л., 1939, стр. 30—33, 70—73; М. О. Косвен, Энгельс и Морган, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 4, стр. 3—30. С. Н. Быковский, Энгельс и проблема происхождения общественных классов. В сб. «Вопросы истории доклассового общества», стр. 813—849; А. П. Окладников, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современность, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 5—9 и др.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 480, 483, 489, 493, 521, 523, 527, 534, 542.

<sup>3</sup> Там же, стр. 483.

Е. А. Ворсо, Г. Гильдебранда, Ф. Дальмана, Г. Вайца, У. Бойд Докинса, Маурера и др. По сути, не осталось ни одного сколько-нибудь существенного труда по истории германцев, который бы ускользнул от его внимания. С большой полнотой учтены археологические материалы и сведения древних авторов: Страбона, Цезаря, Тацита, Плиния Секунда, Птолемея, Диона Кассия и т. д. Конечно, за истекшее с той поры без малого столетие накоплено значительное количество новых материалов, сделаны важные шаги в понимании старых сведений, иные положения и приемы тогдашней науки, использованные Энгельсом, устарели (датировка индоевропеизации Европы кануном римского времени, отрицание металлообработки у германцев в первые века н. э., прямая увязка галлштата с этрусками и т. п.)<sup>4</sup>.

Особенно примечательно, что Энгельс подверг раннюю историю германцев специальному исследованию как раз перед самым возникновением (именно и прежде всего на базе древнейшей истории германцев) нового, резко реакционного направления в археологии и изучении ранней истории — направления Коссины. Густав Коссина выступил с первым изложением основ своей концепции в 1895 г. (год смерти Энгельса). Это был поворотный пункт в изучении германцев в Германии. Энгельс, по сути, подвел итог целому периоду в изучении древних германцев и наметил новые пути их изучения. Вскоре к этой же отрасли были применены другие принципы и методы, надолго определившие характер ее изучения в Германии.

Если исключить единичные выступления, остававшиеся гласом вопиющего в пустыне, то только через полстолетия, уже в послевоенное время в немецкой археологической науке начался общий критический пересмотр коссиновских догм и поиски новых методов, которые пошли разными путями в двух германских государствах. Анализ методики и мастерства Энгельса как исследователя германских древностей приобретает в этой исторической перспективе особый интерес.

В течение всего XIX в. в немецкой науке господствовали две крайности в отношении к древним германцам. С одной стороны, крупнейшие представители немецкой исторической школы просто игнорировали германцев, отводя им сугубо скромное место в мировой истории. Вполне в античном стиле историки-классики XIX в. третировали древних германских варваров как грубых полуживотных, недостойных солидного изучения — такого, какого заслуживали главные силы древней цивилизации — греки и римляне. В начале века И. Хр. Аделунг в своей «Древнейшей истории немцев» писал о германцах Тацита: «Германец — хищник, который спит, когда не охотится и не жрет»<sup>5</sup>. В конце века Отто Зек чтил древних германцев «бескультурным народом» (*Naturvolk*) «дикими ордами», ворами, грабителями, «пьяницами и забияками с бешеным обжорством» и т. д.<sup>6</sup>

С другой стороны, в рамках немецкой филологии, особенно начиная с романтиков, культивировалась эмоциональная поэтическая идеализация древних германцев. Материалы филологии, особенно героический эпос и богатства языка, представляли для этого гораздо больше возможностей, чем презрительные, естествоведчески аккуратные сообщения древних римских авторов. Те, кто нуждался в романтически возвышенных образах предков — для противопоставления их убогому настоящему, — находили их не в истории, а в филологии. На этой почве родились идеи Гердера о неумирающем национальном духе, соединяющем всех соплеменников друг с другом и потомков с предками и определяющем об-

<sup>4</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450—451, 477.

<sup>5</sup> J. Chr. Adelung, *Altteste Geschichte der Deutschen*, 1806, S. 297.

<sup>6</sup> O. Seeck, *Preussische Jahrbücher*, 1894; его же, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, Bd. 1—VI. 2. Aufl. Berlin, 1897—1920, *passim*.

лик всей культуры народа во всех ее проявлениях и на всех этапах<sup>7</sup> (отсюда только шаг до идеи о расовом духе).

В то время как немецкая история игнорировала древних германцев, филология занялась их изучением. Развившаяся в ее недрах германистика быстро переросла рамки языкознания и фольклористики и расширила свою программу. Охватив все стороны культуры древних германцев и их предков, она превратилась в обширную «науку об индогерманских древностях» (*indogermanische Altertumskunde*), которая в конце концов распространила свою компетенцию и на письменные источники. От Я. Гримма, К. Цейсса и Ф. А. Вольфа до К. Мюлленгофа растет и ширится это любовное изучение и ученое любование, пока не находит себе окончательного резкого реакционного выражения в трудах ученика Мюлленгофа — Густава Коссины. Этот последний в конце XIX и начале XX в. выступил с откровенно шовинистическим превознесением древних германцев как народа «высшей» расы, как главных и чуть ли не единственных создателей всей культуры Европы, основоположников всей современной европейской цивилизации. Германцы никогда не были варварами, они всегда стояли выше всех других народов — вот один из основных девизов Коссины<sup>8</sup>.

Обе традиции, как историческая, так и филологическая, имели в основе одно: признание природного неравенства народов, деление их на исторические и неисторические (*Kulturvölker* — *Naturvölker*), и спор шел только об одном: к какому из этих двух разрядов относятся древние германцы (современных обе стороны относили, конечно, к первому разряду). Современная западногерманская наука недалеко ушла от этой узкой дилеммы, и сейчас старый спор продолжается в том же плане: можно ли древних германцев отнести к *Naturvölker*<sup>9</sup>.

Энгельс как первый ученый-марксист, занявшийся древними германцами, первым объективно определил их подлинное место в истории, исходя из иных принципов оценки, отказавшись и от предвзятых догм о «высших» и «низших» народах и от эмоционального подхода. Почти во всем «наши предки, по наблюдениям Цезаря, были настоящими варварами», — спокойно констатирует он в рукописи о германцах<sup>10</sup>. Они «постоянно воевали между собой и за недостатком денег платили дань римлянам своими женами и детьми, отдавая их в рабство... Те самые германцы, которые несколько столетий спустя, в период переселения народов и своих войн против славян, выступили как первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени»<sup>11</sup>. Однако Энгельс далек от того, чтобы на этом основании исключать древних германцев из числа «исторических» народов, морализировать по поводу их грубости и безнравственности, примеряя факты прошлого к современным критериям и иным ситуациям. Историк должен объяснить эти факты, оценивая их в их историческом контексте. Позже, в «Происхождении семьи», Энгельс разработает объяснение отталкивающих качеств варваров (германских и других): выяснит, что здесь вытекает из особенностей родового строя, из его исторически обусловленной морали, а что из ломки моральных норм родового строя (а вместе с тем и всяких моральных норм) при катастрофическом распаде родового строя в условиях столкновения с агрессивной эксплуататорской цивилизацией<sup>12</sup>. Там же Энгельс даст и

<sup>7</sup> P. Kluckhohn, *Die Idee des Volkes im Schrifttum der deutschen Bewegung von Möser und Herder bis Grimm*, Berlin, 1934.

<sup>8</sup> G. Kossinna, *Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft*, Würzburg, 1912.

<sup>9</sup> W. E. Mühlmann, *Ethnologie und Geschichte*, in: «*Studium Generale*», Bd. 7, 1954, S. 165—177; R. Wenskus, *Stammesbildung und-Verfassung*, Köln — Graz, 1965, S. 5—9.

<sup>10</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 451.

<sup>11</sup> Там же, т. 19, стр. 472—473.

<sup>12</sup> Там же, т. 21, стр. 97—99, 112—114, 138.

свое знаменитое определение места древних германцев в истории Европы, указав, что германцы «вдохнули умиравшей Европе новую жизнь» и что «омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»<sup>13</sup>. Но уже в рукописи о германцах четко проступают принципы такого подхода.

Энгельс отмечает, что Рим возмущался «вероломными германцами», терпя от них поражения в своем завоевательном натиске. «Мы уже видели, — пишет Энгельс, — как Веллей изображал их „продувными бестиями, словно созданными для лжи“. То же самое говорит и Страбон. Он не знает ни „германской верности“, ни „романского вероломства“, а как раз обратное... Мы уже не говорим о негодующих и дышащих местью стихах Овидия». И далее следуют слова, в которых ярко отражено единство исследовательской объективности историка и безусловной партийности автора. «Однако те средства, которые пускаются в ход в целях порабощения, должны быть дозволены также и в целях свержения ига рабства. Пока будут существовать эксплуатируемые и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и порабощенные — на другой, до тех пор применение хитрости и насилия будет с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь останется бессильной»<sup>14</sup>. Энгельс равно далек и от националистического цепляния за любую национальную самобытность и самостоятельность (в любых условиях — лишь бы свое!), и от космополитического преклонения перед благодетельностью более высоких цивилизаций. Указав, что «сражение с Варом представляет собой один из наиболее решающих поворотных моментов в истории», Энгельс продолжает: «Независимость германцев от Рима была этим сражением установлена раз навсегда. Можно много и бесплодно спорить о том, была ли эта независимость уж таким выигрышем для германцев, но бесспорно, что без нее все историческое развитие пошло бы в другом направлении». Это высказывание Энгельс заканчивает следующими словами, которые вполне современно звучат в середине XX в.: «И если вся последующая история германцев в действительности представляет почти исключительно длинный ряд национальных бедствий, в которых большей частью виноваты были они сами, так что даже самые прочные успехи почти всегда обращались во вред народу, все же надо, однако, сказать, что тогда, в начале их истории, германцам определенно улыбалось счастье»<sup>15</sup>.

Ввиду того, что в немецкой исторической науке германцы рассматривались лишь как периферия римского мира, историкам, глядевшим на древних германцев, так сказать, глазами римлян, было вполне достаточно одной категории источников — сообщений римских авторов. Другие источники, в частности археологические, были, конечно желательны, но прежде всего для иллюстрации и некоторого уточнения, пояснения и дополнения данных письменных источников о деяниях и культуре римлян. Связанные с этой исторической школой археологи-античники работали и в Германии — изучали римский импорт, раскапывали римские лагеря, прослеживали римские дороги, восстанавливали *limes* (систему пограничных поселений и укреплений римлян). Из местных племен археологи обратили внимание раньше и больше на романизированных жельтов, чем на германцев.

Что же касается построенной филологами-романтиками германистики, то этой более молодой, чем история древнего мира, науке почти на целый век хватило освоения лингвистических, фольклорных, этнографических, а затем и письменных источников. Только к концу XIX в., во время и после появления многотомного обобщающего капитального труда К. Мюллengoфа, у германистов стало складываться впечатление,

<sup>13</sup> Там же, стр. 154.

<sup>14</sup> Там же, т. 19, стр. 464—465.

<sup>15</sup> Там же, стр. 465.

что все эти категории источников исчерпаны, а многие крупные проблемы все же не решены и что надо обратиться к незатронутой категории источников — археологии.

Задолго до этого и именно у Энгельса мы находим первый широко поставленный опыт синтеза разнородных категорий источников — письменных, лингвистических, этнографических, антропологических и археологических — в изучении раннегерманского общества. Энгельс обстоятельно использует сообщения античных авторов и сведения средневековых документов самих германцев; в ряде вопросов опирается на данные языкознания, детально входя в разработку некоторых языковедческих проблем (классификация диалектов); чтобы восстановить содержание и облик «земельного и административного» строя древних германцев, обращается следом за Маурером к изучению этнографических пережитков этого строя в современной Европе (организация марки), а позже, опираясь на исследования Моргана, — к более широким возможностям сравнительной этнографии народов мира; изредка привлекает и антропологические материалы (сообщения Вирхова и Шафгаузена о типе черепов догерманского населения Европы). А для восстановления периодов и сторон жизни, слабо освещенных этими категориями источников, Энгельс обращается к археологии: «Там, где прекращается свидетельство Птолемея, продолжают говорить находки»<sup>16</sup>.

Он отмечает, что «недавно была открыта большая римская крепость» у Липштадта и что «недавно было установлено существование римских дорог, которые вели к истокам Липпе»<sup>17</sup>. Он сравнивает количество римских серебряных динариев, найденных на о. Готланд (свыше 3200) и в других местах — Эланде (около 100), Швеции (менее 50), Дании и Шлезвиге (около 600) и приходит к выводу, что на Готланде существовал важный центр торговли<sup>18</sup>. Торговля прослеживается и по вещам: «В Силезии и Бранденбурге во II и III веках римские купцы были, по видимому, постоянными жителями. Там мы находим не только стеклянные урны, флакончики для благовоний (Tränenfläschchen) и могильные урны с латинскими надписями (раскопки у Требница в Силезии и в других местах), но даже целые римские склепы с нишами для урн (колумбариями) (в Нахельне у Глогау)». Далее упоминаются римские глиняные лампы, металлические изделия с клеймами и т. д.<sup>19</sup>

Однако Энгельс использует не только свидетельства римского импорта, но и остатки культуры самих германцев и безымянных древних обитателей Европы. Говоря о заселении Европы, он упоминает «древнейшие следы человека» в пластах «между обоими периодами оледенения так называемой ледниковой эпохи»<sup>20</sup>. В доказательство раннего появления мореплавания у германцев, позволившего им самим заниматься торговлей, Энгельс ссылается на «шведские рисунки на скалах, приписываемые бронзовому веку» и изображающие многовесельные лодки, а также на обнаруженную в Нюдамском болоте (Шлезвиг) ладью начала III в., пригодную для морского плавания<sup>21</sup>. Он перечисляет предметы, найденные вместе с этой ладьей и в иных памятниках того же времени — ткани, кольчуги, шлемы, застежки (фибулы), керамику, ножны, рунические надписи и пр. — и оценивает их социологическое значение<sup>22</sup>. Если об уровне культуры германцев периода между Цезарем и Тацитом Энгельс судил по письменным сообщениям этих и других римских авторов, а об уровне культуры периода переселения народов — по древнейшим письменным памятникам самих германцев, то уровень культуры промежу-

<sup>16</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 469.

<sup>17</sup> Там же, стр. 456, 459.

<sup>18</sup> Там же, стр. 473—475.

<sup>19</sup> Там же, стр. 470.

<sup>20</sup> Там же, стр. 442.

<sup>21</sup> Там же, стр. 475.

<sup>22</sup> Там же, стр. 476—480.



точного периода Энгельс восстанавливает исключительно по археологическим источникам. Таким образом, в его работе археология используется не для простой иллюстрации древней литературной традиции, а на равных правах с нею, как самостоятельный вид исторических источников, обеспечивая исследователю возможность воссоздать цельную картину исторического развития, используя все категории материалов в их совокупности. Правда, сейчас, в последние десятилетия, на повестку дня встало обсуждение способов и условий такого синтеза<sup>23</sup>, но в то время сама постановка проблемы синтеза на конкретном примере представляла существенный шаг вперед. Однако некоторым из выдвигаемых в настоящее время условий такого синтеза мы находим в труде Энгельса весьма интересные соответствия. Это касается, в частности, требования предварительной внутренней критики каждого вида источников по отделимости, оценки и ограничения возможностей его использования.

Внутренняя критика источников, занимающаяся в отличие от начатой раньше внешней критики не выяснением достоверности, подлинности документа, а определением реалистичности, объективности его содержания, была в течение XIX в. разработана немецкой исторической школой и являлась одним из ее достижений. Основы этого направления критики заложил Нибур, в дальнейшем ее приемы совершенствовали Ранке, Дройзен и Момзен. Но так как изучение древних германцев было вдали от интересов немецкой исторической школы вообще, оно осталось и вне сферы действия этой системы приемов критики, ускользнуло от критической проработки этого рода. В филологии же, из лоно которой вышла германистика, научная критика источников была только внешней; хотя со времен Вольфа применялись разносторонние приемы ее: проверка подлинности документов, восстановление истории каждого из них, разделение текста на хронологические слои, сравнение вариантов и восстановление архетипов. Этим и ограничивались германисты. Слишком эмоциональное отношение к материалам, благоговейная преданность старым национальным традициям привели германистов к наивной и слепой вере в достоверность содержания древних текстов и преданий, убили в зародыше здоровые сомнения, затуманили трезвость мысли и воспрепятствовали нетрудному, казалось бы, заимствованию готовых, уже разработанных приемов внутренней критики источников у немецкой исторической школы. Из всех германистов самый опьяненный германской древностью — Коссина. И самый доверчивый к сведениям древних авторов. Несмотря на всю свою воодушевленность возможностями археологии, он критерием и обоснованием археологических реконструкций все-таки делает сведения древних римских авторов. Только в XX в. встал вопрос о внутренней критике археологических источников<sup>24</sup>. Только в XX в., по сути, была начата в науке и внутренняя критика римских сочинений как источников по изучению ранних германцев<sup>25</sup>. Но лишь в послевоенное время ее результаты были введены в историко-археологический синтез<sup>26</sup>. Пробным камнем критичности оказался вопрос о признании Рейна границей между германцами и кельтами в соответствии с античной литера-

<sup>23</sup> J. Eggers, Einführung in die Vorgeschichte, München, 1959; А. Л. Монгайт, Археологические культуры и этнические общности, «Народы Азии и Африки», 1967, № 1.

<sup>24</sup> R. H. Jacob-Friesen, Grundfragen der Urgeschichtsforschung, Hannover, 1928; J. Eggers, Указ. раб.

<sup>25</sup> F. Frahm, Cäsar und Tacitus als Quellen für die altgermanische Verfassung, in: «Historisches Vierteljahresschrift», Bd 24, 1929, S. 145—181; F. Beckmann, Geographie und Ethnographie in Caesars Bellum Gallicum, Dortmund, 1930; E. Bickel, Die Glaubwürdigkeit des Tacitus und seine Nachrichten über den Nerthus-Kult und den Germanennamen, «Bonner Jahrbücher», Bd 139, 1934, S. 1—20; H. Naumann, Die Glaubwürdigkeit des Tacitus, Там же, стр. 21—33; G. Walser, Caesar und die Germanen, Weisbaden, 1956.

<sup>26</sup> R. Hachman, G. Kossack, H. Kuhn, Völker zwischen Germanen und Kelten, Neumünster, 1962.

турной традицией. Коссина, исходя из этого указания как из факта, определял этническую принадлежность археологических памятников к двум этносам, несмотря на культурную однородность памятников и в полном противоречии со своим «уравниванием»: культура — народ — народоплеменная группа. Э. Вале, исходя из этого противоречия археологических данных и литературных сведений опять же как фактов, отверг саму возможность согласования этнографических сведений древних с археологическими картами, этносов с культурами<sup>27</sup>. И лишь недавно археологи усомнились в правильности восприятия этих сведений как фактов<sup>28</sup>.

Около 90 лет назад Ф. Энгельс категорически утверждал: «Рейн ни в коей мере не представлял резкой границы между галлами и германцами»<sup>29</sup>. И Энгельс тут же доказывал это сопоставлением различных мест из сочинений древних авторов.

В советской историографии в свое время была выдвинута упрощенная трактовка соотношений между марксистским историческим исследованием и внутренней критикой источников. Эта трактовка исходила из резко отрицательного отношения к такой критике, связанного с тем, что ее методы были использованы эпигонами немецкой исторической школы (Э. Норденом, К. Кёне, Г. Фишером, И. Бюлером и др.) для подрыва доверия к сообщениям древних авторов о чертах первобытнообщинного строя у древних германцев, а тем самым к марксистской схеме исторического процесса<sup>30</sup>. Е. Г. Кагаров изображал все развитие критики Цезаря и Тацита как новшество, обусловленное фашизацией немецкой исторической науки, и противопоставлял этому прежнюю традицию «буржуазных ученых XIX и XX вв.»<sup>31</sup>, ряд которых он начинал с ...Мюллэнгофа (на деле он был не историком, а филологом). С некоторыми оговорками Е. Г. Кагаров противопоставлял критике и подход Энгельса, поскольку тот «неоднократно ссылается на показания античных писателей о древних германцах»<sup>32</sup>. В этих упрощенных противопоставлениях сильно смещены и искажены действительные соотношения.

Внутренняя критика источников, разработанная как система методов в XIX в., отнюдь не равнозначна нигилистическому отношению к античным авторам и не обязательно должна повлечь за собой непременно дискредитацию сведений, использованных для обоснования марксистской концепции первобытнообщинного строя. На что направить острие этой критики, зависит от общих взглядов историка, но как далеко зайти в разрушительном действии, что разрушить, а что оставить и подтвердить — во многом определяется личной честностью исследователя и уровнем его профессиональной подготовки, степенью его владения методами критики. Как и всякие подлинно научные методы, сами по себе они не способствуют произволу, а, наоборот, ограничивают его. Противопоставлять подход Энгельса внутренней критике источников, как это сделано у Е. Г. Кагарова, совершенно неправомерно. Энгельс был первым исследователем, применившим в германистике принципы внутренней критики источников, разработанные в исторической науке. Так, он отметил, что «указание Цезаря на ежегодную смену пахотной земли не следует понимать буквально; как правило, общий переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы. Все место, — не

<sup>27</sup> E. Wähle. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen, «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften», Philhist. Kl. (1940/41), Heidelberg, 1941.

<sup>28</sup> J. Eggers, Указ. раб.; R. Nachman, G. Kossack, H. Kuhn, Указ. раб.

<sup>29</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 448.

<sup>30</sup> Е. Г. Кагаров, Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными. В сб. «Против фашистской фальсификации истории», М.—Л., 1939, стр. 83—91.

<sup>31</sup> Е. Г. Кагаров, Указ. раб., стр. 83.

<sup>32</sup> Там же, стр. 88.

«свойственный германцам раздел земли старейшинами и должностными лицами и особенно подsunутые германцам мотивы этой быстрой смены земель,— дышит римскими представлениями. Римлянину эта смена земель была непонятна»<sup>33</sup>. Но внутренняя критика источников обнаруживает не только искажение фактов от непонимания их древним наблюдателем или его информаторами.

«Из источников,— пишет Энгельс,— даже трудами обоих греческих географов (Страбона и Птолемея — Л. К.) можно безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных. Оба они были кабинетными учеными, собирателями и в меру своих средств в своем роде даже критическими обозревателями материала, который в большей своей части для нас утрачен. Им недоставало личного знания страны». Если Страбон «освобождается от противоречий своих источников и собственных сомнений при помощи наивного рационализма, который часто напоминает начало нашего столетия, то ученый географ Птолемей пытается разместить названные в его источниках отдельные немецкие племена в математически вычисленных клетках неумолимой градусной сетки своей карты. Но как ни великолепен в целом труд Птолемея для своего времени, все же его география Германии ошибочна...» Эта ошибочность, по Энгельсу, проистекает из двух недостатков: во-первых, стремления учесть и согласовать все противоречивые, неясные, а то и просто ложные сведения, некритически принимаемые за истинные и, во-вторых, несовпадения карты, существующей в представлении исследователя, с действительной географией страны. «Словно никогда не путешествовавший берлинский географ считал бы, примерно в 1820 г., своей обязанностью заполнить пустое пространство на карте Африки, согласовывая данные всех источников со времени Льва Африканского и указывая каждой речке и каждому горному хребту определенное направление, а каждому племени — точное местонахождение. Такие попытки добиться невозможного приводят к тому, что ошибки используемых источников еще усугубляются»<sup>34</sup>.

И все же, констатирует Энгельс, такие попытки предпринимаются германистами нового времени. «Безуспешная попытка согласовать классификацию племен „Германии“ Тацита и Птолемея между собой и с путаницей прочих сведений древних авторов была сделана в двух классических трудах: Каспара Цейса „Германцы“ и Якоба Гримма „История немецкого языка“. То, что не удалось обоим этим гениальным ученым и позднейшим исследователям, следует считать невыполнимым на основании наших современных материалов. Недостаточность этих материалов видна уже из того, что оба они вынуждены были построить ложные вспомогательные теории: Цейс — что последнее слово во всех спорных вопросах следует искать у Птолемея, хотя никто так резко не охарактеризовал основных ошибок Птолемея, как он сам; Гримм — что силы, которые ниспровергли римское мировое владычество, должны были вырасти на более широкой почве, чем пространство между Рейном, Дунаем и Вислой, и что поэтому вместе с готскими и датскими землями к Германии следует отнести и большую часть страны на север и северо-восток от нижнего течения Дуная. Предположения Цейса и Гримма в настоящее время устарели»<sup>35</sup>.

Таким образом, Энгельс в этой работе утверждает необходимость придерживаться следующих методических требований в использовании сочинений древних авторов:

а) сводными трудами античных ученых, учитывая несовершенство их источников и методов работы, «безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных» — очевидно другими, независи-

<sup>33</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 449.

<sup>34</sup> Там же, стр. 481—483.

<sup>35</sup> Там же, стр. 483.

мыми от них источниками — историческими, археологическими и пр.; б) иметь в виду возможность искажения от непонимания и переосмысления чуждых им явлений; в) не пытаться согласовать непременно все сообщения древних и найти применение в реконструкции прошлого всем сообщаемым деталям, примирить все противоречия (многие из них непримиримы в основе); г) стараться обойтись без априорных «вспомогательных теорий» при исторической реконструкции; д) учитывая фрагментарность и недостаточность материалов, не стараться «добиться невозможного» — заполнить тотчас, с имеющимися средствами, все белые пятна, выяснить все загадки, уточнить все детали и впасть тем самым в ошибку чрезмерного (необоснованного) уточнения; следует ограничить свою задачу реально возможным при данном составе надежного материала.

«Попытаемся внести хоть некоторую ясность в вопрос, ограничив свою задачу,— пишет Энгельс.— Если нам удастся произвести общее распределение племен по нескольким основным группам, то будет заложена прочная основа для дальнейших детальных исследований. И здесь место из Плиния дает нам точку опоры, устойчивость которой все более подкрепляется в ходе исследования; во всяком случае это место создает меньше затруднений, в меньшей мере запутывает нас в противоречиях, чем какое-либо другое»<sup>36</sup>. Плинию Энгельс доверял больше, чем другим древним авторам, как очевидцу и опытному естествоиспытателю, менее других римлян подвластному предрассудкам среды и политическим интересам. «Но исходя из системы Плиния, мы должны будем отказаться от безусловной пригодности тацитовской триады и от древней легенды о трех сыновьях Манна: Инге, Иске и Эрмине. Во-первых, Тацит и сам не знает, как ему быть со своими ингевонами, искевонами и герминонами; он не делает ни малейшей попытки распределить перечисленные им порознь племена по этим трем основным группам. И, во-вторых, это и впоследствии никому не удавалось»<sup>37</sup>.

Таким образом, было бы ошибочно методические принципы Энгельса, связанные с внутренней критикой источников и признанием ограниченности познавательных возможностей материала, толковать в пользу позитивистского подхода и эмпирического метода, с их главным требованием остановиться на непосредственном обобщении достоверных данных. Энгельс не останавливается на этом. Он строит смелую, но для своего времени хорошо обоснованную объяснительную гипотезу — одну из таких гипотез, которые раздвигают кругозор, углубляют познание, освещают дальнейший путь исследования. Основой его гипотезы послужил продуманный выбор наиболее надежного из противоречивых сообщений древних авторов, сочетаемый с проверкой этого сообщения по материалам топонимики и диалектологии. Исходя из убеждения, что в позднейших средневековых диалектах отразилась более древняя группировка племен, а основных диалектов оказывается пять, Энгельс увязал их с племенными группами Плиния и распределил по ним племена, комбинируя сведения об их размещении (главным образом из Тацита) с картографией диалектов. С виндилами Плиния он связал готские диалекты и отнес сюда племена готов, вандалов, бургундов и др. Ингевонам отвел область фризов и саксов, обладавших особым диалектом. К искевонам, жившим, по Плинию, «ближе к Рейну», отнес племена, впоследствии составившие ядро франкской народности с ее диалектом, а к герми(н)онам, жившим в центре страны, — племена гермундуров, свевов и другие с речью, ставшей основой для верхнегерманского диалекта. Речь пятой группировки — певкинов и бастарнов, живших в Нижнем Придунавье, — не сохранилась, а жители Скандинавии гиллевионы остались вне схемы

<sup>36</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 483. Имеется в виду распределение германских племен у Плиния по пяти группам.

<sup>37</sup> Там же.

Плиния, охватившей только материковых германцев. «Таким образом,— резюмирует Энгельс,— классификация Плиния с поразительной точностью соответствует группировке действительно появившихся впоследствии германских наречий. Мы не знаем диалектов, которые не принадлежали бы к готскому, фризско-нижнесаксонскому, франкскому, верхне-немецкому или скандинавскому, и мы также и в настоящее время можем признать эту классификацию образцовой»<sup>38</sup>.

Эта гипотеза была выдвинута почти 90 лет назад. Перед новой критикой источников схема Плиния также не устояла. В ней выявляют стремление согласовать старое предание о трех группах потомков Манна с новодобытыми сведениями. Заметно, что ради стройности схемы Плиний добавил только две новых группы (отведя их для отдаленных племен), а остальных германцев довольно искусственно распределил по трем коленам Манна. Тацит же объединял только эти три исходные группы и, не называя их отдельных племен, размещал их всех в западногерманской области, неподалеку от Рейна, оставляя всех остальных (вандилиев, свебов и др.) вне этой группы<sup>39</sup>. С точки зрения этой критики, схема Тацита бесхитростнее, трехчленное объединение относится только к небольшой группе западногерманских племен, а основания классификации Плиния оказываются по крайней мере частью, искусственными, субъективными, надуманными.

Но можно пойти еще дальше, чего критики пока не делали. Во всех этих расчетах не принято во внимание, что генеалогические легенды, как правило, именно трехчленные (это формальный закон жанра), обычно отражают не столько языковое родство или географическое соседство племен, не столько даже реальное их политическое объединение, сколько политические претензии (притязания на первенство, старшинство или доминирование) того племени, от которого поступила данная информация. И охват племен этой генеалогической легендой может изменяться не только от смены источников, но и в информации, поступающей от одного и того же племени, в связи с изменением сферы его политических претензий<sup>40</sup>. В этом свете обе схемы — и Плиния, и Тацита — не годятся для реконструкции этнической группировки древнегерманских племен (хотя и интересны как показатели политических отношений). Да и вообще позднейшие диалекты вряд ли можно так прямо связывать с древнейшими племенными группировками тех же территорий, как это казалось возможным во времена Энгельса.

В сложении окончательной картины расселения германцев Энгельс отводил большую роль миграциям. О германцах времени Цезаря у Энгельса сказано: «Они далеко не такие кочевники, как современные азиатские кочевые народы. Кочевой жизни место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были так же далеки и от стадии оседлых земледельческих народов». И Энгельс ссылается на слова Страбона: «Все эти племена с одинаковой легкостью снимаются со своих мест благодаря примитивности своего образа жизни...» (География, VII, 1).<sup>41</sup>

Вопросу о миграциях Коссиной была придана болезненная острота: миграциями объяснялись все новшества в культуре огромных территорий Евразии вокруг германской прародинны и тем самым миграции превращались в средство утверждения культуртрегерской миссии и превосходства германцев. Зародышами этой тенденции были: увлечение «арий-

<sup>38</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 454.

<sup>39</sup> R. Nachman, G. Kossack, H. Kuhn, Указ. раб.

<sup>40</sup> A. F. Pott, *Anti-Kaulen, oder mystische Vorstellungen vom Ursprunge der Völker und Sprachen*. Lemgo und Detmold, 1863, S. 1—67; Л. С. Клейн, Вопросы происхождения славян, «Сов. археология», XXII, М., 1955, стр. 268—269; Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, М., 1958, стр. 124—129, 161, 177, 180—195, 369—409, 425—429 и др.

<sup>41</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450.

ской» расовой теорией Гобино в Германии второй половины XIX в., шовинистические представления германистов о беспрецедентной природной активности и воинственности древних германцев и ранние мальтузианско-геополитические идеи о нехватке жизненного пространства или о природных изменениях как конечных причинах миграции.

Этому биологизаторскому и механистическому объяснению миграций, характерному для тогдашней немецкой науки и позже возведенному в абсолют Коссиной, Энгельс вслед за Марксом<sup>42</sup>, не отрицая важной роли миграций и завоеваний в истории, противопоставил историко-материалистическое объяснение миграций — специфическими особенностями определенного этапа развития, обусловленного соответствующим уровнем экономики. Этот здравый подход представляется особенно примечательным, когда мы рассматриваем его с позиций современного опыта — сквозь толщу века, в течение которого одни противопоставляли миграциям нордических арийцев Коссины противоположно направленные миграции — в землю прагерманцев (И. Борковский, Т. Сулимирский, Г. Чайлд, А. Я. Брюсов и др.), другие ударились в противоположную методическую крайность — игнорирование или почти полное отрицание миграций, повсеместный гиперавтохтонизм (марровская школа, а в послевоенное время последователи Э. Вале, также М. Мальмер), и лишь немногие пытались реализовать те плодотворные идеи, которые были заложены 100 лет назад в исследовательских принципах и конкретных решениях Маркса и Энгельса.

Традиционный порок немецкой науки XIX в., усиленный Коссиной и не чуждый его современным западногерманским критикам<sup>43</sup>, — трактовка германцев как неизменного самодовлеющего биологически обусловленного этнического единства. На этом фоне особенно ярко выступает тот факт, что одним из главных методических принципов, примененных Энгельсом к изучению ранних германцев, был историзм. Тривиальной манере объяснять события и весь ход истории воинственным духом германцев, гесп. римлян или «исконно германскими» добродетелями, выраженными в организации марки, Энгельс противопоставил марксистский анализ движущих сил и характера исторического процесса, обращаясь к внутреннему механизму общества.

В то же время он не абсолютизировал этой спонтанности процесса, не стремился усмотреть непременно внутренние стимулы в каждом отдельном событии истории, отводил значительное место взаимодействию разных обществ, роли внешних сил. Но он всегда помнил, что эта внешняя по отношению к данному обществу сила является внутренней в другом обществе, исходном для данного стимула. Энгельс стремился, обратившись к этим истокам, раскрыть внутренний механизм возникновения той силы, которая могла отозваться внешним толчком в другом обществе. Иными словами, у Энгельса мы находим в объяснении происхождения исторических явлений поучительный пример выхода из сложной дилеммы объективного противоречия между внешними и внутренними факторами. Этот выход — в расширении рамок исторического анализа до охвата, тех обществ, в которых внешний для начального пункта анализа толчок имеет свои корни и свой внутренний механизм возникновения. «...Войны сами нуждаются в объяснении, — пишет он. — В условиях внутренней жизни Рима такого объяснения найти нельзя; напротив, империя еще повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутке между отдельными периодами крайней анархии все еще выдвигает — как раз в это время — могущественных императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих.

<sup>42</sup> К. Маркс, Вынужденная эмиграция, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 568.

<sup>43</sup> Ср. E. W a h l e, Указ. раб.

И здесь опять-таки находки позволяют объяснить это»<sup>44</sup>, — снова Энгельс обращается к археологии для раскрытия социальных перемен, происшедших в германском обществе. Так, например, перечислив ряд археологических находок (предметов роскоши), Энгельс резюмирует: «Разница между германцами времен Цезаря и даже Тацита и народом, употреблявшим эту утварь, очень велика, даже если признать, что ею пользовались лишь наиболее знатные и богатые... Вместо пренебрежительного отношения к золотым и серебряным вещам появилось желание украшать себя ими; вместо равнодушия к римским деньгам — их распространение по всей германской территории»<sup>45</sup>. Энгельс реконструирует здесь значительный прогресс производства, на базе которого происходит прирост населения, приведший к перенаселенности, а также рост торговли и сложение агрессивного эксплуататорского класса<sup>46</sup>. Между прочим, это один из первых опытов реконструкции социальных отношений по археологическим источникам.

Марка для Энгельса не есть нечто неизменное во все эпохи. «Строй марки оставался до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации... На протяжении столетий он служил формой, в которой осуществлялась свобода германских племен. Затем он становится основой тысячелетнего народного рабства. Как это могло произойти?»<sup>47</sup>. И снова анализ изменений всей исторической ситуации, в которых роль марки оказывалась различной.

Именно с этих позиций Энгельс критиковал лучшего исследователя марки — Маурера, отмечая у него противоречия фактов утверждениям. «Эти противоречия,— писал Энгельс Марксу в 1882 г.,— возникают у Маурера: 1) благодаря привычке приводить доказательства и примеры из всех времен одно рядом с другим и попеременно, 2) благодаря остаткам юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании развития, 3) благодаря тому, что он совершенно недостаточно уделяет внимания насилию и его роли, 4) благодаря «просвещенному» предрассудку, будто со времени темного средневековья должен был иметь место постоянный прогресс к лучшему; это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса»<sup>48</sup>.

Наглядный пример творческого подхода Энгельса к историческому анализу выступает в его сопоставлении германцев с американскими индейцами. 8 декабря 1882 г. Энгельс писал Каутскому: «Чтобы наконец, полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени»<sup>49</sup>.

Сопоставления германцев с североамериканскими индейцами отражали обогащение синтеза наук, направленных на изучение первобытности, еще одной важной отраслью — сравнительной этнографией (этнологией, культурной антропологией). В обращении к широким этнографическим параллелям Энгельс продолжил традицию, заложенную эволюционистами, особенно детально используя труд одного из них, наибо-

<sup>44</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450.

<sup>45</sup> Там же, стр. 471.

<sup>46</sup> Там же, стр. 476—480.

<sup>47</sup> Там же, стр. 495.

<sup>48</sup> Там же, т. 35, стр. 105.

<sup>49</sup> Там же, т. 37, стр. 103.

лее близко подошедшего к историческому материализму, — Льюиса Моргана. Развивая и дополняя выводы Моргана и разрабатывая стройную марксистскую концепцию возникновения классов и образования государства, Энгельс использовал материалы о ранних германцах, обойденные Морганом, в качестве одного из важнейших звеньев реконструируемого генетического ряда. Это взаимодействие было многообещающим также и для германистики: никогда прежде ее объект не рассматривался в контексте столь широких и многосторонних этнографических параллелей и на основе столь строгой и проникновенной методики.

Однако германистика в лице Коссины отвергла саму правомерность сравнения германцев с людьми других рас, саму возможность широких этнографических параллелей и тем закрыла путь к правильному пониманию предмета. Впоследствии интерес западных (в том числе западно-германских) ученых к этнографическим параллелям восстановился, но оказался ориентированным на выявление различий, а не сходств, на отыскание исключений, а не закономерностей.

В условиях, когда жизнь приносит все новые подтверждения общих законов исторического развития, установленных марксизмом, когда возникла новая школа немецкой германистики, руководствующаяся марксистскими исследовательскими принципами, труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», оцененный В. И. Лениным как «одно из основных сочинений современного социализма»<sup>50</sup>, остается в ряду самых современных и самых широко читаемых научных книг XX в., а исследовательские принципы Энгельса, примененные им к изучению ранних германцев, остаются притягательным и поучительным образцом, к которому германистике оказалось необходимо вернуться, чтобы двигаться вперед. Только ли германистике? Во многих отраслях ранней истории были свои Коссины, но не было другого Энгельса.

#### FRIEDRICH ENGELS AND HIS RESEARCH WORK ON EARLY GERMAN SOCIETY

The works of Engels on the history of the early Germans are examined in the article. In these works Engels stands forth not only as one of the founders of Marxism and as a scientist of broad erudition, but also as a specialist in the field of earliest European history. The methods applied by Engels to the study of the early Germans have set a standard to which Germanists were bound to revert in order to begin a new forward movement.

---

<sup>50</sup> В. И. Ленин, О государстве, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.



**Ю. П. Аверкиева**

## **О МЕСТЕ ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИСТОРИИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ**

В этнографической науке до последнего времени слабо еще изучены особенности переходного периода от родового общества к классовому. Не совсем уточнены такие сложные проблемы этого этапа в истории человеческого общества, как характер институтов и норм, сменяющих родовое устройство. Правда, общепризнанным в настоящее время можно считать положение о том, что формы родовой структуры долго бытуют и в этот период, хотя внутреннее их содержание коренным образом меняется.

Сжатая и предельно четкая характеристика этой эпохи дана Ф. Энгельсом в предисловии к первому изданию его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Определив основную закономерность родового общества, Энгельс писал: «Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту»<sup>1</sup>.

Вся работа Энгельса посвящена по существу анализу конкретных исторических примеров этой эпохи разложения родового строя и становления классового общества. А в IX, заключительной главе своего труда Энгельс исследует «общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества...»<sup>2</sup>.

В настоящее время установленные Энгельсом экономические причины и закономерности распада родового строя и становления новых форм общественных связей убедительно прослеживаются в работах не только советских ученых, но и большинства зарубежных этнографов.

Большинство ученых видит основные причины, вызывающие становление новых форм общественных связей, в появлении частных богатств, в развитии частной собственности на средства производства — скот, рабов, позднее на землю.

Начиная с Моргана, этот переходный период получил в науке название военной демократии. Главными ее особенностями Л. Г. Морган считал сохранение от родового строя первобытного демократизма и «господство военного духа». Демократизм он видел, во-первых, в том, что структурными единицами военно-демократической организации общества были роды, фратрии и племена, и, во-вторых, в том, что народ был свободен выбирать и смещать должностных лиц (вождей) и контролировать их действия. Впервые он нашел этот строй у ацтеков<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

<sup>2</sup> Там же, стр. 156.

<sup>3</sup> L. H. Morgan, Laws of descent of the Iroquois, «Proceedings of the eleventh meeting of the American Association for the Advancement of Science», Cambridge, (Mass.) 1858.

«Там, где господствует военный дух, как это было у ацтеков,— писал Морган,— там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия»<sup>4</sup>. Морган считал, что военно-демократический строй «не подрывает свободного духа родов и не ослабляет демократических принципов, но гармонически с ними сочетается»<sup>5</sup>. Однако в свете накопленных знаний теперь совершенно очевидна идеализация Морганом ацтекского общества, переоценка им ацтекского демократизма. Особенно это сказалось в положении Моргана о том, что ацтекская конфедерация по своей структуре и симметричности стояла, вероятно, ниже конфедерации ирокезов<sup>6</sup>.

В «Древнем обществе» Морган выделяет четыре этапа в развитии межплеменных объединений: от временных объединений для взаимной защиты, через более или менее длительный оборонительный и наступательный союз, к постоянной конфедерации (подобной ирокезской) и затем к полному слиянию племен в единый народ (например, *populus romanus*). К. Маркс в своем конспекте «Древнего общества» особо подчеркивает эти выводы Моргана<sup>7</sup>.

«Общественное устройство американских туземцев,— писал Морган,— началось с рода и кончилось конфедерацией, причем последняя была высшей точкой, достигнутой их общественными учреждениями»<sup>8</sup>. Ирокезы и ацтеки по Моргану — «два выдающихся примера индейской конфедерации»<sup>9</sup>. Но, анализируя далее общественное устройство ацтеков, Морган высказывает сомнение, «была ли организация ацтеков просто оборонительным и наступательным союзом под главенством племени ацтеков или же конфедерацией»<sup>10</sup>. Эту противоречивость в оценке Морганом уровня развития ацтеков отчасти можно объяснить тем, что главную цель своего изучения ацтекского общества Морган видел в опровержении распространенной в историографии того времени, точки зрения на ацтекское общество как монархию. Отсюда подчеркивание им демократических принципов этого общества, стремление проследить в нем нормы родового общества.

Военной демократией называл ацтекское общество и современник Моргана, известный мексиканист А. Банделье<sup>11</sup>. Крупнейший современный мексиканский археолог и этнограф А. Касо также пользуется этим термином при характеристике ацтекского общества, но он, равно как и авторитетный исследователь ацтекского общества Ф. Кац, считает, что ацтекское общество ушло в своем развитии ко времени конкисты значительно дальше, чем допускал Морган<sup>12</sup>.

К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокий анализ исторической сущности военно-демократического строя на материалах из истории греков героического периода (XII—IX вв. до н. э.) и римлян так называемого царского периода (VIII—VI вв. до н. э.). Они показали, что, хотя военная демократия и основывается еще на родах, фратриях и племенах, но вырастает из них, представляя следующий, более высокий этап развития общества. Характерной особенностью этого этапа Маркс и Энгельс считали появление частных богатств, неравное их распределение и зарож-

<sup>4</sup> Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 125.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941, стр. 89.

<sup>8</sup> Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 40.

<sup>9</sup> Там же, стр. 78.

<sup>10</sup> Там же, стр. 120.

<sup>11</sup> A. F. Baudelier, On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans, «10-th Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», vol. 2, 1877; «Pioneers of American Anthropology: The Baudelier — Morgan letters 1873—1883», Albuquerque, vol. 1, 1940, p. 174.

<sup>12</sup> A. C a s o, The Aztecs, people of the Sun, Norman, 1958, p. 90, F. K a t z, Die Sozialökonomischen Verhältnisse bei Azteken im 15 und 16 Jahrhundert, Berlin, 1956.

дение на этой основе антагонистических классов. Родовая структура общества на этом этапе носит формальный характер, фактически же оно представляет собою антитезу родовому обществу. Институты родового общества преобразуются в органы управления, с помощью которых богатая племенная верхушка подчиняет себе основную массу соплеменников.

Демократизм военно-демократического строя заключался в более или менее широкой базе развивающихся органов управления, в участии в управлении вооруженного народа. «Военачальник, совет, народное собрание,— писал Ф. Энгельс,— образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война становится постоянным промыслом»<sup>13</sup>.

Советские археологи, историки и этнографы обнаружили военно-демократический строй как у древних обитателей европейских степей, так и у многих народов Средней Азии и Казахстана XI—XVII вв. Важное значение в теоретическом изучении общесторической сущности военной демократии имели работы С. П. Толстова и М. О. Косвена<sup>14</sup>.

На большом конкретном материале советскими учеными было уточнено место военной демократии в истории общества как переходной эпохи от доклассового общества к классовому, как эпохи развития отношений экономического и социального неравенства и формирования ранней формы государственности, призванной охранять возникавшую частную собственность от коммунистических принципов распределения предшествующей эпохи. Характеризуя социальное содержание этой эпохи. С. П. Толстов справедливо заключает, что общество на этом этапе «я доклассовое и классовое одновременно, потому что это общество революционной перестройки всех общественных отношений, когда средствами, заимствованными из родового общества и приспособленными к задачам новой эпохи, осуществляется создание базы классово-антагонистического общества»<sup>15</sup>.

Новейшие исследования народов Америки и Африки дают богатый материал, подтверждающий и конкретизирующий сделанные современной наукой выводы о сущности военной демократии.

Можно сказать, например, что в раннеколониальный период территория современных США была страной господства военных демократий над периферийными племенами.

На востоке господствовали сильные военно-демократические конфедерации племен ирокезов, поухатанов, криков, натчезов, делавшие набеги на племена к западу от них. В центре американских степей действовали воинственные племена кочевых коневодов и охотников — черноногие, дакоты, кроу, команчи и др., с явными признаками становления военных демократий. Их влияние распространялось и на лесные племена, жившие между р. Миссури и Великими Озерами на востоке, и на племена предгорий Скалистых гор на Западе. За Скалистыми горами, на северо-западном побережье развивались военные демократии приморских племен рыболовов-охотников.

Материалы по истории этих племен в колониальный период позволяют установить своеобразие становления военной демократии, с одной стороны, у оседлых земледельческих племен и у племен кочевников-коневодов и охотников — с другой. Характерный пример первых дают ирокезы и племена юго-востока Северной Америки.

Ирокезская конфедерация в исследованиях Моргана предстает как высший рубеж в развитии индейцев Америки. С этой оценкой места кон-

<sup>13</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

<sup>14</sup> С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 7—8; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М., 1960.

<sup>15</sup> С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 207.

федерации в истории индейского общества соглашался, как известно, и Энгельс, писавший: «Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы»<sup>16</sup>. Но, обобщая сведения о ней Моргана, Энгельс добавляет, что «образование союза племен означает уже начало ее (родовой организации.— Ю. А.) разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примере попыток ирокезов поработить другие племена»<sup>17</sup>. Обращает на себя внимание тот факт, что, ставя ирокезскую конфедерацию в один ряд с ацтекской и даже выше ее, Морган нигде не называет ирокезское общество военно-демократическим. Однако материалы, содержащиеся в его книге «Лига ирокезов» и в специальной главе «Древнего общества» о структуре и деятельности ирокезской конфедерации, бесспорно характеризуют ирокезское общество той эпохи как военную демократию.

Особенности ирокезской конфедерации Морган восстанавливал по воспоминаниям и преданиям ирокезов середины XIX в., когда они уже почти столетие жили в резервациях США и Канады, по которым уцелевшие остатки ирокезских племен были разбросаны после полного разгрома их конфедерации войсками США в 1779 г. Сравнительно редко обращался исследователь к письменным источникам XVII—XVIII вв., по которым в наши дни ученым удастся более полно проследить деятельность конфедерации в период колонизации Северной Америки европейскими державами.

В свете современных исследований очевидно, что Л. Г. Морган был недостаточно последователен в оценке уровня развития ирокезского общества. Об ирокезах он писал: «В эпоху открытия они были по своему уму и развитию высшими представителями красной расы к северу от Новой Мексики, хотя, пожалуй, стояли ниже некоторых племен Мексиканского залива по своим производствам. По широте и качеству своих умственных способностей они должны быть причислены к самым развитым индейцам Америки»<sup>18</sup>.

Эта непоследовательность объясняется не только недостаточным учетом Морганом данных исторических источников, но и специальными целями, которые он перед собой ставил, изучая ирокезское общество. Он стремился раскрыть закономерности развития родовой строя. Об этом говорят и его слова, что ирокезские роды он берет в качестве типических образцов этого института в «ганованской семье», и особенно следующая фраза, хорошо раскрывающая специфичность его интереса именно к ирокезам: «Ирокезы провели свою схему управления от рода до конфедерации, осуществив ее полностью в каждой из частей этого строя, и дали превосходную иллюстрацию возможностей родовой организации в ее архаической форме»<sup>19</sup>. Характеризуя ирокезский род как архаический, Морган показал его в развитии, понимая, что созданием конфедерации родовая организация ирокезов достигла своей «высшей точки».

Сама архаичность ирокезского рода понималась Морганом весьма относительно. Высказав положение, что род возникает «в периоде дикости» и «изменяется от своих низших к высшим формам вместе с прогрессивным развитием людей»<sup>20</sup>, Морган относил ирокезский род к низшей ступени варварства, на которой, по его определению, они были открыты. Говоря о счете происхождения по женской линии, как признаке архаического рода, Морган отмечает, что этот счет «восходит до среднего периода дикости, например, у австралийцев, сохраняется у американских туземцев на высшей ступени дикости и низшей ступени варварства со слу-

<sup>16</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 95.

<sup>17</sup> Там же, стр. 99.

<sup>18</sup> Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 74.

<sup>19</sup> Там же, стр. 42.

<sup>20</sup> Там же, стр. 38.

чайными исключениями»<sup>21</sup>. Таким образом, низшая ступень варварства мыслилась Морганом как высший этап развития архаического рода в его ирокезской форме. Главная мысль Моргана заключалась в том, что ирокезский род — непосредственный предшественник греческого и римского рода. Не случайно он на протяжении всего своего исследования так часто сопоставляет его с родами древних греков и римлян. Два основных признака — счет родства по женской линии и наследование имущества умершего сородичами — отличает, по мысли Моргана, ирокезский «архаический» род от римских и греческих родов<sup>22</sup>.

Так же определяли место ирокезского рода в истории первобытного общества и классики марксизма. В начале главы «Варварство и цивилизация» Ф. Энгельс писал, например: «Возникнув на средней ступени дикости... род достигает своего расцвета на низшей ступени варварства»<sup>23</sup>. Но Энгельс увидел, как уже отмечалось, в общественном устройстве ирокезов не только расцвет рода, но и начало его разрушения и связал этот процесс с деятельностью ирокезской конфедерации. Главную заслугу Моргана классики марксизма видели в том, что он обосновал учение о роде как основной форме первобытного общественного строя и показал его в развитии, доказав, что отцовскому роду всюду предшествовал материнский. Морган, по словам Энгельса, «в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»<sup>24</sup>.

Не случайно реконструируемый Морганом родо-племенной строй ирокезов, хотя и сохранял еще некоторые признаки более древней материнско-родовой организации, в основном отражал черты военно-демократического строя, который для ирокезов, современников Моргана, был также уже эпохой далекого прошлого.

Очевидно, что в памяти ирокезов об их прошлом смешивались признаки двух периодов их истории и древние черты родового строя и черты эпохи военной демократии. Поэтому род и племя в описании Моргана совершенно отчетливо рисуются как структурные единицы ирокезской конфедерации. При перечислении, например, прав и обязанностей ирокезского рода на первое место Морган ставит право избирать и смещать сахемов и вождей, указывая, что это право рода ограничено и что выбранные родом должностные лица должны утверждаться советом племен и советом союза племен. И это понятно, потому что сахем рода был членом совета племени и совета союза племен. Таким образом, Моргану удалось восстановить лишь самые общие черты рода. Это неоднократно отмечалось и Ф. Энгельсом. Например, в предисловии к первому изданию своего труда. Энгельс пишет: «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую эпоху нашей писаной истории...»<sup>25</sup>.

Труд Моргана действительно был открытием, ибо в то время, когда он восстанавливал основные черты родового устройства, у ирокезов от той эпохи оставался, говоря словами Маркса, «лишь запах ладана»<sup>26</sup>.

Неудивительно, что в своем стремлении установить особенности родо-племенного строя ирокезов Морган упустил из виду или недооценил социальный смысл явлений, уже возникших в ирокезском обществе, но противоречивших нормам родового строя. О глубоких социальных изменениях в ирокезском обществе XVII—XVIII вв. говорило появление товарного промысла пушнины, превращение войны в промысел, завоева-

<sup>21</sup> Там же, стр. 41.

<sup>22</sup> Там же, стр. 39.

<sup>23</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156.

<sup>24</sup> Там же, стр. 26. Мы не будем останавливаться здесь на том, что накопленные ныне фактические материалы показали ошибки Моргана в его оценках уровня развития ряда индейских племен.

<sup>25</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

<sup>26</sup> К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», стр. 139.

тельная экспансия ирокезов, наличие в ирокезском обществе рабства и разных форм эксплуатации покоренных племен: одних, например, делаваров, ирокезы заставляли обрабатывать для них землю, а с других племен собирали дань мехами. Морган не учитывал значения меховой торговли — основного стержня, вокруг которого развивалось ирокезское общество в XVII—XVIII вв., и формировалась сама их конфедерация.

Дата возникновения конфедерации ирокезских племен пока еще окончательно не установлена в науке. Как известно, Л. Г. Морган и Г. Хэйл считали, что она возникла в середине XV в., тогда как Бошамп и Хьюпорт относили ее возникновение к концу XVI в. Но как убедительно показал известный историк ирокезских войн Дж. Хант<sup>27</sup>, еще в начале XVII в. не были известны объединенные выступления ирокезских племен. Зато множество данных свидетельствует об их разобщенности и даже столкновениях между этими племенами. Небольшие ирокезские отряды, предпринимавшие в начале XVII в. военные походы с целью грабежей и торговли на р. Св. Лаврентия (где торговля мехами велась уже с начала XVI в.), формировались по родовому, либо племенному принципу. Однако к 1630-м годам в ирокезском обществе произошли коренные изменения: европейские товары, особенно ружья, боеприпасы и металлические орудия и посуда, твердо вошли в быт, и продажа мехов с целью приобретения этих товаров стала для ирокезов жизненно важной. Вскоре хищнический отстрел пушного зверя привел к его истреблению в районе расселения ирокезских племен. Перед ирокезами встала проблема поисков новых источников пушнины. Она-то и толкнула ирокезов на путь ярко описанных в литературе истребительных войн и завоеваний против соседних племен, начало которых Хант датирует 1626 г.<sup>28</sup> В своем исследовании Дж. Хант приходит к хорошо аргументированному выводу о том, что именно войны и создали конфедерацию, как наступательный союз пяти ирокезских племен.

Почти на всем протяжении последующих двух столетий в ирокезском обществе действительно господствует «военный дух», культ войны и героев. Это героический период ирокезской истории. Материальной основой «военного духа» была жажда наживы путем захвата мехов и охотничьих угодий у племен, живших к северу и западу от ирокезов. Уже в 1637 г. могауки покорили и обложили данью могикиан, которым до этого сами платили дань. Начав с 1642 г. грабительские набеги на торговые флотилии гуронов, объединенное войско могауков и сенека, состоявшее из 1000 воинов, в 1649 г. положило конец существованию этого процветающего и многочисленного племени. В 1651 г. могауками и сенека было частью уничтожено, частью захвачено в плен и разогнано племя «нейтральных». В 1654 г. были покорены и разогнаны эри, а в 1675 г. такая же участь постигла сускеханноков. Земли этих племен, «очищенные» от их обитателей, превратились в охотничьи угодья ирокезов. Но ирокезы продолжали свои набеги на племена, жившие далее к западу, в районе Великих Озер.

Наряду с военной деятельностью, ирокезы искусно применяли к своей выгоде тактику мирных договоров как с индейскими племенами, так и с соперничавшими между собой колонизаторами: французами и голландцами, французами и англичанами. С конца XVII в. ирокезская Лига пользовалась враждой между европейскими державами и играла роль буфера между расширяющимися колониями Франции и Англии.

В этих исторических условиях развивался военно-демократический строй ирокезского общества, руководство которым все более сосредоточивалось в руках вслдей и военачальников. Суживались его исходные первобытно-демократические основы. Оформлялись органы управления

<sup>27</sup> G. T. Hunt, *Wars of the Iroquois*, Madison, 1960.

<sup>28</sup> Там же, стр. 22.

как в каждом племени, так и общесоюзные. Необходимость в этих органах диктовалась как внешней политикой войны и мира ирокезских племен, нуждами управления покоренными племенами и взимания с них дани, так и осложнявшимися отношениями внутри племен, что было следствием разбивавшихся внутри ирокезского общества противоречий между богатыми и бедняками, между военной элитой и наследственными сахемами, между свободными и рабами, между ирокезами и включавшимися в их племена большими группами из покоренных племен. О широких размерах практики так называемого «усыновления» чужеплеменников ирокезскими племенами свидетельствуют сообщения иезуитов. Один из них уже в 1656 г. писал, что в Ирокезии меньше ирокезов, чем чужеплеменников, что «в стране сенека живут 11 различных наций»<sup>29</sup>. К концу XVII в., как установил Дж. Хант, чужеплеменники и их потомки численно преобладали в ирокезских племенах<sup>30</sup>, но власть в племенном управлении сохраняли в своих руках ирокезы, лишь изредка допуская к ней «усыновленных». Включавшиеся в племя чужеплеменники формально, в силу древней традиции, «усыновлялись» отдельными племенами и общинами, но на правах людей «второго сорта». Ирокезское племя фактически превращалось в объединение разнородных по своему этническому происхождению и составу общин. Широко применявшаяся практика «усыновления» чужеплеменников была одним из ярких свидетельств распада у ирокезов родового строя.

Сама конфедерация в XVIII в. не была уже союзом родственных племен. В нее помимо близких по языку тускарора были включены на положении зависимых сиуязычные тутело и алгонкиноязычные делавары.

Нарушение родового принципа в ирокезском обществе уже в XVII в. прослеживается во всем. Нарушалась матрилинейность наследования: уже Морган отмечал случаи передачи имен от отца сыновьям. Длинный дом (овачира) как экономическая единица уже уступал место малой семье. Хотя она сохраняла еще значение как коллективный собственник земли, сообща обрабатываемой женщинами овачиры, но урожай делился между малыми семьями. В своей последней работе «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» Морган пишет: «Длинные дома ирокезов исчезли еще до начала девятнадцатого века. Современные индейцы знают о них мало и не сохранили почти никаких подробностей ни о внешнем виде этих жилищ, ни о существовавшем в них жизненном строе. Некоторые сведения об этих домах уцелели только среди тех групп индейцев, которые дорожат и интересуются своими древними обычаями. Жизнь в длинных домах стала уже достоянием предания...»<sup>31</sup>. Приводимые же им сведения о длинных домах ирокезов Морган почерпнул из описаний путешественников XVII в., посетивших селения ирокезов.

Отдельная семья становится товаропроизводящей промысловой единицей и собственницей частных богатств, а нередко и земли в виде лесных заимок. Ирокезы были знакомы с техникой обработки меди и бронзы, а с конца XVIII в. — серебра.

Эти изменения в области экономической сказались и на отношениях между полами, между мужем и женой. Несмотря на сохранявшуюся матрилокальность браков, Морган в то же время устанавливает, что «влияние женщины в домохозяйстве не выходило за его пределы и совсем не отражалось на делах, касающихся рода, фратрии и племени. Влияние женщины ограничивалось пределами дома, и этот порядок сое-мещался с той жизнью терпеливого тяжелого труда и общего подчине-

<sup>29</sup> R. G. Thwaites, The Jesuit relations and allied documents, Cleveland, 1896—1901, vol. 43, p. 265.

<sup>30</sup> G. T. Hunt, Указ. раб. стр. 7.

<sup>31</sup> Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 82.

ния мужу, которую ирокезская женщина покорно принимала как вечную долю ее пола»<sup>32</sup>. Вероятно, «извечность» этой женской доли была не древнее начала колонизации Северной Америки. Род на протяжении XVII—XVIII вв. превращался в объединение не только кровных родственников, но и рабов и принятых в род частей покоренных племен, причем численно последние уже в середине XVII в. перегнали самих ирокезов. Женщины и простолюдины были устранены от непосредственного участия в управлении племен. Их мнение высказывалось специальными ораторами из ордена Сосны. В выборе родовых вождей участвовали лишь знатные женщины из титулованных семей. Земледельческий труд ирокезский воин-зверолов презирал, считая его уделом женщин, пленников и покоренных племен. Так, например, мужчинам-делаварам, как сообщал Морган, ирокезы запретили заниматься мужскими делами и приказали выполнять земледельческие, женские работы<sup>33</sup>.

Власть в ирокезском племени и конфедерации сосредоточивалась в руках трех групп племенной знати: наследственных гражданских вождей — сахемов, жрецов — «хранителей огня», военачальников и заслуженных воинов, объединенных в орден Сосны. Последние сначала допускались в Совет в роли ораторов и послов, но постепенно власть в Лиге все больше захватывалась военной элитой. Грабительские войны усиливали власть военных вождей, в руках которых скапливались значительные богатства. Это способствовало укреплению личной власти, правда еще раздельной — гражданской и военной. Разделение гражданской и военной власти соблюдалось настолько строго, что «мирные» вожди отстранялись от участия в походах. Но если сахем отправлялся в поход, то он снимал с себя «рога» как символ сахемства до своего возвращения. Даже при этом разделении власти, влияние военачальников в Лиге все более возрастало.

Длинный дом стал символом развивавшейся конфедерации. У ирокезов развилось чувство единства как «людей длинного дома». Длинный дом стал местом заседаний совета конфедерации и местом общих обрядов и празднеств. Был разработан сложный протокол проведения заседаний Советов как племенных, так и общесоюзного и сопровождающей их обрядности. Со временем общесоюзный совет распался на три различных по своим функциям Советов: 1) гражданский, ведавший вопросами войны и мира; 2) траурный, возводивший в должностные новых вождей и сахемов; 3) религиозный, собиравшийся для отправления общих празднеств. В деятельности ирокезской конфедерации как в сношениях с индейскими племенами, так и, особенно, с европейскими колонизаторами проявились незаурядные дипломатические способности ирокезов. Многие из европейских колонизаторов высоко оценивали достоинства этих «лесных дипломатов».

Все особенности истории ирокезов XVII—XVIII вв. характеризуют их общество на этапе перехода от «социальной», по терминологии Моргана, организации к «политической».

Сходны по своей военно-демократической структуре с ирокезской Лигой конфедерация поухатанов, объединявшая алгонкинские племена, конфедерация криков как союз мускогских племен, союзы натчезов и тимукуа юго-восточной части Северной Америки.

Об этих конфедерациях существует уже большая литература<sup>34</sup>. Все

<sup>32</sup> Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь..., стр. 82.

<sup>33</sup> L. H. Morgan, *League of the Iroquois*, N. Y., 1962, p. 15.

<sup>34</sup> См., например: Ch. Feest, *Powhatan: a study of political organization*, «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», XIII, 1966, Bd. VIII; J. Swanton, *The Indians of the Southern United States*, Bull. 137, Bureau of American Ethnology, Washington, 1946; его же, *Social organization and social usages of the Indians of Creek confederacy*, «42-nd Annual-Report of Bureau of American Ethnology», Washington, 1928; M. Opler, *The Creek town and the problem of Creek Indian political organization*, in: «Human problems in technological change: a casebook», N. Y., 1952; F. Geary, *Priests*



эти племена дают яркий пример приспособления родовых, фратриальных и племенных делений к нуждам развивающейся военной демократии. Наряду с засвидетельствованными у них признаками становления патриархальной семьи<sup>35</sup> у большинства объединившихся в конфедерации юго-восточных племен сохранялась матрилинейность наследования должностей племенных вождей в пределах правящих родов, но уже в рамках определенных семей.

Несколько иным путем шел процесс развития военной демократии у кочевников-коневодов и верховых охотников на бизонов североамериканских степей. Для аборигенного населения Северной Америки пастушеское коневодство было совершенно новым хозяйственным укладом, и возникло оно как одно из следствий европейской колонизации материка, с которой было связано и появление одомашненной лошади в Северной Америке. Индейское коневодство развивалось на протяжении XVIII — первой половины XIX в., когда все новые и новые племена переходили к кочевому образу жизни коневодов-верховых охотников от оседлого земледелия, пешей охоты и рыболовства. Переход к коневодству был важным шагом в развитии производительных сил в индейском обществе, повторившем в сжатые сроки историю кочевников Старого Света. Выделение пастушеских племен из остальной массы индейцев Северной Америки ознаменовало возникновение в этом обществе первого крупного общественного разделения труда и оказало огромное влияние на развитие всех индейских племен материка. Переход к коневодству ускорил распад родовых норм. Частная собственность на лошадей послужила основой деления общества на бедных и богатых. Война в виде грабительских набегов с целью захвата лошадей приобрела значение промысла и стала нормальным состоянием индейского кочевого общества, приобретшего черты военизированного общества.

Организация для войны и культ войны — характерные признаки социальной жизни индейских кочевников этого периода в их истории. Военно-демократический строй в этих условиях был неизбежной формой организации общества. В качестве структурных единиц его выступали институты родового общества. Племя приобретало значение политической единицы. Во главе каждого племени стоял совет, состоявший из старейшин кочевых общин, прославленных воинов, жрецов и шаманов. У всех племен мы видим разделение гражданской и военной власти. Верховная власть в племени была разделена между «мирным» вождем и военачальником. Должность первого была семейно-наследственной, но чтобы занять ее, необходимо было прославиться на поле брани. В то же время занятие поста «мирного» вождя заканчивало военную карьеру индейца. «Мирный» вождь не должен был участвовать в набегах. Но если он отправлялся в поход, то передавал свои полномочия кому-либо из приближенных. Военачальник назначался советом племени из наиболее способных и активных предводителей.

Демократические основы политического управления этих племен постепенно сужались, и власть все больше сосредотачивалась в племенном совете, в заседаниях которого принимали участие четыре класса должностных лиц: 1) мирные вожди, 2) военачальник, 3) жрецы-хранители племенных святынь и 4) заслуженные воины, заменившие собой участие вооруженного народа.

Племенная структура степных кочевников материализовалась в легком общеплеменном стойбище. Оно разбивалось в форме кольца, по которому каждая большесемейная община имела свое определенное место. В центре кольца разбивалась палатка племенного Совета — «тиотипис»

and warriors. «American Anthropological Association Memoir», 93, Menasha, 1962; «Народы Америки», ч. 1. М., 1959, стр. 241, 242.

<sup>35</sup> W. S. Willis, Patrilineal institutions in Southeastern North America, «Ethnohistory», 1963, vol. 10, No. 3.

по-дакотски, т. е. «шатер шатров». «На равных расстояниях от нее,— писал К. Уисслер,— ставились палатки воинов»<sup>36</sup>. Характерно сходство стойбища американских степняков с курениями древних монголов<sup>37</sup>.

Становление органов публичной власти у этих племен шло по пути трансформации такого института родового общества, как мужские союзы. В условиях военизированного племени мужские союзы стали формой организации вооруженного народа, приобрели значение военных единиц, военных школ, питомников военной элиты и военных дружин. Такой же трансформации подверглись мужские союзы некоторых племен Африки. У туркана, например, «система возрастных союзов, по словам П. Гулливера, была основой примитивной военной организации»<sup>38</sup>. У большинства индейских племен сложилась иерархия этих союзов; постепенно сужалась их демократическая основа, членство в каждом из них стало определяться происхождением, успехами на поле брани, богатством и возрастом. Бедняки не у всех племен могли стать членами мужского союза или объединялись в союзы, стоящие на низшей ступени иерархической лестницы. В каждом племени один из мужских союзов выполнял функции органа господства богатой племенной верхушки. У одних племен сохранялся еще принцип очередности наделения этими функциями различных военных союзов на сезон летнего объединения племени в общем стойбище. У других (черноногих и чейенов, например) эти функции были закреплены уже лишь за одним из военных мужских союзов. Члены такого общества (акацита по-дакотски) облакались советом племени широкими полномочиями: они следили за порядком и проводили в жизнь решения племенного совета. Они пользовались большими правами, вплоть до применения физической силы. Об этом говорил кнут, вручавшийся им при церемонии назначения.

Роль индейских акацита можно сравнить с ролью древнерусских дружинников, древнемонгольских нукеров. И те и другие выполняли функции военных слуг племенной верхушки. Помимо сезонного выполнения полицейских функций военным союзом, при каждом «мирном вожде» постоянно состояло несколько воинов — его телохранителей, помощников и советников. Военачальников везде сопровождала дружина. Их влияние определялось успехом в организации походов, щедростью в раздаче военной добычи. Военные заслуги не наследовались, но могли быть «подарены» одним воином другому. Этим пользовались молодые люди из богатых семей, принимая подобный «дар» от простых воинов, когда им не хватало воинских отличий для занятия того или иного поста.

Война обогащала и усиливала влияние военной элиты, восставшей против наследственных «мирных» вождей и нередко узурпировавшей их места.

Борьба между наследственными «мирными» вождями и военачальниками, окруженными дружиной,— характерная особенность индейского кочевого общества XVIII — начала XIX в.

Влияние военачальников необыкновенно возросло в период индейских войн против наступавших на степи колонизаторов. По существу политическая организация многих индейских племен первой половины XIX в. на короткий период приобретала черты военно-олигархического строя, крушение которого наступило вместе с победой войск колонизаторов и разгоном индейцев по резервациям.

Оборонительно-наступательные военные союзы отдельных племен степняков были характерной чертой их военно-демократического строя.

У индейцев северо-западного побережья Северной Америки военно-

<sup>36</sup> С. Wissler, *North American Indians of the Plains*, N. Y., 1922, p. 94.

<sup>37</sup> Б. Я. Владимирцев, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 37.

<sup>38</sup> См., например, Т. Н. Gulliver, *The Turkana*, «Man in adaptation», Chicago 1968, p. 285.

демократический строй складывался на основе высокопродуктивного по тем условиям рыболовно-охотничьего хозяйства.

Наиболее ранние сведения об общественной жизни племен этого района Северной Америки свидетельствуют о том, что они переживали этап распада норм родового общества. Наличие наследственного патриархального рабства говорило о довольно длительном периоде его существования и об экономической значимости рабского труда. Хотя рабство здесь не было еще основой способа производства, но в хозяйствах племенной знати эксплуатация труда рабов имела важное значение. С этим было связано и формирование идеологии рабовладельцев, презиравших всякую черную работу. В социальном плане рабство было ведущим элементом, определявшим ход общественного развития этих племен. С его появлением возникло первое классовое деление общества на рабов и рабовладельцев. С рабством же было связано и деление свободных на племенную знать и простолюдинов. Наряду с рабством здесь возникают элементы эксплуатации и закабаления простых общинников.

Материальной основой всех этих процессов в жизни указанных племен был рост производительности труда в рыболовстве, как высоко специализированной отрасли индейского хозяйства, развитие оживленной торговли его продуктами как между племенами побережья, так и последних с внутриматериковыми племенами. В торговле вдоль побережья от Аляски до Калифорнии особым товаром были рабы. Военные набеги были основным источником рабов, этого ценнейшего вида частной собственности, обладание которым определяло место человека в обществе. Не удивительно поэтому «господство военного духа» в обществе индейцев северо-западного побережья, проявившегося во всех сторонах их социальной и духовной жизни. Война была не менее важным промыслом, чем рыболовство, но наиболее почетным и достойным племенной знати занятием. Совершенствование в нем, воспитание и закалка воинов с детства, проповедь воинской храбрости были в центре повседневной жизни индейцев. Именно поэтому так богат военный эпос индейцев. В генеалогических легендах воспевались прежде всего воинские подвиги и храбрость предков, прославившихся разбойничьими набегами на другие племена, уничтожением селений и порабощением вражеских племен. Особенно почетным считался захват в рабство знати. Характерна в этом отношении военная эпопея квакиутлей о воине «Каменное тело». Интересно также отметить, что наряду с воспеванием воинских достоинств индейских вождей и военачальников в фольклоре индейцев нашла свое отражение также тема борьбы рабов за свое освобождение.

В отличие от внутриматериковых племен здесь развивалась тактика морских набегов. Возглавляли эти набеги обычно члены семей вождей — их младшие братья или племянники, снабжавшие своих старших братьев и дядей рабами и богатствами. Имена-титуты военачальников были семейно-наследственными. У всех племен шел процесс усиления роли в общественной жизни военачальников, превращавшихся из слуг вождей в военно-дружинный слой, нередко диктовавший вождям свою волю на племенных советах.

Все эти особенности социальной жизни племен северо-западного побережья несомненно характеризуют их как общество, находящееся на этапе военной демократии, органы управления которой носят еще черты родо-племенной организации.

Рабам противостоит организация рабовладельцев. Эксплуатация и бесправие рабов сначала как бы оправдываются и узакониваются тем, что они чужеродцы. Но постепенно происходит закабаление сородичей и соплеменников, что вызывает внутренние противоречия, для разрешения которых потребовались другие органы публичной власти. Ими стали соответственно трансформированные в тайные общества древние мужские союзы. Они превратились в организации богатой знати, которая исполь-

зовала их для терроризирования и устрашения бедняков и рабов. Эта трансформация мужских союзов в органы господства родо-племенной верхушки характерна не только для племен этого района. Мужские союзы используются господствующей знатью как своеобразные органы подавления и в Меланезии<sup>39</sup>, и в Африке<sup>40</sup>. Сходный с индейцами северо-западного побережья путь становления классового общества и ранней государственности прослеживается на юго-востоке Северной Америки у индейцев калюза — рыболовов и собирателей морских моллюсков юго-западной Флориды<sup>41</sup>.

Современные исследования политической жизни различных народов убедительно говорят о том, что военно-демократическая организация возникает там и тогда, где и когда развитие производительности труда внутри родового общества делает возможным производство и частное присвоение прибавочного продукта. С этим связано возникновение и развитие форм общественного разделения труда и развитие обмена, способствующих росту частных богатств.

Древние роды раскалываются на богатых и бедных, появляется рабство. На первых порах возникающая частная собственность сосуществует с родовой и племенной собственностью и носит оболочку коллективной собственности. Наиболее ярко это проявляется в возникающих повсюду на этом этапе аналогичных индейскому потлачу институтах публичной раздачи частных богатств. Богатство как основа социального неравенства получает общественное признание только через публичную его раздачу. Щедрость определяет место человека в обществе, степень его влияния и власти. Накопление частных богатств приобретает значение важнейшей общественной цели. Но формы эксплуатации соплеменников носят еще неразвитый характер, поэтому война приобретает значение одного из главных источников обогащения, становится промыслом.

Диалектическая сущность этой эпохи заключается в том, что крушение основ родового общества происходит путем использования институтов самого этого общества. Изменяется сущность самих родов, которые превращаются в объединение богатых и бедных, наряду с сородичами большой процент начинают занимать принятые в род бедняки и военнопленные. Родовые отношения взаимопомощи перерождаются в отношения эксплуатации богатыми сородичами бедных. Родовые связи и освященные традицией права и обязанности сородичей используются богатой родовой верхушкой как средства внеэкономического принуждения. Отсюда небывалые прежде размеры адаптации в род. Древние мужские союзы превращаются постепенно в органы господства богатых. Экономической единицей в обществе постепенно становится патриархальная семья, включающая рабов. Территориальной единицей военно-демократического общества становится соседская община в различных ее формах — сельской, рыбацкой, кочевой.

Союзы племен являются характерной чертой этой эпохи. Образование конфедераций племен в период военной демократии означало не только сближение и смешение разноплеменников и начало образования народностей, но и возникновение отношений специфической субординации в рамках племенных объединений.

В процессе развития общества на этом этапе «весь родовой строй, — по словам Энгельса, — превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а со-

<sup>39</sup> См. С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 3—4.

<sup>40</sup> J. W. Butt-Thompson, West African secret societies, London, 1919; B. Barnardi, The age system of the Nilo-Hamitic peoples, «Africa», 1952, vol. 22.

<sup>41</sup> J. Goggin, W. C. Sturtevant, The Calusa: a stratified, nonagricultural society (with notes on sibling marriage), «Explorations in cultural anthropology», N. Y., 1964.

ответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»<sup>42</sup>.

В работах западных этнографов этап военной демократии часто обозначается по понятию «государство, основанное на родстве» (*kinship state*), то «безгосударственное общество», то как «управление вождей». Последнее иногда определяется как разновидность «безгосударственного общества»<sup>43</sup>. Как нам представляется, лишь понятие «управление вождей» в какой-то степени характеризует, но только одну сторону, сущности этой эпохи — власть вождей, но игнорирует роль войны в установлении и укреплении этой власти.

Что касается первого термина, то, как мы стремились показать, это общество уже не родовое, но это еще и не государство, хотя родовая структура в нем сохраняется как форма становящейся государственно-сти. Выражение «безгосударственное общество» слишком не конкретно, потому что и родовое общество является безгосударственным, и анти-исторично было бы отождествлять его с эпохой военной демократии — по существу эпохой крушения, отживания всех основ родового общества. Термин «военная демократия» на наш взгляд, наиболее точно определяет сущность изучаемой нами эпохи.

Накопленные на сегодняшний день этнографической наукой данные позволяют говорить об универсальности военной демократии как форм общества к классовому. Отмеченная Энгельсом главная закономерность этого этапа — превращение органов родового строя в органы становящейся государственности — подтверждается теперь конкретным материалом. Не только родовые подразделения и племена становятся политическими единицами структуры возникающей государственности, но и такие институты родового общества, как мужские союзы и тайные общества, трансформируются в органы становящейся власти.

Такой признак родового общества как матрилинейность счета происхождения и наследования у многих народов сохраняется в праве наследования должностей по материнской линии. Но наряду с этим идет процесс становления патриархальной семьи. Происходит маскулинизация материнского права: вытекающими из него правами начинают пользоваться только мужчины. По существу едва ли не каждый институт родового общества превращается в свою противоположность.

#### ON THE PLACE OF MILITARY DEMOCRACY IN THE HISTORY OF THE NORTH AMERICAN INDIANS

Up to recently the science of ethnography has paid insufficient attention to the peculiar features of the transitional period from gens society to class society. The main causes and laws of this period have been well defined in the work of Engels «The origin of family, private property and the state». Recent ethnographic data supports the profound scientific validity of Engels' conclusions. In the works of L. H. Morgan and F. Engels this period was termed «military democracy». In the author's opinion this term describes the period under examination more accurately than such concepts as «kinship state», «stateless society», «chiefdom».

Military democracy is an incipient form in the genesis of the state. This was a heroic period in the history of each people characterized by a cult of war and heroes. War had become a regular pursuit and organization for war was the normal state of society. Democracy in that period developed from the democracy of gentes, but it took the shape of government by warriors. The socio-economic basis of these warrior societies comprises the development of private property and inequality in its distribution, the rise of exploitation and antagonistic classes. It is a universal stage in the development of the state.

<sup>42</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164—165.

<sup>43</sup> J. A. Cohen, Social boundary system, «Current Anthropology», 1969, vol. 10, N 1, p. 104; J. Guiart, La chefferie en tant que forme primaire de L'Etat, «Tr. VII Междунар. конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967.

**Т. Д. Златковская**

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИННОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ  
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ  
КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА**

(ПО ФРАКИЙСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Исследуя процесс перехода человечества от первобытности к раннеклассовому обществу, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» рассматривает формы общинной собственности как один из важных критериев, определяющих степень развития этого процесса. Он широко использует данные об общинном землевладении главным образом у народов античного времени, останавливаясь на его характеристике у римлян в древнейшую пору существования города Рима, у германцев времен Цезаря и Тацита, а также у кельтов раннего средневековья.

Так, он пишет, что у латинских племен «земля находилась частью во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи»<sup>1</sup>.

Разбирая далее формы земельной собственности у германцев, в частности у свевов, Ф. Энгельс приходит к выводу о том, что у них «существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли общими силами. Еще долго можно будет спорить о том, — продолжает Энгельс, — был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»<sup>2</sup>. Он не согласен с мнением о наличии сельской общины (общины — марки) у германцев эпохи Цезаря и Тацита и считает, что у них существовали хозяйственные коллективы, основанные не на территориальных, а на родственных связях<sup>3</sup>.

Ссылаясь на древнеуэльские, ирландские и шотландские средневековые законодательства, Ф. Энгельс пишет об общей собственности на земли рода или клана. В частности, он отмечает совместную обработку земли целыми селами у уэльсцев, добавляя, что «эти сельские общины представляют собой роды или подразделения родов»<sup>4</sup>. Он обращает также особое внимание на то, что у ирландцев земля вплоть до XVII в. «была общей собственностью клана или рода»<sup>5</sup>, и приводит цитату из Моргана о характерном для шотландского рода совместном землепользовании<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 121.

<sup>2</sup> Там же, стр. 140.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 131.

<sup>5</sup> Там же, стр. 132.

<sup>6</sup> Там же, стр. 133.

Таким образом, характеризуя общинное землевладение у народов античного времени в период, предшествующий возникновению у них государственности, Ф. Энгельс подчеркивает, что оно было основано на принципе владения землей родственными коллективами.

Отступление от этого принципа знаменовало переход от родового общества к обществу раннеклассовому. Этот переломный момент Ф. Энгельс прослеживает на примере тех же народов в главах, посвященных возникновению государства у древних греков («Возникновение Афинского государства»), у римлян («Род и государство в Риме») и германцев («Образование государства»). Превращение продуктов в товары, т. е. возникновение товарного производства, а затем и возникновение «всеобщего товара» — денег и денежного обращения, имело своим следствием появление имущественного и классового расслоения общества, эксплуатации и угнетения. Эти явления непосредственным образом отражались на судьбах общинного землевладения. Землю (главным образом пахотные участки и луга) захватывали не только главы разбогатевших отдельных семей; на нее (как и на участие в управлении) претендовали теперь также и пришлые лица, стоявшие вне местных старых родов, фратрий, племен. Эти лица появились здесь в связи с развитием торговли, ремесел, вследствие завоеваний и т. п. Их вес в экономической и политической жизни не соответствовал и противоречил той роли, которая была отведена им на последнем этапе родового общества. В результате развития этих новых экономических, социальных и политических сил принцип владения землей родственными коллективами отступал перед иным принципом, основанным на имущественных различиях общества и его территориальном делении<sup>7</sup>.

Подводя итоги этим процессам, которые у германцев были ускорены римским завоеванием, Ф. Энгельс пишет: «...родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины»<sup>8</sup>.

Новые материалы о земельных отношениях у других племен античной ойкумены не только подтверждают правильность выдвинутых Ф. Энгельсом положений, но и свидетельствуют об общих чертах в развитии различных народов на пути к возникновению частной собственности и государства.

Значительный интерес представляет в этой связи изучение форм общинного землевладения у фракийцев в переходный период от общинно-родового к раннеклассовому обществу. Фракийцы были одним из крупнейших народов древности и занимали в античное время земли современных Болгарии, Румынии, европейской Турции, а также части Югославии (Сербия) и Греции (северо-восточная ее часть); поэтому социально-экономические процессы, протекавшие у фракийцев, выходят далеко за рамки узколокального интереса. Существенно и то, что фракийцы были одним из первых «варварских» народов Европы, ставших на путь развития собственной государственности. Процессы формирования классов и государства протекали у них до времени включения их земель в крупные рабовладельческие империи древности; поэтому возникновение различных форм собственности здесь можно наблюдать в наиболее чистом виде, не осложненном влиянием античных империй.

Скудость источников, по которым можно проследить развитие общинных отношений в северо-восточной части Балканского полуострова, заставляла большинство исследователей обходить этот вопрос молчанием. В последнее время значительно увеличился интерес к изучению этого сюжета, однако нечеткие свидетельства источников дают по-

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 113—115, 127—129, 150, 166—167.

<sup>8</sup> Там же, стр. 150.

вод для оживленных дискуссий. Эти обстоятельства натолкнули нас на мысль обратить внимание специалистов на источники, не привлекавшиеся ранее для изучения этого вопроса, и на возможность новых толкований уже использовавшихся данных.

Община, основанная на родственных отношениях, явственно проглядывает во фракийских эпиграфических материалах даже сравнительно позднего для нашей темы времени — в надписях эллинистического и римского периодов. Многие названия фракийских деревень, судя по этим данным, происходят от племенных названий и личных имен, что дает повод связывать возникновение этих деревень с поселением родственных коллективов. Особенно интересна для нас надпись, упоминающая «границы поля бендипаренов»<sup>9</sup>, так как здесь в наименовании жителей поселения звучит имя фракийской богини Бендис, которая была, по мнению крупнейшего лингвиста-фраколога Д. Дечева, не только фракийским аналогом Артемиды, но и богиней-защитницей родозых объединений. Вообще очень многие имена фракийских божеств, как и их эпитеты, происходят от этнических названий, а также от терминов «род», «родоначальник», «основатель нашего рода». Эти факты приводят Е. М. Штаерман к заключению, что преобладание божеств — родоначальников и хранителей родов определялось характером самих общин<sup>10</sup>.

Более детальные сведения о характере общины во Фракии в период перехода к эпохе государственности дают материалы, относящиеся ко времени возникновения и ранних этапов истории Одрисского царства — первого государственного объединения фракийцев (V—IV вв. до н. э.). К ним относится прежде всего «Анабазис» Ксенофонта. Ксенофонт был участником похода 10 000 греков и руководителем отряда, сражавшегося во Фракии. Его осведомленность во фракийских делах не подлежит сомнению. В связи с нашей темой мы хотели бы обратить внимание на один отрывок из «Анабазиса» (Anab., VII, V, 12—13). В последнем русском издании 1951 г. он переведен следующим образом: «Здесь у Салмидесса (соврем. г. Мидия на западном берегу Черного моря.— Т. З.) многие из плывущих в Понт кораблей садятся на мель и их прибывает затем к берегу, так как море тут на большом протяжении очень мелководно. Фракийцы, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них». Аналогично переводит это место и Г. Кацаров; близка трактовка этого текста также у Б. Герова и А. Фола<sup>11</sup>. При таком переводе греческого текста создается впечатление, что прибрежными участками у Салмидесса владели отдельные фракийцы. В наиболее категорической форме такая точка зрения проведена в работе А. Фола, который полагает, что участки принадлежали частным владельцам или главам патриархальных семей (больших? малых?); в целом же он видит в приведенном отрывке указание на типично территориальную общину<sup>12</sup>.

Греческий текст, однако, дает повод для иного толкования этого отрывка. Так, Ксенофонт, дважды говоря о тех, кому принадлежат огороженные участки, употребляет не единственное, а множественное число: «Фракийцы, живущие в этих местах, устанавливают у себя межевые столбы, и к а ж д ы е (ἐκάστοι) грабят потерпевших у н и х (καὶ αὐτοὺς)

<sup>9</sup> «Inscriptiones graecae Bulgariae repertae» (далее IGBR), III, I, № 1455. Среди других надписей упомянем, например, содержащие названия деревень, которые происходят от племенных названий и личных имен. См.: IGBR, III, I, № 1473; III, 2, № 1690<sup>12, 34, 47, 70</sup>, № 1711, 1771 и др.

<sup>10</sup> Е. М. Штаерман, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961, стр. 175—176.

<sup>11</sup> G. Kazarow, Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker, Sarajevo, 1916, стр. 46; Б. Геров, Прочувания върху поземлените отношения в нашите земи през римско време, «Годишник на Софийския университет», Филологич. факултет, т. 50, № 2, 1955, стр. 21; A. Föl, Die Dorfgemeinde in Thrakien im ersten Jahrtausend v. u. Z. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Berlin, 1969, Bd. I, S. 313.

<sup>12</sup> A. Föl, Указ. раб., стр. 313.



кораблекрушение». При таком переводе текст воспринимается иначе, так как становится очевидным, что речь идет об участках, принадлежащих не одному человеку, а группе лиц; эти лица являются коллективными владельцами участка. Таким образом, текст «Анабазиса» дает повод говорить не о частном владении землей (в данном случае владении чем-то вроде ловческого участка или рыболовецкого угодья), а о коллективном.

Существенно было бы выяснить, о каком хозяйственном коллективе идет здесь речь. Текст «Анабазиса» не дает ответа на этот вопрос. Однако, некоторые сведения об этом можно извлечь из данных приблизительно того же времени, полученных в результате археологических раскопок



Рис. 1. Фракийское поселение у с. Малкия Асар. В, Е — здания

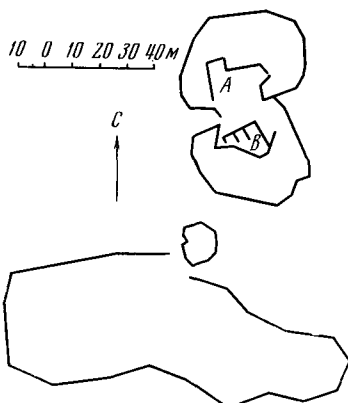


Рис. 2. Фракийское поселение у с. Церквище. А, В — здания

в той же Южной Фракии. В Восточных Родопах, близ с. Драгойново в Болгарии, обнаружено несколько фракийских поселений: у современных селений Малкия Асар и Церквище<sup>13</sup>. Постройки на поселениях вызывают большой интерес. Несмотря на то, что не все они раскопаны, а обнаруженные часто не прослеживаются полностью, все же можно составить некоторое представление об их размерах. На поселении у Малкия Асар здания занимали площадь 240 и 120 кв. м (рис. 1, В, Е); на поселении у Церквище — 225 и 360 кв. м (рис. 2, А, В). Правда, И. Велков, раскопавший эти поселения, не определяет назначения построек. Однако многочисленные фрагменты найденной здесь толстостенной керамики, круглая плитка, служившая для закрытия дымохода, и толщина стен этих построек (0,6—0,7 м) дают основание считать их жилищами.

В этнографической и археологической литературе обычно принято считать дома таких (да и меньших) размеров «большими домами», служившими жилищами для большесемейных коллективов. Б. Н. Граков при раскопках на скифском Каменском городище на Днепре, хронологически близком (IV в. до н. э.) к поселению у Драгойнова, обнаружил несколько наземных жилищ и землянок больших размеров<sup>14</sup>. Например, одно из них имело площадь 200 кв. м, другое — 160 кв. м, площадь третьего доходила до 140 кв. м. Автор раскопок полагает, что в таких

<sup>13</sup> И. Велков, Драгойново — един тракийски селищев център, «Изв. на Българския Археологически институт», XIX, 1955, стр. 86—94. Датировке этого интересного памятника уделено, к сожалению, мало внимания. Судя по тем литературным аналогиям, к которым прибегает И. Велков, фракийское поселение у Драгойнова бытовало в V в. до н. э., т. е. по времени близко событиям, описываемым Ксенофонтom в «Анабазисе».

<sup>14</sup> Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 36, стр. 61—63.

жилищах проживали большие патриархальные семьи, объединенные в одну семейную общину.

Большие дома были распространены и у древних германцев<sup>15</sup>. Весьма интересен, например, материал, полученный при раскопках поселения Эзинге в голландской провинции Гронинген<sup>16</sup>. В первом слое, датированном IV в. до н. э., найден дом, площадь которого равнялась 192 кв. м. В наиболее сохранившихся слоях III—I вв. до н. э. наряду с небольшими домами обнаружены и крупные (например, 165,6 кв. м), которые исследователи считают жилищем больших родственных коллективов или большой семьи, ведущей общее хозяйство<sup>17</sup>. Большие дома IV в. до н. э.—I в. н. э. обнаружены в западной, северной и восточной Германии<sup>18</sup>. Эти дома древних германцев исследователи считают жилищами больших семей<sup>19</sup>, наличие которых в античное время засвидетельствовано Цезарем и Тацитом. Более подробные сведения, касающиеся состава больших семей у германцев, можно извлечь из варварских правд; древнейшие части текста этих источников свидетельствуют о том, что в первые века нашей эры большая семья у германцев Западной Европы состояла из трех поколений: супругов, их женатых сыновей и детей этих последних<sup>20</sup>. К аналогичным выводам о соответствии больших домов большесемейным коллективам приходят и исследователи поселений черняховской культуры. Так, Э. А. Рикман в сводной работе о больших домах носителей этой культуры приходит к выводу, что такие «дома были местом обитания патриархальных больших семей»; размеры этих домов колеблются в округленных цифрах от 90 до 130 кв. м<sup>21</sup>. Подобные примеры можно было бы умножить<sup>22</sup>.

Среднее число членов большесемейных коллективов в разное время и у разных народов, конечно, было неодинаковым. М. О. Косвен приводит цифры, характерные для эпохи распада большой семьи (70 человек), тут же отмечая, что прежде семьи были крупнее и состояли из 100 и более человек<sup>23</sup>. Он же приводит и максимальные числа: 200—300 человек в задруге у словенцев, 250 — у болгар<sup>24</sup>.

Большие дома скифов, западноевропейских германцев и племен черняховской культуры, являвшиеся, по заключению исследователей, обиталищем большой семьи, могут (до некоторой степени) служить эталоном и при определении тех родственных коллективов, которые населяли

<sup>15</sup> W. Radig, Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln, Berlin, 1955, S. 55—64; его же, Frühformen des Hausentwicklung in Deutschland, Berlin, 1958, S. 42—56; F. Behn, Die Entstehung des deutschen Baurenhauses, Berlin, 1957, passim.

<sup>16</sup> W. Radig, Frühformen des Hausentwicklung, S. 50—55; F. Behn, Указ. раб., S. 15—16; И. Н. Гроздова, Типы крестьянских домов в Нидерландах и Бельгии в первой половине XIX в., Сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 223.

<sup>17</sup> W. Radig, Frühformen des Hausentwicklung, S. 57; И. Н. Гроздова, Указ. раб., стр. 223.

<sup>18</sup> Н. М. Листова, Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в., Сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», стр. 182.

<sup>19</sup> М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 126—132; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР». Серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 356—359; Э. А. Рикман, К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа, «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 136—137.

<sup>20</sup> А. Д. Удальцов, Родовой строй у древних германцев, Сб. «Из истории западноевропейского феодализма», М., 1935; А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956.

<sup>21</sup> Э. А. Рикман, Указ. раб., стр. 133—134.

<sup>22</sup> См., напр., Г. И. Анохин, К проблемам заселения страны и возникновения поземельной общины в древней Норвегии, Сб. «Культура и быт народов зарубежной Европы», М., 1967, стр. 51—54 и указанную там литературу.

<sup>23</sup> М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 65.

<sup>24</sup> Там же, стр. 49. Такие же цифры приводят Л. В. Маркова («Сельская община у болгар в XIX в.», «Славянский этнографический сборник», М., 1960, стр. 67—68), Н. Н. Грацианская («Постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в.», Там же, стр. 201, 203, 254).

дома на фракийском поселении у с. Драгойнова: следует полагать, что это были большесемейные домашние общины с характерным для них хозяйственным единством.

Второй, не менее существенной для нас особенностью поселений у с. Драгойнова являются их каменные ограды (толщиной 1,10—1,30 м). Они следуют рельефу местности и огораживают значительные пространства (1600 кв. м; 1750 кв. м; 5400 кв. м и даже 9600 кв. м), внутри которых и находились описанные выше большие дома. Назначение огороженных пространств руководитель раскопок определяет, привлекая отрывок из трагедии Эсхила «Персы» (ст. 869 и сл.). Эсхил, участвовавший в экспедиции афинян 475 г. против г. Эйона в устье р. Стримона, в области племени эдонов называет фракийские жилища *ἐπαυλος*. Термин этот, употребленный по отношению к фракийским поселениям и Аполлоном Родосским (Argon, I, 798 сл.), в древнегреческом языке имеет два значения: 1) загон для скота и 2) жилище. Вместе с однокоренным словом *αὐλή* (огражденное стеной место, в котором имеется жилище и загон для скота) оно близко по смыслу к нашему слову «двор» или (благодаря приставке *ἐπί*) приобретает значение «все то, что относится ко двору»<sup>25</sup>. Сопоставление термина *ἐπαυλος*, употребленного Эсхилом, с данными раскопок у Драгойнова дает представление о дворах, окруженных оградой, с расположенными на них жилищами. Любопытно, что дворы, окруженные частоколом, у фракийцев из юго-восточного племени тинов засвидетельствованы в другом отрывке «Анабазиса»: «Из-за мелкого скота дома были окружены со всех сторон высокими частоколами» (Anab., VII, IV, 14). Внутри такого двора находилось у тинов и жилище, что явствует из того же места в рассказе Ксенофонта. Описание Ксенофонта поразительно совпадает с данными из Драгойнова (различие в материале, из которого сделаны ограды, не представляется нам в данном случае существенным).

Небезынтересно в этой же связи обратить внимание на термин, которым Ксенофонт в том же «Анабазисе» обозначает проводников-фракийцев, вынужденных указывать грекам дорогу среди огороженных частоколами дворов в своей деревне, захваченной врагами. Здесь (Anab. VII, IV, 14) Ксенофонт говорит о *ὄδεσφότης τῆς οἰκίας*. Обычно это выражение переводят — «хозяин дома» или «владелец дома»<sup>26</sup>. Нам, однако, представляется более правильным переводить его выражением «глава домашнего очага (или хозяйства, или семьи)», так как слово *οἰκία* имеет все эти значения и отнюдь не ограничено понятием «дом» (в смысле «здание», «строение»). Нельзя ли это выражение Ксенофонта наряду с термином *ἐπαυλος* («огороженный двор с жилищем на нем»), употребленным Эсхилом, а также данные археологии о существовании больших домов считать доказательствами существования у фракийских племен, живших в Родопах в V в. до н. э., большесемейных коллективов, являвшихся хозяйственными единицами? Нельзя ли видеть в них ту хозяйственную категорию, которую в этнографии принято называть «домохозяйство» или «двор» и которая соответствует тому, что у римлян обозначалось терминами *domus* и *familia*, у сербо-хорватов — «куча», «куща» или «задружна куча», у восточных славян — «дом», «двор», «дворище»<sup>27</sup> и т. п.?

<sup>25</sup> И. Велков, Драгойново, стр. 91—93. Так же трактует слово *αὐλή* и М. О. Косвен («Семейная община и патронимия», стр. 101).

<sup>26</sup> Ксенофонт, Анабазис, М.—Л., 1951, стр. 203; Хр. М. Данов, Югоизточна Тракия по сведения на Ксенофонт, «Известия на Института за българска история», 1951, № 3—4, 1951, стр. 300.

<sup>27</sup> Домовая община является одной из последних, наиболее поздних форм общины, основанной на принципах родства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 61, 62, 134, 139; там же см. указание на работы М. М. Ковалевского, специально посвященные этому вопросу). Мнение А. Фола (Указ. раб., стр. 316) о том, что уже с V в. до н. э. патриархальная домовая община (*Patriarchalische Hausgemeinde*) у фракийцев была территориальной, представляется неправильным.

Если приведенные выше источники считать достаточно надежными, а их интерпретацию правильной, то есть основания считать, что община некоторых южнофракийских племен этого времени представляла собой большесемейную общину. Это была община той же ступени развития, что и община у латинян в начале римской истории, германцев на рубеже нашей эры и других народов античной Европы (см. примеч. 1—3 настоящей статьи).

Постепенно в недрах фракийской большесемейной общины начинают развиваться те процессы, которые впоследствии приведут к переходу части общинных земель вначале во временное пользование, а затем во владение малых семей, т. е. к появлению частной собственности малых семей (вернее глав малых семей) на эти земли. Черты такого процесса, который столь четко наблюдался в истории классических народов древности, можно обнаружить и во фракийских материалах.

Обратимся с этой целью прежде всего к 24-й оде Горация — римского поэта эпохи Августа. В ней рассказывается о формах землевладения у гетов — крупнейшего северофракийского племени, которое, по-видимому, в это время (так же как южные фракийцы в более ранний период) находилось на стадии развитого племенного союза, стоявшего на пороге государственности<sup>28</sup>:

11 vivunt et rigidi Getae,  
12 immetata quibus iugera liberas  
13 fruges et Cererem ferunt,

14 nec cultura placet longior annua,

15 defunctumque laboribus  
16 aequali recreat sorte vicarius.

Живут и непреклонные геты,  
Которым неразмежеванные участки земли  
Приносят свободные плоды и урожай хле-  
бов.

И нежелательно возделывать поле более  
года,

Когда же покончено с трудами  
Заменяющий обновляет равную долю<sup>29</sup>.

В исторической литературе научная значимость этого источника оценивается по-разному. Нет единства и в трактовке сообщаемых в оде сведений.

Ряд ученых вообще отказывается признать историческую ценность этих сведений Горация. Так, в 1880-х годах Г. Точилеску впервые усомнился в том, что эту оду можно считать достоверным свидетельством жизни гетов, и увидел здесь лишь идеализацию незнакомых Горацию народов севера<sup>30</sup>. Отрицал достоверность сообщения оды об общности земли и Г. Кацаров<sup>31</sup>, полагавший, что строки 11—14 являются лишь одним из общих мест в описании золотого века, столь часто встречающихся у поэтов эпохи Августа, а строки 15 и 16 заимствованы Горацием из сообщения Цезаря о свевах (Bell, Gall., IV, 1). М. Ростовцев сомневается, можно ли относить сведения Горация к гетам современной поэту эпохи, так как эти данные противоречат, по его мнению, другим источникам, устанавливающим у гетов более высокий уровень социально-экономического развития. Б. Геров также не считает возможным признать сведения Горация достоверными, так как и по его мнению они находятся в противоречии с действительным уровнем экономического и социального развития гетского общества, знавшего уже частную собственность<sup>32</sup>. На

<sup>28</sup> «Istoria Rominiei», București, 1960, pp. 274—278; «Народы зарубежной Европы», т. 1 (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 602—603; Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1955, № 2, стр. 73—91.

<sup>29</sup> Приведен подстрочный перевод. Наиболее удачный, на наш взгляд, поэтический перевод дан в следующем издании: «Квинт Гораций Флакк». Перевод Г. Ф. Церетели. М., 1936.

<sup>30</sup> G. T. Tocilescu, Dacia înainte de Romani, București, 1880, pp. 731—734.

<sup>31</sup> G. Kazarov, Указ. раб., стр. 43—45.

<sup>32</sup> M. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft in römischen Kaiserreich, Bd. I, Leipzig, 1929, S. 339—340, Anm. 79; Б. Геров, Указ. раб., стр. 20.

этом основании и А. Бодор<sup>33</sup> отказывает Горацию в осведомленности о земельных отношениях у гетов и подобно Кацарову, усматривает в оде заимствование из сообщения Цезаря о сведах. Некоторые сомнения по поводу достоверности данных оды Горация высказывал и А. Б. Ранович<sup>34</sup>.

Нам же представляется, что имеется мало оснований сомневаться в осведомленности Горация. Напротив, можно полагать, что Гораций, живший во время крупных столкновений Рима с гетами и в этот период создавший свою оду, человек, близкий к Августу и его окружению, больше, чем кто бы то ни было, находился в курсе гетских социальных взаимоотношений. В одном из стихотворений Гораций пишет, что в Риме его считали лицом весьма осведомленным по гетскому вопросу<sup>35</sup>. Поэзия его содержит и другие сведения о гетах, причем он обнаруживает конкретные и детальны знания и в области политических событий на Дунае, и относительно вооружения гето-даков и их религии<sup>36</sup>. Что же касается сомнений, основанных на сходстве в описании золотого века и жизни варваров у поэтов эпохи Августа, то можно сказать, что идеализация этой жизни возникла в результате сведений, почерпнутых в ходе столкновений Рима с окружающим его племенным миром в конце Республики и начале Империи. Геты и были одними из тех племен, сведения о которых создавали у римлян представления о варварах. Гораздо существеннее выяснить, действительно ли данные Горация расходятся со сведениями об уровне социально-экономического развития гетов рубежа н. э. в других источниках. Большинство подобных сомнений основано на представлении о якобы существующей несовместимости общинного землевладения, характерного-де только для первобытного, доклассового общества, с имущественным и социальным расслоением, частной собственностью и другими чертами, характерными для общества, выходящего за пределы общинно-родовых отношений. Как известно, последние черты были уже присущи гетскому обществу. Однако отвергнуть научную ценность 24-ой оды Горация следовало бы лишь в том случае, если бы в ней содержалась характеристика общины у гетов как классической родовой без каких-либо признаков перехода к более поздним формам<sup>37</sup>. Между тем текст оды не дает повода для подобного заключения. Остановимся на нем подробнее.

Перевод первых трех строк (11—13) не вызывает сомнений: «живучи и непреклонные (свирепые, жестокие) геты, которым неразмежеванные (необмеренные) участки земли приносят свободные плоды и урожай хлебов». Выражение «неразмежеванные участки земли» (*immetata iugera*) указывает на общинную форму землепользования, сохранение неподеленной между членами общины пахотной земли и, возможно, на коллективное потребление урожая, собираемого с этой земли (*liberae fruges* — свободные плоды — скорее всего надо понимать как никому в отдельности не принадлежащие). Наличие общей неразмежеванной общинной земли в более раннее время можно усмотреть и в свидетельстве Арриана (Апоб., I, 4) о том, что воины Александра Македонского с трудом смогли пройти через густые хлеба на полях гетов и для продвижения вперед должны были раздвигать колосья сариссами. Однако вернемся к оде Горация. В ней несколько далее (14—16 строки) есть как

<sup>33</sup> A. Bodor, Contribuții la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană. Problema obștilor la daci, «Studii și cercetări de istorie veche», t. VII, 1956, № 3—4, pp. 253—266.

<sup>34</sup> А. Ранович, Восточные провинции Римской империи, М., 1949, стр. 247.

<sup>35</sup> Horac., Sat., II, 6, 53 сл.

<sup>36</sup> Horac., Carm., I, 18, 36; II, 16, 20; III, 6, 8, 24; IV, 12, 15.

<sup>37</sup> К. Маркс в набросках ответа на письмо В. Засулич говорил о первобытных общинах, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 19, стр. 413).

будто указание на то, что часть земельных угодий подвергается разделу: «...и нежелательно (неудобно) возделывать поле более года; когда же покончено с трудами, заменяющий (*vicarius*) обновляет равную долю». Существуют два толкования этого места нашего источника. Часть исследователей, как уже отмечалось, видит здесь прямое заимствование текста Цезаря о свевах (*Bell. Gall.*, IV, I) <sup>38</sup>, в котором последний сообщает, что в то время как часть свевов воюет, другая остается дома и обрабатывает поля; через год же воины сменяют землепашцев, а землепашцы становятся воинами. Однако, во-первых, сам текст нашей оды не дает для такой трактовки никакого повода: совершенно очевидно, что речь идет здесь о замене одного земледельца другим, а не о замене вочна земледельцем. Во-вторых, имеющиеся сведения об организации армии у гетов в I в. до н. э. противоречат подобному истолкованию текста Горация: армия гетов представляла собой в это время вооруженный народ и в сражениях участвовали не только все способные носить оружие мужчины, но и женщины <sup>39</sup>.

Значительно больше оснований присоединиться к мнению других исследователей <sup>40</sup>, которые воспринимают эти строки как свидетельство земельных переделов у гетов. Речь идет о сменяемых (*vicarius*) рабочих, возделывающих поле, и о равных участках (*aequali sorte*), получаемых ими при смене. Термин *sors*, употребленный Горацием, наводит на мысль о переделах по жребью.

Ода Горация не позволяет с определенностью сказать, идет ли речь о переделе уже обработанной земли или же о перелоге. Вполне возможно, что один и тот же участок не использовался более одного года, и членам общины отмеряли необработанный ранее (глагол *recreat* — обновлять — позволяет именно так понимать эту строку) участок земли <sup>41</sup>.

Таким образом, ода Горация как будто говорит о существовании у фракийцев-гетов на рубеже нашей эры двух видов общинных угодий: угодия первого вида не подвергались разделу между членами общины и обрабатывались ими сообща, угодия же второго вида разделу подвергались. Последний вид угодий получали только в кратковременное (на один год) пользование, а не в качестве наследственного частного владения. Сведения Горация дают некоторую возможность наметить один из начальных этапов возникновения земельной собственности у фракийцев — выделение из общинного фонда пахотной земли участков во временное пользование отдельных семей.

С той же целью выявить процесс выделения из общины отдельных семей обратимся еще раз к материалам из Драгойнова. Некоторые черты этого поселения, прослеживающиеся в его планировке, указывают на хозяйственное обособление семей, возможно малых. Это проявляется прежде всего в начавшемся делении крупных большесемейных дворов на более мелкие. Так, план северного двора в Церквище указывает, на то, что, хотя двор еще и не разделился полностью, его две час-

<sup>38</sup> См. Г. Казагов, Указ. раб., стр. 45; А. Водор, Указ. раб., стр. 256—258. М. Макря (М. Масреа, *Procesul separării orasului de sat la Daci*, «Studii și referate privind istoria Pomîniei», București, I, 1954, p. 139) считает, что сходство сообщений Цезаря и Тацита о свевах и Горация о даках обусловлено сходством социальной среды.

<sup>39</sup> Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, стр. 88—91.

<sup>40</sup> Так воспринимают смысл оды Горация М. Ростовцев (Указ. раб., стр. 334), А. Ранович (Указ. раб., стр. 242), М. Макря (Указ. раб., стр. 138—139), Т. Златковская («Мезия в I—II вв. н. э.», М., 1951, стр. 20; «Племенной союз гетов...», стр. 84).

<sup>41</sup> Последней из высказанных трактовок придерживаются В. Пырван (*V. Pîrvan, Getica*, București, 1926, p. 136) и Р. Флореску (*R. Florescu, Agricultura în Dobrogea în începutul stăpînirii romane*, «Studii și cercetări de istorie veche», 1956, № 3—4, p. 380). Последний ссылается при этом на этнографические примеры существования перелога у румын.

ти уже явно начали обособляться. Этот процесс сказался в появлении на когда-то общем дворе двух отдельных домов (рис. 2, А и В). Показателен в этом же отношении и совершенно самостоятельный малый двор, расположенный близ самого большого из дворов Драгойнова, в центральной части Церквища. Малые размеры этого дворика (он подовальной формы, диаметры его 12 и 15 м) существенно отличают его от всех других и указывают на то, что им владел небольшой коллектив, скорее всего малая семья.

Интересно отметить, что домохозяйства, дворы которых составляют сравнительно с другими меньшую площадь (5400, 3500, 4800 кв. м и т. п.) группируются в единое поселение с примыкающими друг к другу оградами, тогда как очень большие родственные коллективы, дворы которых занимают площадь около 100 тыс. кв. м, выделились в отдельные хутора (нижняя часть рис. 2). Можно предположить, что это является признаком большей хозяйственной самостоятельности более крупных и богатых домохозяйств. Любопытно, что все отмеченные выше симптомы выделения малых семей на поселении Драгойново мы наблюдаем именно в этих наиболее крупных домохозяйствах. Очевидно, выделение малых семей происходило здесь ранее, чем в других больших семьях, меньших по числу членов и, вероятно, менее экономически подготовленных к началу этого процесса.

Сведения аналогичного порядка можно почерпнуть и из интересного эпиграфического документа — надписи, оставленной в I в. до н. э. фракийцами из села Фракиокоме близ г. Кизика в Малой Азии<sup>42</sup>. В надписи зафиксированы четыре категории жителей села: 1) кометы из деревни фракийцев, 2) землевладельцы (*γεωκτηται*), 3) люди, объединенные вокруг божества (или вокруг святилища), и 4) просто «живущие в деревне» (*κατοικοῦντων*). Некоторые исследователи (М. И. Ростовцев, И. С. Свентицкая<sup>43</sup>) полагают, что землевладельцы-геоктиты были общинниками, получившими право на индивидуальное держание земли в пределах общинных земель (то ли на правах собственности, то ли на правах владения). Есть и другая трактовка данной надписи, предложенная Е. И. Голубцовой; согласно этой трактовке геоктиты не признаются членами общины, а считаются лицами, выделившимися из нее, находящимися вне общины<sup>44</sup>. Надпись не позволяет сказать с определенностью, закончился ли к I в. у фракийцев (живших близ Кизика) процесс выделения собственников земли из общины или он еще продолжался. Тем не менее она, бесспорно, свидетельствует о разделении и даже противопоставлении общинников (кометов) тем лицам (геоктитам), которые владели участками земли.

Отмечая одну из черт, отличающих земледельческую общину от общины более древних типов, Маркс говорил о периодических переделах пахотной земли между ее членами; он отмечал, что при этом каждый земледелец обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе плоды этой обработки, хотя земля и остается общинной собственностью<sup>45</sup>.

Определяя место этой общины в истории общества, Маркс писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторич-

<sup>42</sup> F. W. Hasluck, Inscriptions from Cyzicus neighbourhood, «Journal of Hellenic Studies», vol. XXIV, 1904, p. 21 сл.

<sup>43</sup> M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Leipzig und Berlin, 1910, S. 263, Anm. 1; И. С. Свентицкая, Зависимое население на землях городов западной Малой Азии в период эллинизма, ВДИ, 1957, стр. 97.

<sup>44</sup> F. W. Hasluck (Указ. раб., стр. 23) видел в геоктитах людей, арендующих у Кизика земли, прилегающие к деревне. Н. И. Голубцова («Формы зависимости в эллинистической Малой Азии». ВДИ, 1967, № 3, стр. 40—41) полагает, что геоктиты и кометы — различные социальные категории.

<sup>45</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 404, 414, 418.

ной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»<sup>46</sup>. Представляется, что такая форма земельных отношений находится в соответствии с общим уровнем развития гетского общества I в. до н. э., о котором говорится в оде Горация. Это общество мы классифицировали как развитый союз племен, стоящий на грани возникновения классового общества<sup>47</sup>.

Материалы Драгойнова дают как бы в графической форме, а ода Горация в поэтической, изображение начальной стадии процесса появления частной собственности на земельные парцеллы. Энгельс в свое время описал этот процесс следующим образом: «Наряду с богатством, заключающемся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появилось также богатство земельное. Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленное им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности»<sup>48</sup>.

Роль соседских, территориальных связей во фракийской общине эпохи становления государства прослеживается по рассмотренным выше источникам плохо<sup>49</sup>. Однако о ней можно судить по косвенным данным, в частности по сведениям о развитии у фракийских племен (периода разложения племенных союзов и становления государства) торговли, денежного обращения и ремесла, о глубоком имущественном расслоении, возникновении классовых антагонизмов и классов, о появлении множества лиц, оторванных от своего родового коллектива, и т. п.

Если принять во внимание, кроме рассмотренных источников, и эти данные, то, вероятно, правильное будет классифицировать фракийскую общину соответствующего периода как соседско-большесемейную. Таким образом перед нами переходная форма общины, стоящая между архаической общиной, основанной на отношениях кровного родства, и территориальной земледельческой общиной<sup>50</sup>.

## TOWARDS THE PROBLEM OF COMMUNAL LAND OWNERSHIP IN THE PERIOD OF FORMATION OF CLASS SOCIETY

(ON THRACIAN MATERIAL)

The author shows the historic validity of the views of Engels on communal land ownership among the Romans, Germans and Celts confirming them by new or newly interpreted data on this phenomenon among the Thracians. Analysis of the literary tradition of Antiquity, of epigraphic and archaeological material leads the author to the conclusion that in the period when incipient class society was being formed collective forms of land ownership were in existence among the Thracians; she notes the presence of big houses inhabited by extended families forming economic units. Within such extended family communities the process took place which were gradually to lead to the economic detachment of small families and to the rise of private land ownership.

<sup>46</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 419.

<sup>47</sup> Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, стр. 91.

<sup>48</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 166—167.

<sup>49</sup> В своей последней работе по древней Фракии Хр. М. Данов придает этим связям решающее значение и полагает, что фракийскую общину можно считать земледельческой, по крайней мере со времени Гекатея, т. е. с середины VI в. до н. э. (см. Хр. Данов, Древна Тракия, София, 1968, стр. 303—307). Однако под термином «земледельческая община» Хр. М. Данов, видимо, подразумевает не определенную ступень в развитии общинных отношений, а просто сельский характер фракийских поселений, отличных от городов (полисов) греков, так как его аргументация построена только на том, что фракийские поселения в античной традиции называются не полисами, а деревнями (жомами).

<sup>50</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 403, 413, 414, 417.



Ю. И. Семенов

## ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ МАТЕРИНСКОГО РОДА К ОTCОВСКОМУ

(ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Для Ф. Энгельса вопрос об историческом соотношении матрилинейности и патрилинейности вообще, а в первую очередь материнского и отцовского рода, всегда был одной из важнейших проблем первобытности. Хорошо известна та высокая оценка, которая была дана им труду И. Я. Бахофена «Материнское право». Только с появлением этой работы, по его мнению, началось подлинное изучение истории семьи<sup>1</sup>. Великую заслугу Л. Г. Моргана Ф. Энгельс видел в том, что тот в роде, организованном согласно материнскому праву, открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный сообразно отцовскому праву. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов,— писал он,— имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...»<sup>2</sup>.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была нарисована убедительная, основанная на фактах картина превращения материнского рода в отцовский под влиянием накопления богатств и перехода их в частное владение отдельных семей. За годы, прошедшие со времени выхода в свет классического труда Ф. Энгельса, этнографической наукой был накоплен огромный фактический материал, который заставляет заново вернуться к, казалось бы, окончательно решенному вопросу. С одной стороны, стали известны народы, у которых уже существовали классы и государство, но сохранялся материнский род (ашанти, наяры, минангкабау). С другой стороны, у значительной части аборигенов Австралии, несмотря на отсутствие частной собственности, был обнаружен отцовский род.

Все эти факты были использованы для обоснования взгляда на материнский и отцовский роды как на явления во всех отношениях совершенно равноценные, существующие параллельно, которые могут прямо или

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 215.

<sup>2</sup> Там же, стр. 223.

через промежуточные формы переходить друг в друга<sup>3</sup>. Тезис о принципиальной равноценности материнского и отцовского родов отстаивается в настоящее время и некоторыми советскими этнографами<sup>4</sup>.

Ссылка на народы, у которых материнская филиация продолжала существовать в условиях раннеклассового общества, сама по себе не может быть аргументом против признания материнского рода исторически первоначальным. Иное дело явление, которое М. О. Косвен назвал «австралийской контроверзой». Чтобы быть убедительным, обоснование положения о приоритете материнской филиации над отцовской должно включать в себя доказательство того, что отцовский род австралийцев был не первоначальным, а пришел на смену материнскому. Это, в свою очередь, предполагает раскрытие причин, вызвавших подобную трансформацию.

Некоторые советские этнографы, в частности А. М. Золотарев и С. П. Толстов, высказали предположение, что переход от материнского счета родства к отцовскому произошел у австралийцев под влиянием вторжения колонизаторов. Но сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу такой точки зрения ими приведено не было. И главное, имеются серьезные основания полагать, что отцовская филиация существовала в Австралии до колонизации.

«Австралийская контроверза» все еще ждет своего решения. Не получили объяснения также и случаи сохранения материнского рода в условиях классового общества. На наш взгляд, найти ответ на все эти вопросы можно только в том случае, если рассматривать их не изолированно, а как часть общей проблемы развития материнского рода.

Для этого необходимо прежде всего обратиться к самой начальной стадии эволюции родового общества.

Многие советские этнографы придерживаются взгляда, что эта ступень характеризовалась повсеместным существованием дуально-родовых организаций — систем, состоящих из двух взаимобрачающихся материнских родов. В нескольких работах нами была предпринята попытка более или менее детально реконструировать, базируясь на этнографических материалах, структуру первоначальной дуально-родовой организации<sup>5</sup>. Не имея возможности привести использованные нами данные, мы ограничимся здесь лишь изложением основных выводов.

Прежде всего многочисленные факты свидетельствуют, что каждый из входивших в дуальную организацию родов (А и Б) делился на две несколько обособленные одна от другой группы: первую, состоящую из мужчин, мы будем называть мужской группой (м) и вторую, состоящую из женщин и детей обоего пола, мы будем именовать женской группой (ж). Женщины всю жизнь оставались в одной и той же группе. Мальчики по достижении определенного возраста покидали женскую группу (матерей и сестер) и переходили в мужскую группу своего рода (братьев матерей и братьев). Этот переход отмечался инициациями.

Таким образом, дуально-родовая организация включала в свой состав четыре группы: две мужские (Ам и Бм) и две женские (Аж и Бж). Между группами Ам и Аж существовала теснейшая производственная связь, они вместе образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — А. Точно такая же связь существовала между груп-

<sup>3</sup> См., например: G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1965, pp. 46, 183—190.

<sup>4</sup> См., например: Н. А. Бутин, *Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты)*, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 114—117, 122—123; В. Р. Кабо, *Первобытная община охотников и собирателей*, Там же, стр. 258—259.

<sup>5</sup> См. Ю. И. Семенов, *Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений*, М., 1964, его же, *Как возникло человечество*, М., 1966; его же, *Проблема начального этапа родового общества*, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.

пами *Бм* и *Бж*. Они тоже образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — *Б*. Между группами *Ам* и *Бж* тоже существовала связь, но не хозяйственная, производственная, а детопроизводственная. Вместе они составляли одну брачную организацию. Другую брачную организацию составляли группы *Бм* и *Аж*.

Каждый хозяйственный коллектив состоял из групп, входивших в состав разных брачных организаций, а каждая брачная организация состояла из групп, входивших в состав разных хозяйственных коллективов. Если первоначальный подлинно человеческий хозяйственный коллектив был экзогамным, т. е. таким, внутри которого невозможны были половые отношения, то первоначальный брак был не только групповым, но и дисэкономическим, т. е. исключавшим экономические отношения между людьми, вступавшими в половые отношения. Входя в состав разных производственных коллективов, люди, имевшие право вступать в половое общение, должны были и жить раздельно. Первоначальный групповой брак, будучи дисэкономическим, был неизбежно и дислокальным.

В таких условиях все связи между отдельными индивидами противоположного пола, принадлежавшими к разным родовым коллективам, должны были сводиться лишь к половым отношениям. А это значит, что они не были браком. Дело в том, что брачные отношения, включая в себя половые, никогда к ним не сводятся. Брак есть социальная организация половых отношений. Брачные отношения необходимо предполагают наличие определенных прав и обязанностей между связанными ими сторонами. Такие права и обязанности существовали между мужскими и женскими группами разных родов. Каждый из коллективов, входивших в дуальную организацию, строжайше воспрещая половые отношения внутри себя, тем самым предписывал членам своей мужской группы искать партнеров в женской группе другого рода и соответственно членам своей женской группы — в его мужской группе. Отношения мужских и женских групп разных родов были браком, причем только они и были браком. Других брачных отношений в ту эпоху не существовало. Вступление в половые отношения индивидов, принадлежавших к мужской и женской группам разных родов, не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало на них никаких обязанностей по отношению друг к другу. Они были не мужем и женой, а лишь половыми партнерами. Групповой брак означает отсутствие индивидуальных брачных отношений.

Изменения в описанной выше структуре связаны с эволюцией отношений по распределению общественного продукта, прежде всего пищи. Нарисовать детальную картину развития распределительных отношений доклассового общества — задача сложная, но общее направление, обобщающая тенденция этого процесса является более или менее ясной.

Первоначальные отношения распределения в человеческом обществе принято называть уравнительными. Это, однако, не означает, что все члены коллектива получали абсолютно равные доли произведенного продукта. Уравнительность здесь заключалась в том, что при распределении общественного продукта не принимался во внимание, не учитывался вклад человека в его производство. При распределении учитывались лишь нужды, потребности членов коллектива. Тот, кто больше нуждался, соответственно получал и большую долю продукта; тот, кто нуждался меньше, получал меньшую. Такой принцип распределения может успешно действовать лишь в условиях, когда объем произведенного коллективом продукта не превышает уровня, минимально необходимого для поддержания физического существования всех его членов.

Когда объем произведенного обществом продукта превышает уровень выживания, постепенно возникает объективная необходимость и в иных, кроме угрозы голодной смерти, стимулах к труду, появляется объективная потребность в новом принципе распределения. Если раньше при

распределении учитывались лишь нужды члена коллектива, то теперь начинает постепенно во все большем масштабе приниматься во внимание и его вклад в создание общественного продукта. Можно полагать, что вначале учитывался лишь сам факт наличия вклада, затем степень его соответствия возможностям человека и, наконец, все больше учитывались и размеры вклада.

Вполне понятно, что в доклассовом обществе единственно возможным вкладом человека в создание общественного продукта был его труд. Зародившись, принцип распределения по труду еще долгое время не мог вытеснить уравнилельный принцип, но его влияние на все общественные отношения становилось все более заметным. Различие между уравнилельным и трудовым принципами распределения заключается не просто в том, что в первом случае не учитывается вклад человека в создание продукта, а во втором учитывается. Важно обратить внимание на то, что если при уравнилельном принципе общественный продукт распределяется между всеми в нем нуждающимися, т. е. всеми членами коллектива, то при трудовом — лишь между теми его членами, которые сами участвовали в создании продукта. Распределение по труду всегда есть распределение созданного обществом продукта между его производителями. Что же касается остальных членов коллектива, то они получают свою долю общественного продукта не прямо от общества, а от производителей. Чтобы жить, нетрудоспособный член коллектива обязательно должен быть связан по крайней мере с одним из работников, который будет уделять ему часть полученной им от общества доли продукта.

В обществе, в котором действует трудовой принцип, неизбежно должны существовать по меньшей мере два различных уровня распределения: 1) распределение общественного продукта между работниками и 2) распределение полученной работником доли между ним самим и определенным числом лиц, не участвующих в производстве. Иначе говоря, в таком обществе неизбежно должны существовать группы, состоящие из работников (кормильцев) и лиц, находящихся на их содержании (кормленников).

В эпоху доклассового общества продолжительность жизни людей была невелика. Поэтому основную массу кормленников составляли дети. Первым и естественным их кормильцем была мать. Всякая потребительская кормленческая группа прежде всего должна была включать в свой состав мать и детей. Но общество не смогло бы нормально функционировать, если бы с возникновением трудового принципа распределения все содержание детей легло бы только на половину трудоспособных его членов. Объективной необходимостью было участие в потребительской группе взрослого трудоспособного мужчины. Важнейшим механизмом, который обеспечивал реализацию этой необходимости, было разделение труда между полами, столь характерное для доклассового общества.

Если смотреть с современной точки зрения, то кажется совершенно естественным, что кормильцем детей не мог быть никакой другой мужчина, кроме отца. С точки зрения людей раннеродового общества дело обстоит иначе. Прежде всего при групповом браке отцовство не всегда могло быть точно установлено. Поэтому следует говорить не об отце, а об одном из половых партнеров женщины. Но главное заключается в том, что присоединение к материнско-детской группе одного из половых партнеров женщины означало бы возникновение отношений совершенно нового типа — экономической связи между членами разных хозяйственных коллективов, разных родов. Значительно более естественным было присоединение к ней мужчины, который ранее в качестве кормленника входил в одну потребительскую группу с женщиной, т. е. ее брата. В этом случае экономические отношения не выходили за пределы рода, оставались связями между сородичами.

И становление потребительской ячейки, вероятно, пошло прежде всего по этому пути. Она формировалась как группа, состоящая из брата, сестры и ее детей<sup>6</sup>. Но наряду с этим шел и другой процесс — завязывания экономических связей между материнско-детской группой, с одной стороны, и одним из половых партнеров женщины — с другой. В результате начали постепенно вырисовываться контуры потребительской ячейки другого рода — парной семьи.

Доказывать существование парной семьи нет нужды. На данных же, говорящих о существовании в прошлом человечества в качестве определенной социальной единицы группы из брата, сестры и ее детей, необходимо хотя бы коротко задержаться. Прежде всего следует указать на комплекс явлений, известных под названием авункулата<sup>7</sup>. И речь идет не просто о пережитках бытования в далеком прошлом группы, состоящей из брата, сестры и ее детей. У многих этнических общностей эта группа продолжала существовать наряду с парной семьей вплоть до наших дней. В качестве примера можно указать на меланезийцев о-ва Добу.

Группа, состоящая из брата, сестры и ее детей, была у добуанцев совершенно отчетливой особой социальной единицей, имевшей специальное название — сусу (*susu*). Интересно отметить, что для обозначения парной семьи никакого термина у них не существовало. Между двумя названными группами существовало соперничество. Каждый взрослый мужчина был одновременно и членом сусу, и членом семьи и должен был служить и той и другой группе. Естественно, что выигрыш одной группы всегда был проигрышем для другой. Земля в самой деревне, пальмы, сети для рыбной ловли, каменные тесла, ценные украшения, движимое личное имущество — все это передавалось по наследству лишь внутри сусу: от матери к детям, от дяди по матери племянникам. Что касается огородной земли вне деревни, то часть ее переходила сыновьям мужчины. Но дети умершего, во-первых, были обязаны урожаем, выращенный на поле отца в год его смерти, передать племянникам, во-вторых, были полностью лишены права использовать в пищу фрукты и другие растения, выросшие на земле, полученной от отца. Все это свидетельствует о том, что раньше вся огородная земля переходила племянникам, что передача части ее сыновьям — недавнее явление. Но в целом, несмотря на наметившиеся сдвиги, сусу у добуанцев явно доминировала над семьей. Таков был вывод, к которому пришел Р. Форчун<sup>8</sup>.

Соперничество сусу и семьи, по-видимому, было в определенный период явлением универсальным. Оно не затрагивало отношений между матерью и детьми. Существо вопроса заключалось в том, с какой группой должен был быть мужчина теснее связан экономически: с той, что состояла из сестры и ее детей, или с той, что состояла из жены и детей; кого он должен был прежде всего содержать: детей сестры или своих детей. С самого начала возможны были три варианта развития: первый — с преобладанием связей сусу над семейными, второй — с равновесием тех и других, третий — с доминированием семейных отношений над отношениями сусу.

Чтобы понять, с чем именно связана реализация той или иной возможности из трех выше названных, необходимо обратиться к конкретной истории доклассового общества.

Род, по мнению большинства советских исследователей, возник на грани раннего и позднего палеолита. Ему предшествовало первобыт-

<sup>6</sup> Состав этой группы мог быть значительно более сложным. В нее могли входить несколько сестер (как с детьми, так и без детей), а также и несколько братьев. Но мы намеренно берем предельный случай, ибо он дает возможность лучше понять основную тенденцию развития.

<sup>7</sup> Сводку материала см.: М. О. Косвен, Авункулат, «Сов. этнография», 1948, № 1.

<sup>8</sup> R. F. Fortune, *Sorcerers of Dobu*, London, 1932, pp. 3—19.

ное стадо неандертальцев, в котором господствовал промискуитет. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в позднем мустье появляются зачатки оседлости<sup>9</sup>. В начальную эпоху позднего палеолита несомненно существовали прочные постоянные жилища, нередко образующие целые поселки, в которых люди жили годами<sup>10</sup>. В более позднее время (мадленская эпоха) наряду с человеческими коллективами, продолжавшими жить оседло, появляются группы, ведущие бродячий образ жизни<sup>11</sup>. Мезолит в целом, как известно, характеризуется господством бродячего образа жизни, что не исключает полностью возможности существования отдельных оседлых групп. С зарождением в неолите земледелия постепенно все большая часть человечества переходит к прочной оседлости. Но наряду с земледельческими народами всегда существовали и такие, которые продолжали жить охотой и собирательством. И образ жизни большинства их был очень далек от оседлого. Как известно, аборигены Австралии и бушмены еще в XIX и XX вв постоянно бродили в поисках пищи. Формой их поселений были временные лагеря.

Таким образом, на протяжении значительной части истории доклассового общества сосуществовали оседлые и бродячие человеческие коллективы. И, на наш взгляд, именно от того, каким был образ жизни в период зарождения трудового принципа распределения, зависел исход первоначального соперничества между сусу и семьей. В условиях оседлости брали верх отношения сусу, в условиях бродячего существования возрастала роль семейных связей.

Наличие связей по детопроизводству между мужскими и женскими группами, входившими в состав разных хозяйственных коллективов — материнских родов, с неизбежностью порождало тенденцию к их пространственному сближению. При оседлости это могло быть достигнуто путем поселения двух родов в непосредственном соседстве. В этих условиях пространственное сближение мужской и женской групп, принадлежавших к разным коллективам, не влекло за собой с неизбежностью пространственного обособления мужской и женской групп, входивших в состав одного рода. Не получало дальнейшего развития и наметившееся было их хозяйственное и бытовое обособление. Все это благоприятствовало становлению сусу и мешало оформлению парной семьи. В свою очередь, упрочение экономических связей между мужчиной, с одной стороны, сестрой и ее детьми — с другой, способствовало преодолению обособления мужской и женской групп. В результате мужская и женская группы как особые социальные образования исчезли, что сделало материнский род монолитным организмом.

Парный брак в таких условиях формировался крайне медленно и длительное время оставался дислокальным. Мужчина продолжал жить и трудиться в своем коллективе и лишь встречался с женой или навещал ее. Даже у наяров Кералы, где хозяйственной ячейкой был уже не род, а группа, состоявшая из нескольких родственных сусу, мужчина лишь время от времени ночевал у жены. Все основное свое время и труд он отдавал домохозяйству матери и сестер. По существу парной семьи у наяров не существовало. Мужчина не жил с женой и детьми, не работал с ними и на них, не питался с ними, ничем не оделял своих детей. Естественно, что он не имел на детей никаких законных прав<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> См. П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, Киев, 1953, стр. 353—355; П. И. Борисковский, *Древнейшее прошлое человечества*, М.—Л., 1957, стр. 145.

<sup>10</sup> См. П. П. Ефименко, *Указ. раб.*, стр. 353—372; П. И. Борисковский, *Указ. раб.*, стр. 167—176; Г. П. Григорьев, *Начало верхнего палеолита и возникновение Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 154—155.

<sup>11</sup> П. П. Ефименко, *Указ. раб.*, стр. 509, 518.

<sup>12</sup> См. G. A. de Moubray, *Matriarchy in Malay peninsula and neighbouring countries*, London, 1931, pp. 109, 113; «Matrilineal kinship», Ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961, pp. 357—360.

Такое положение вещей не было общим правилом. У других этнических групп, в частности у ирокезов, дислокальный брак сменился в конце концов матрилокальным.

Именно с описанным выше вариантом развития связан матриархат в точном смысле слова, т. е. общественный порядок, характеризующийся главенством женщин. Матриархальный род оказался настолько прочным, что в ряде случаев продолжал существовать, хотя уже и не в качестве хозяйственного коллектива, и после возникновения классов и государства. Кроме наиров примером могут послужить также ашанти. Важно отметить, что у последних группа, состоявшая из брата, сестры и ее детей (сусу), играла в целом ряде отношений роль более важную, чем семья. Если отец не имел законной власти над детьми, то права брата матери были огромны: его слово было решающим при вступлении племянников и племянниц в брак, он мог даже отдавать их в качестве заложников в обеспечение своего долга<sup>13</sup>.

И здесь развитие в конечном счете вело к замене материнского счета родства отцовским, к исчезновению материнского рода. Но отцовский род возникал не всегда.

Если первый вариант эволюции связан с оседлым образом жизни, то второй и третий — с бродячим существованием. Для нас особенно важен третий вариант, ибо именно в нем заключена разгадка раннего появления отцовского рода у австралийцев.

До определенного этапа второй и третий варианты ничем не отличались. В условиях бродячего существования неизбежным должен был стать временный отрыв мужской и женской групп одного рода друг от друга и столь же временное соединение мужской и женской групп, принадлежавших к разным родам. Это на первых порах в значительной степени способствовало хозяйственному и бытовому обособлению мужской и женской групп одного рода, вообще развитию их относительной самостоятельности. О существовавшей в прошлом определенной, в том числе и территориальной, обособленности мужских и женских групп говорят многочисленные данные этнографии, а также имевшие широчайшее распространение легенды об амазонках<sup>14</sup>. Если ограничиться только Австралией, то, например, в мифах аранда (арунта) повествуется о существовании в эпоху альчера самостоятельных мужских и женских групп, которые обитали по соседству друг с другом и члены которых вступали в половые отношения<sup>15</sup>. У тех же арунта во время определенных церемоний и реально возникали обособленные мужские и женские лагеря<sup>16</sup>.

С зарождением трудового принципа распределения и выделением потребительских групп половые связи между членами мужских и женских групп, принадлежавших к разным родам, начали постепенно дополняться экономическими, что вело к тому, что эти группы стали все чаще бродить вместе и в конце концов образовали одну локальную группу, которую мы будем называть просто локалем. Это, в свою очередь, способствовало укреплению экономических связей между их членами и соответственно ослаблению таких отношений между представителями мужской и женской групп одного и того же рода.

Таким образом, структура дуально-родовой организации претерпела изменения. Две брачные организации стали одновременно и двумя локальными группами (локалями). Локаль 1 состоял из групп *Ам* и *Бж*, локаль 2 — из групп *Бм* и *Аж*. Так как женщины по-прежнему от рож-

<sup>13</sup> «Matrilineal kinship», pp. 291—292.

<sup>14</sup> Сводку материалов см.: Ю. И. Семенов, Проблема начального этапа родового общества, стр. 203—221.

<sup>15</sup> T. G. H. Strehlow, Aranda traditions, Melbourne, 1947, p. 92.

<sup>16</sup> B. Spencer and F. J. Gillen, The native tribes of Central Australia, London, 1899, pp. 214—216, 348, 352 и др.

дения до смерти оставались членами одной группы, то они тем самым всю жизнь принадлежали к одному локалю. Мальчики по-прежнему по достижении определенного возраста покидали женскую группу (матерей и сестер) и переходили в мужскую группу своего рода (братьев матерей и братьев). Но так как теперь мужская и женская группы одного рода входили в состав разных локалей, то тем самым мальчики покидали свой родной локаль и переходили в другой.

До этого момента второй и третий варианты развития не отличались один от другого. Но далее наступило их разделение. В тех этнических группах, в которых по достижению данного этапа развития произошел переход к оседлости, процесс укрепления семейных отношений за счет ослабления отношений сусу прекратился. Возник своеобразный компромисс между теми и другими. Он состоял не просто в том, что одна часть доли общественного продукта, получаемого мужчиной, шла жене и детям, а другая — сестре и племянникам. Произошло своеобразное взаимопроникновение семьи и сусу.

По достижении определенного возраста сыновья мужчины уходили из семьи, а взамен их приходили племянники. В результате семья мужчины превращалась в такую группу, в которой его семейные отношения переплетались с его же отношениями сусу. Семейными были связи между мужчиной, с одной стороны, женой и дочерьми — с другой; сусейными — между ним и его племянниками. Если мужчина содержал членов не только своего рода (племянников), но и чужого (своих детей), то наследование шло исключительно лишь в рамках рода. Все его имущество переходило к племянникам, сыновья не получали ничего.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока не началось накопление богатств в руках отдельных членов общества. С возникновением тенденции к превращению потребительской группы в ячейку хозяйствования и накопления усилилось на новой основе соперничество семьи и сусу. Главный вопрос состоял теперь не в том, кого мужчина должен в первую очередь содержать — детей сестры или своих детей, а в том, кому он должен передавать накопленные богатства — племянникам или сыновьям. Семья была группой более приспособленной к превращению в ячейку обособленной собственности, ибо в отличие от сусу она не была и не могла быть частью рода. Семейные связи всегда были связями внеродовыми. Находясь вне рода, семья в известной степени всегда противостояла ему. В силу этого в завязавшейся борьбе семья, как правило, в конце концов брала верх. И победа семьи над сусу, переход от наследования внутри сусу к наследованию внутри семьи чаще всего имела своим следствием смену материнского рода отцовским. Именно этот вариант развития получил свое глубокое освещение в труде Ф. Энгельса.

В качестве примера общества, развивавшегося по данному пути, но еще не успевшего перейти к отцовскому роду, можно привести тробрианцев. У них существовала парная семья, но мужчина был обязан значительную часть урожая со своих огородов отдавать мужу сестры. Становясь взрослыми, племянники переходили в деревню дяди, где и обзаводились собственной семьей. После смерти дяди они наследовали все его основное имущество, в первую очередь землю. У тробрианцев мы наблюдаем также стремление богатых и влиятельных людей, прежде всего вождей, обеспечить переход хотя бы части имущества не к племяннику, а к сыну<sup>17</sup>.

Другим примером могут послужить тлинкиты. У них мальчики еще в детстве переселялись к дяде, брату матери, который становился их

<sup>17</sup> См.: B. Malinowski, *Argonauts of Western Pacific*, London, 1922, pp. 61, 148, 181; его же, *The sexual life of savages in North-Western Melanesia*, London, 1948, pp. 70—120; его же, *Coral gardens and their magic*, vol. 1, London, 1935, pp. 196—210, 352—358; H. A. Powell, *Territory, hierarchy and kinship in Kirivina*, «Man», vol. 4, № 4, 1969.



единственным опекуном и воспитателем. Став взрослым, они наследовали имущество дяди и прежде всего его земельные угодья. И у тлинкитов наблюдались попытки обойти старый принцип наследования и передать часть имущества сыну. Сходные порядки существовали у хайда, а в прошлом, как это убедительно было доказано Ю. П. Аверкиевой, также у цимшиан и квакиютлей<sup>18</sup>.

Третий путь развития был характерен для тех этносов, у которых и после выделения двух локалей продолжал сохраняться бродячий образ жизни. Это, с одной стороны, способствовало дальнейшему укреплению семейных отношений, а с другой — вело ко все большему ослаблению отношений сусу и в конце концов почти к полному их исчезновению. Результатом было возникновение тенденции к замене перехода мальчика в группу дяди по матери переходом в мужскую группу отца, т. е. к оставлению его в родном локале. Эта тенденция пробивала себе дорогу постепенно. Если раньше мальчики из женской группы непосредственно переходили в мужскую группу дядей, то теперь они начали переходить первоначально в мужскую группу отцов и лишь затем уже из нее в группу дядей. Дальнейшее развитие состояло в постепенном увеличении периода пребывания в мужской группе отцов, которое продолжалось до тех пор, пока этот период не стал совпадать с жизнью человека.

Есть факты, говорящие, что события развивались именно таким образом. Оформлением перехода из женской группы в мужскую были инициации. У большинства этнических групп они обычно совершаются один раз в жизни человека и охватывают сравнительно непродолжительный период времени. Исключение составляют австралийцы, у которых инициации затягиваются на долгие годы, включая в себя несколько относительно самостоятельных ступеней посвящения<sup>19</sup>. Это затягивание инициаций было, на наш взгляд, средством отсрочить переход мальчиков в мужскую группу дядей.

Замена перехода мальчика в группу дядей переходом его в группу отца привела к существенным изменениям в структуре дуально-родовой организации. Напомним, что она перед этим состояла из локаля 1, включавшего группы *Ам* и *Бж*, и локаля 2, включавшего группы *Бм* и *Аж*. Переход мальчиков из группы *Бж* не в группу *Бм*, как раньше, а в мужскую группу своего локаля (1) существенно преобразовал последнюю. Если раньше она состояла из мужчин, принадлежавших исключительно к одному роду (*А*), то теперь она стала включать в свой состав мужчин и из другого материнского рода (*Б*). Иначе говоря, она стала состоять из двух подгрупп: подгруппы *1Ам* и *1Бм*. Одну подгруппу составляли отцы, другую — сыновья. Соответственно и мужская группа локаля 2 начала включать в свой состав две подгруппы: *2Бм* и *2Ам*. Любые две подгруппы из четырех образовавшихся имели между собой сходство и различие. Подгруппы *1Ам* и *1Бм* принадлежали к одному локалю, но разным родам. Так же обстояло дело и с подгруппами *2Ам* и *2Бм*. Подгруппы *1Ам* и *2Ам* принадлежали к одному материнскому роду, но разным локалям. То же самое можно сказать и о подгруппах *1Бм* и *2Бм*.

Все это привело и к изменению состава женских групп обоих локалей. Если мужчины подгруппы *1Ам* могли вступать в брак с женщинами группы *Бж*, то мужчины подгруппы *1Бм* этого делать не могли в силу принадлежности к одному с ними роду — *Б*. Они могли вступать в

<sup>18</sup> См.: Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (ТИЭ), нов. серия, т. 58, М., 1960, стр. 37, 39, 77, 111; ее же, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, ТИЭ, нов. серия, т. 70, М., 1961, стр. 111—114.

<sup>19</sup> См.: B. Spencer and F. J. Gillen, Указ. раб., стр. 215—381.

брак лишь с женщинами группы *Аж*. Точно так же и мужчины подгруппы *2Ам* могли вступать в брак лишь с женщинами группы *Бж*. Оставление мужчин внутри локалей должно было иметь своим неизбежным следствием переход женщин из одного локаля в другой. Переход в другой локаль происходил со вступлением в брак. Естественно, что это делать могли лишь женщины, еще не состоящие в браке, т. е. не матери мужчин подгрупп *1Бм* и *2Ам*, а лишь их сестры. В результате группа *Бж* разделилась на две подгруппы: подгруппу старших женщин, матерей, которые, родившись в локале 1, остались в нем на всю жизнь, и подгруппу младших женщин, дочерей, которые, родившись в локале 1, ушли с выходом замуж в локаль 2. Точно такое же деление произошло и в группе *Аж* локаля 2.

Так было в первом поколении, но во втором картина менялась. Мальчики, родившиеся от браков мужчин подгруппы *1Бм* с женщинами группы *Аж*, перешедшими в локаль 1, принадлежали, с одной стороны, к роду *А*, как их матери, с другой — к локалю 1, как их отцы. Иначе говоря, они принадлежали к той же самой подгруппе, что и отцы их отцов, — *1Ам*. Девочки, родившиеся от этих браков, тоже принадлежали к роду матерей — *А*. Но в отличие от матерей, родившихся в локале 2, они от рождения принадлежали к локалю отцов — 1. В результате различие внутри группы *Аж* приобрело совершенно четкую и определенную форму. Оно теперь выступило в качестве отличия женщин группы *Аж*, родившихся в локале 2, от женщин той же группы, но родившихся в локале 1. Группа *Аж*, таким образом, разделилась на подгруппы *2Аж* и *1Аж*. Точно так же группа *Бж* разделилась на подгруппы *1Бж* и *2Бж*.

Так, наряду с четырьмя мужскими подгруппами — *1Ам*, *1Бм*, *2Ам* и *2Бм*, оформились и четыре женские — *1Аж*, *1Бж*, *2Аж* и *2Бж*. Нетрудно заметить, что каждая женская подгруппа имела своего мужского двойника, с которым вместе составляла одну большую группу. Такую группу составляли, например, подгруппы *1Ам* и *1Аж*. Объединяло их то, что все их члены принадлежали к одному и тому же роду *А* и одному и тому же локалю 1. Эту группу можно обозначить как *1А*. Точно так же подгруппы *2Ам* и *2Аж* образовывали группу *2А*, подгруппы *1Бм* и *1Бж* — группу *1Б*, подгруппы *2Бм* и *2Бж* — группу *2Б*. Совершенно отчетливо видно, что принадлежность к каждой из четырех образовавшихся групп *1А*, *2А*, *1Б* и *2Б* является синтезом принадлежности к определенному материнскому роду (*А* или *Б*) и определенному отцовскому локалю (1 или 2).

Между группами существовали строго определенные отношения. Браки были возможны лишь между членами групп, относившихся и к разным родам и разным локалям. Члены группы *1А* могли вступать в брак лишь с членами группы *2Б*, члены группы *2А* — лишь с членами группы *1Б*. Дети, родившиеся от этих браков, обязательно принадлежали к группе, относившейся к роду матери и локалю отца, т. е. отличной и от группы отца и от группы матери, но зато совпадавшей с группой деда по отцу и бабушки по матери. В любом локале каждое поколение принадлежало к группе иной, чем отцы, но той же самой, что отцы отцов. В локале 1 чередовались группы *1А* и *1Б*, в локале 2 — группы *2Б* и *2А*. Каждый из локалей мог разделиться на два, которые в свою очередь могли дать начало новым. Но все локалы, возникшие в результате деления двух первоначальных, неизбежно должны были иметь в своем составе либо группы *1А* и *1Б*, либо группы *2А* и *2Б*, т. е. относиться к одной из двух половин, на которые подразделялось множество этих локалей.

Таким должен был быть, если рассуждать строго логически, результат развития по третьему пути. Этнографические данные, свидетельствующие в пользу существования первого и второго вариантов, имеются в изобилии. Но существовала ли где-либо в действительности структу-

ра, подобная нами выведенной теоретически? Да, существовала. Все то, что нами было выше описано, есть не что иное, как система четырех брачных классов (секций) аборигенов Австралии. Совпадение, действительно, полное, до мелких деталей. Выше было показано, что любая из четырех выделенных групп (брачных классов) представляет собой соединение мужской и женской подгрупп, пути образования которых не были абсолютно идентичными. Как свидетельствуют факты, у большинства австралийских племен, имевших брачноклассовую организацию, мужская и женская части каждого класса рассматривались как особые группы. Они обычно имели свои названия, в то время как общего обозначения данного брачного класса в целом не существовало. Так, например, у камиларои, гевегал, муравари, мори и многих других племен мужские части четырех брачных классов носили названия Мури, Куби, Кумбо и Ипаи, а соответствующие им женские — Мата, Кубита, Бута и Ипата<sup>20</sup>. Исходя из этого, Л. Морган говорил даже о существовании у камилароев системы четырех мужских и четырех женских брачных классов<sup>21</sup>.

Система четырех брачных классов вместе с системой восьми брачных классов, которая возникла из первой в результате дальнейшего деления каждой из четырех первоначальных секций на две субсекции, существовала у племен, занимавших три четверти, если не четыре пятых территории Австралии<sup>22</sup>. У одной части этих племен этнографами зафиксирована материнская филиация, у другой — отцовская<sup>23</sup>. На первый взгляд это свидетельствует об отсутствии связи между возникновением брачноклассовой организации и появлением патрилинейности. Однако более углубленный анализ свидетельствует о другом. Брачные классы возникли тогда, когда стала учитываться принадлежность человека не только к роду матери, но и к локалю отца. Иными словами, возникновение брачных классов само по себе свидетельствует о появлении наряду со счетом принадлежности к одной общественной группе по матери. счета принадлежности к другой общественной группе по отцу.

С появлением системы четырех брачных классов материнский род не исчез, но претерпел существенные изменения. Прежде всего он стал теперь состоять из двух брачных классов: род А из классов 1А и 2А, род В из классов 1В и 2В. Но это лишь внешнее выражение перемены, всю глубину которой можно понять, сопоставив данный вариант развития с первым и вторым.

Первый вариант характеризовался тем, что вплоть до перехода от дислокального брака к матрилокальному материнский род (в более позднее время — его часть) оставался хозяйственным, производственным организмом. После перехода к матрилокальности хозяйственный коллектив стал включать в свой состав представителей разных родов, но его костяк образовывали члены лишь одного. Этим костяком, ядром была женская группа рода (или части рода), которая как целое противостояла взрослым мужчинам, поодиночке приходившим в коллектив извне и нередко принадлежавшим не к одному роду, а к разным.

Второй вариант характеризовался образованием локалей, состоявших из мужской и женской групп, принадлежавших к разным родам. Но хотя мужская и женская группы каждого рода входили в состав разных локалей, экономические связи между их членами продолжали сохраняться. Каждая мужская группа была экономически связана как

<sup>20</sup> N. W. Thomas, *Kinship organisations and group marriage in Australia*, Melbourne etc., 1966, p. 42—48.

<sup>21</sup> Л. Г. Морган. Древнее общество, Л., 1934, стр. 32—33.

<sup>22</sup> Карты распространения брачноклассовой организации в Австралии. См.: N. W. Thomas, *Указ. раб.*, стр. 41; «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 153.

<sup>23</sup> Карты распространения материнской и отцовской филиации Австралии. См.: N. W. Thomas, *Указ. раб.*, стр. 40; «Народы Австралии и Океании», стр. 167.

с женской группой своего локаля, так и с женской группой своего рода. Так же обстояло дело и с женскими группами. Таким образом, две группы, на которые делился материнский род, — мужская и женская — представляли собой каждая определенные социальные образования, имевшие в числе прочих и экономические функции. Определенной экономической общностью продолжал оставаться и материнский род в целом. Когда в дальнейшем, на более поздней стадии развития члены мужской группы начали вступать в браки и с женщинами, родившимися вне данного локаля и принадлежавшими не к одному, а к разным родам, женская группа как единое целое распалась, но зато мужская группа, продолжавшая состоять из членов одного материнского рода, окончательно стала ядром, костяком локального хозяйственного коллектива.

Именно поэтому, при развитии и по первому, и по второму пути материнский род (позднее — его подразделение) даже в том случае, когда он переставал полностью совпадать с производственным организмом, продолжал играть существенную экономическую роль, и переход к отцовскому счету родства мог произойти не раньше, чем возникла частная собственность. Иное положение сложилось при развитии по третьему пути.

Материнский род распался на два брачных класса, принадлежавших к двум разным хозяйственным коллективам, разным локалям. И каждый из этих классов не только не совпадал с хозяйственным коллективом, но даже ни в коей мере не составлял его ядра, костяка. Тем более не мог быть костяком, ядром хозяйственного коллектива материнский род в целом. С распадом на брачные классы он утратил реальные экономические функции, которые перешли к другой группе.

Брак и в нашей теоретической схеме, и в действительности у австралийцев был патрилокальным. В силу этого постоянное ядро, костяк локаля составляли мужчины, которые как определенное целое противостояли и сестрам, покидавшим с выходом замуж родной локаль, и приходившим извне, причем поодиночке, женам. Отсутствие в локале сколько-нибудь единой женской группы стало особенно заметным, когда мужчины стали вступать в брак с женщинами не из одного определенного локаля, а из разных. Все это обеспечивало определенное главенство мужчин, которое заметно у всех австралийских племен.

Все коренные члены локаля (имеются в виду все родившиеся в нем независимо от того, продолжают они в нем оставаться или нет) делились на два брачных класса, относившихся к двум разным материнским родам. Эти два брачных класса были связаны принадлежностью к одному локалю. Являясь ядром, костяком локаля, мужская группа была одновременно и ядром своеобразного образования, которое составляли вместе взятые два брачных класса локаля. Если рассматривать это объединение брачных классов, которое можно назвать внутрилокальным, то бросается в глаза, что оно обладало всеми признаками отцовского рода: экзогамией (браки между членами двух составлявших его классов были невозможны) и патрилинейностью (счет принадлежности к нему был счетом принадлежности к локалю отца).

Таким образом, система четырех брачных классов заключала в себе, кроме двух материнских родов, также и два отцовских рода. Если брачные классы 1А и 2А вместе образовывали один материнский род, классы 1Б и 2Б — другой, то брачные классы 1А и 1Б, вместе взятые образовывали первый отцовский род, а классы 2А и 2Б — второй.

На схеме материнские и отцовские роды выглядят как совершенно равноценные комбинации брачных классов, но в жизни они такими не были. Материнские роды не имели никаких экономических функций. Отцовские — имели. Мужская группа каждого из них была ядром, костяком хозяйственного коллектива. Но зато материнские роды имели историческое преимущество перед отцовскими. Возникнув задолго до

появления брачноклассовой организации, они длительное время существовали в качестве хозяйственных коллективов. Вследствие этого члены каждого из них давно уже совершенно четко осознали свое единство и вместе с тем свое отличие от членов всех остальных родов. Первоначальной формой осознания родового единства и тем самым принадлежности к определенному роду был тотемизм. Каждый материнский род имел свой тотем, который передавался исключительно лишь по матери. Счет принадлежности к материнскому роду имел, таким образом, совершенно отчетливую и наглядную форму. Возникшие лишь с появлением брачноклассовой организации отцовские роды долгое время не могли получить соответствующего идеологического оформления. Счет принадлежности к ним долгое время не имел сколько-нибудь отчетливой формы.

Если взять общую тенденцию развития, то она состояла в том, что экономически и вообще практически значимые отцовские роды все в большей степени идеологически оформлялись как таковые, а потерявшие экономическое значение материнские роды постепенно лишались и всех других функций и тем самым шаг за шагом сходили на нет. В Австралии мы наблюдаем все стадии этого процесса.

Самая ранняя представлена племенем камиларои, у которого существовало четыре брачных класса, соединенных попарно, причем таким образом, что в результате образовывались две матрилинейные группировки — фратрии или половины. Фратрия Купатин состояла из классов Ипай и Кумбо, фратрия Дилби — из классов Мури и Куби<sup>24</sup>. У камиларои существовало также шесть матрилинейных тотемистических родов, из которых три включали в свой состав брачные классы Ипай и Кумбо, а три — классы Мури и Куби, что свидетельствует, как отмечал еще Л. Морган, об их происхождении от двух первоначальных родов. Эти первоначальные роды и сохранились в виде двух фратрий — Купатин и Дилби. Вполне естественно, что у камиларои деление классов и деление родов полностью совпадало<sup>25</sup>.

Следующий шаг в развитии может быть продемонстрирован на примере племен вадуман и мудбурра, у которых существовали материнские тотемистические роды, но брачные классы были уже сгруппированы в соответствии с тем, как они сочетались в локальных группах, т. е. патрилинейно. В соответствии с этим племя делилось на две уже не матрилинейные, а патрилинейные фратрии, которые еще не имели названий. В результате члены одного и того же материнского рода могли принадлежать к разным половинам<sup>26</sup>.

У арунта не только существовали патрилинейные фратрии, но и наблюдалось также начало оформления отцовского рода как тотемистической группы. Согласно верованиям австралийцев, тотем материнского рода был зримым воплощением той самой «плоти» и «крови», которая могла, как они считали, передаваться только через мать<sup>27</sup>. Тотемистическое осознание единства отцовского рода и принадлежности к нему неизбежно должно было приобрести иные формы. У арунта, например, тотем человека зависел от того, в какой местности его мать почувствовала, что в нее вошел дух ребенка<sup>28</sup>. В силу патрилокальности брака это чаще всего происходило в местности, связанной с тотемистической группой мужа женщины, хотя ни в коей мере не были исключены и дру-

<sup>24</sup> Для обозначения брачных классов камиларои мы употребляем названия мужских групп этих классов.

<sup>25</sup> L. Fison and A. W. Howitt, *Kamilaroi and Kurnai, Melbourne etc.*, 1880.

<sup>26</sup> B. Spencer, *Native tribes of the Northern territory of Australia*, London, 1914, pp. 54—55, 178, 194—195.

<sup>27</sup> A. P. Elkin, *The Australian aborigines. How to understand them*, Sydney, 1969, pp. 121, 173.

<sup>28</sup> B. Spencer and F. Y. Gillen, *The northern tribes of Central Australia*, London, 1904, pp. 150—152.

гие возможности. Во всяком случае у арунта нередкими были случаи, когда ребенок принадлежал к тотемистической группе, отличной и от группы отца, и от группы матери. Поэтому, хотя у них подавляющее большинство членов определенной тотемистической группы и принадлежало к одной из патрилинейных половин, некоторые из них могли входить в состав противоположной<sup>29</sup>.

Следующая стадия развития представлена варрамунга, вальпари, вулмала и целым рядом других племен, у которых существовало убеждение, что дух ребенка может войти в женщину только в том случае, если принадлежит к той же тотемистической группе и половине, что и ее муж. В результате наследование тотема было у них строго патрилинейным. Исключения были крайне редки. Все тотемистические группы были у них строго распределены между двумя патрилинейными половинами, которые в отличие от отцовских фратрий вадуман, мудбурра, арунта имели уже названия<sup>30</sup>.

Но ни у арунта, ни у варрамунга и вообще почти нигде в Австралии процесс замещения материнской филиации отцовской не получил своего завершения<sup>31</sup>. Даже у тех племен, у которых этнографами были зафиксированы исключительно лишь патрилинейные роды и фратрии, существовала система четырех или восьми брачных классов, а тем самым неизбежно и материнская филиация. Тот факт, что брачные классы представляют собой такие группы, члены которых связаны одновременно и матрилинейно, и патрилинейно, был в достаточной степени убедительно раскрыт в ряде исследований<sup>32</sup>. В соответствии с этим ряд этнографов прямо характеризует австралийцев в целом как общество с двойной (одновременно матрилинейной и патрилинейной) филиацией (double descent)<sup>33</sup>.

У разных австралийских племен соотношение материнской и отцовской филиации вообще, материнского и отцовского родов в частности неодинаково. Но на какой бы стадии эволюции ни находились у австралийцев материнские роды, с одной стороны, отцовские роды — с другой между ними всегда существовали значительные различия и в структуре и в функциях. Это обстоятельство было глубоко подмечено крупнейшим австраловедом А. Элькиным, предложившим отличать «общественные тотемистические роды» австралийцев от их «локальных, культовых родов»<sup>34</sup>. «Я считаю... — писал он, — что подлинные общественные тотемистические роды в Австралии всегда матрилинейны по счету происхождения...»<sup>35</sup>. Что же касается территориальных культовых родов, то они всегда патрилинейны.

Подметил А. Элькин и существенное различие между тотемистическими представлениями, связанными с материнским родом, и тотемистическими представлениями, связанными с отцовским родом. Первые он охарактеризовал в целом как «общественный тотемизм», а вторые — как «культовый тотемизм». «Общественный тотемизм, — писал он, — почти всегда, а может быть, и всегда связан со счетом родства по материнской линии, а культовый тотемизм — с определенной местностью и отцовским счетом родства»<sup>36</sup>.

<sup>29</sup> B. Spencer and F. J. Gillen, Указ. раб., стр. 151.

<sup>30</sup> Там же, стр. 148, 161—169.

<sup>31</sup> Завершение его мы наблюдаем лишь у развивавшихся по тому же самому пути папуасов Новой Гвинеи.

<sup>32</sup> См.: F. Galton, Note on the Australian marriage systems, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. XVIII, No. 1, 1889; W. E. Lawrence, Alternating generations in Australia, In: «Studies in the Science of Society», Ed. by G. P. Murdock, New Haven, 1937.

<sup>33</sup> См. G. P. Murdock, Social structure, pp. 51—54.

<sup>34</sup> А. П. Элькин, Указ. раб., pp. 117—121.

<sup>35</sup> Там же, p. 118.

<sup>36</sup> Там же, p. 172.

Все приведенное выше, на наш взгляд, в достаточной степени убедительно свидетельствует о том, что отцовский род у австралийцев не был первоначальным. Выдвинутое Л. Г. Морганом и принятое и развитое Ф. Энгельсом положение о том, что материнский род в историческом развитии человечества всегда предшествовал отцовскому, находится в полном соответствии со всем имеющимся в распоряжении современной этнографии фактическим материалом.

## **THE PROBLEM OF TRANSITION FROM THE MATRILINEAL TO THE PATRILINEAL GENS**

(AN ATTEMPT AT THEORETICAL ANALYSIS)

The problem of the transition from the matrilineal to the patrilineal gens is theoretically analysed in the article. The author stresses that the thesis promulgated by Morgan and further developed by Engels — that the matrilineal gens preceded the patrilineal gens in the evolution of mankind, is completely corroborated by factual material available to modern ethnography. According to the author the transition from the matrilineal to the patrilineal gens among Australian aborigines took place within the system of marriage classes.

---

**Л. П. Лашук**

## **О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАКТОВКИ ПЕРВИЧНОЙ ФОРМАЦИИ**

На современном этапе развития советской обществоведческой науки, накопившей огромный эмпирический материал по социально-экономической истории различных народов, актуальное значение приобретает не только суммарное обобщение, но и глубокое методологическое истолкование накопленных исторических знаний. Разумеется, такая задача требует дальнейшей отработки научно-исследовательского понятийного аппарата, а это, в свою очередь, ставит вопрос о том, как наиболее эффективно пользоваться категориями исторического материализма.

В последнее время проблемам формирования и развития материалистического понимания истории уделяется большое внимание, причем в процессе разработки этих проблем был заметно обогащен арсенал исследовательских средств<sup>1</sup>. Наибольший успех наблюдается там, где творческое наследие Маркса и Энгельса изучается не путем простого сопоставления и суммирования отдельных их высказываний в различных произведениях, а с помощью разностороннего анализа системы взглядов основоположников марксизма на развитие исторического процесса. К сожалению, этот принцип исследования соблюдается далеко не всегда. На пример, отступления от этого принципа имели место при анализе некоторыми авторами ряда ключевых вопросов концепции «первичной» первобытнообщинной, доклассовой формации. И это тем более досадно, что авторы в целом справедливо выступают против вульгарного экономического материализма и против того, чтобы рассматривать те или иные категории исторического материализма всегда в одном и том же неизменном соотношении, в буквальном приложении к любой формации.

Как известно, к началу 80-х годов у К. Маркса созрела новая идея относительно обобщенной периодизации всемирно-исторического процесса, заключавшаяся в подразделении этого процесса на два последовательных этапа: «первичную» доклассовую и «вторичную» классовую общественные формации. Тем самым, подчеркивалось принципиальное отличие архаического общества с его коллективистическими устоями в сфере производства, распределения и потребления средств и продуктов производства от общества вторичной формации, построенного на индивидуальном имущественном интересе, на частной собственности, как сопряженной с личным трудом, так и эксплуататорской. Эти мысли были изложены К. Марксом в черновых набросках письма к Вере Засулич, в окончательном тексте которого рассматриваются конкретные вопросы о капиталистической экспроприации мелких частных земельных собственников на Западе и о судьбах русской поземельной общины<sup>2</sup>. В набросках этого письма Маркс стремился определить место русской общины в исторической цепи известных тогда науке общинных форм, различающихся структурой свойственных им социальных связей и форм собственности<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См., например: «Маркс — историк». Сборник статей. М., 1968.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 137.

<sup>3</sup> Там же, т. 19, стр. 417—419.



А это — в полном соответствии с разработанной ранее теорией о «прогрессивных эпохах экономической общественной формации»<sup>4</sup> — привело к необходимости вместить упомянутые общинные формы в определенные социально-экономические рамки различных исторических эпох.

По Марксу, «архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»<sup>5</sup>. Это, в частности, означает, что научное исследование, идя ретроспективным путем от остатков средневековой крестьянской общины, в состоянии «восстановить строение ее архаического прототипа» вплоть до наиболее древних форм, которые «покоятся на кровном родстве своих членов»<sup>6</sup>. В центре внимания Маркса «земледельческая община», которая сменила родовую общину и была «первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами». Как отмечал К. Маркс, эта община, будучи «последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»<sup>7</sup>. Тем самым, судьбы общины теснейшим образом увязаны Марксом с той исторической средой, в которой община находится на любом этапе своего существования.

Где и когда бы Маркс ни писал о земледельческой общине архаического типа, он всегда подчеркивал «ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот *локализованный микрокосм*, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм»<sup>8</sup>. Еще в 1857—1858 гг. в рукописи «Критика политической экономии» Маркс рассматривал этот государственно-организованный деспотизм — в зачаточной «варварской» и в исторически более высокой раннеклассовой («восточной») форме — в качестве «связующего единства», государственной «более высокой общины», господствующей над мелкими земледельческими общинами. При этом он отмечал, что «часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица*, и этот прибавочный труд дает себя знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»<sup>9</sup>.

Самому Марксу не довелось дать более развернутую характеристику архаической формации. Не дал он также детальной характеристики периода перехода от первичной формации ко вторичной.

Как известно, эту проблему осветил Ф. Энгельс в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако и после выхода в свет последнего издания этого труда осталось еще много вопросов, требующих дальнейшего разъяснения на основе непрерывно поступающих новых материалов о «традиционных» обществах в различных районах ойкумены. В настоящее время указанная проблема изучается целой группой советских историков, которые, однако, по-разному подходят к структуре общественных отношений первичной формации: одни из них считают, что эволюция первичной формации была связана,

<sup>4</sup> Там же, т. 13, стр. 7.

<sup>5</sup> Там же, т. 19, стр. 413.

<sup>6</sup> Там же, стр. 403.

<sup>7</sup> Там же, стр. 418—419.

<sup>8</sup> Там же, стр. 405.

<sup>9</sup> Там же, т. 46, ч. I, стр. 464.

в первую очередь, с развитием экономики (хотя тип экономики в этой формации был существенно иным по сравнению со вторичной формацией); другие же отрицают ведущую роль экономического фактора и полагают, что в развитии первичной формации решающую роль играл рост народонаселения, который определил и разделение труда, и рост производительных сил.

Вторая концепция за последнее время собрала немало сторонников; тем не менее, на наш взгляд, с нею согласиться нельзя, ибо она опирается не на какие-либо новые факты или более глубокое проникновение в идеи основоположников марксизма, а скорее на очень спорные логические умозаключения, на неполное или неточное прочтение некоторых мест из сочинений Маркса и Энгельса. Это мы и постараемся показать ниже.

Обратим прежде всего внимание на интересные по замыслу статьи М. А. Виткина, рассматривающего общества первичной и вторичной формаций сквозь призму специфических форм социальной связи индивидов — личностной и вещной. Это отнюдь не праздный вопрос, и не случайно на него, приступая к разработке своей экономической теории, обратил внимание К. Маркс. Он исходил при этом из того очевидного факта, что люди «всегда и при всех обстоятельствах» находились во взаимном общении, ибо «их потребности, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда) ... Но так как они вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»<sup>10</sup>.

Далее Маркс подчеркивает, что эти взаимные отношения людей историчны, что «превращение индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение... представляет собой исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы»<sup>11</sup>. Капиталистическая эпоха дает крайние формы господства «вещных отношений над индивидами», но какой характер носили отношения людей в докапиталистических обществах, когда, по Марксу, люди также «вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были»? На этот вопрос М. А. Виткин отвечает так: «Эпохой абсолютного господства личностных отношений и является первичная формация» (в рамках последней он рассматривает и раннеклассовые общества «азиатского способа производства») <sup>12</sup>.

Тут сразу же возникает вопрос: что собой представляют личностные отношения в древнейших обществах? Были ли это отношения натурального обмена трудовой деятельностью и способностью обмена, который, по Марксу, совершается в самом общественном производстве, или это были исключительно внепроизводственные, неэкономические социальные связи? По М. А. Виткину следует, что в древневосточном обществе «общинной государственности» (при наличии деспотического «связующего единства») «связь между общинами не может покоиться ни на родственной, ни на экономической основе. Единственное, что может послужить базой создания связей самодовлеющих общин, — это их пространственное соположение, одинаковая географическая локализация, территориальное соседство»<sup>13</sup>. Если это так, то что же тогда вызвало к жизни политическое «связующее единство» — деспотию, на какой общественной почве она

<sup>10</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 439—440

<sup>11</sup> Там же, стр. 440.

<sup>12</sup> М. А. Виткин, Первичная общественная формация в трудах К. Маркса, «Вопросы философии», 1967, № 5, стр. 43.

<sup>13</sup> Там же, стр. 48.

столь долго держалась? (ведь указанные признаки сами по себе не создают межгрупповой связи).

Как указывал Ф. Энгельс, члены древневосточной общины «объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление»<sup>14</sup>. Ограниченность этого способа производства, который нельзя было просто изменить, но над которым можно было «надстроить» регулирующий необходимые общественные работы специальный орган, при стихийно расширяющейся системе орошения объективно подтолкнула общество к созданию государственности, выступавшей как «совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие»<sup>15</sup>. Но разве такого рода отношения не входят в категорию общественных отношений по производству? Касаясь этой проблемы и, в частности, отношений между восточной деспотией и широким слоем производителей, соединенных в сельские общины, К. Маркс констатировал: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения (точнее следовало бы перевернуть „подчинения“ — die Knechtung немецкого подлинника — Л. Л.), каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя (Gemeinwesen), вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура»<sup>16</sup>.

В одной из своих работ М. А. Виткин правильно замечает, что для характеристики основ структуры архаического общества совершенно недостаточно дать описание его производства, ибо необходимо еще установить, благодаря какой форме общественной связи эта структура может функционировать как социальное целое. Такая связь может быть общинно-родовой, общинно-соседской, более широкой «земляческой» или налаженной через систему предметного (вещного) обмена. Однако остается непонятным, почему такого рода связь, пускай даже не вещная, а личностная по форме, «не порождена — в отличие от обмена — движением производства?» Не совсем понятна и предлагаемая М. А. Виткиным следующая формулировка: «для выявления особой социальной природы каждого дубуржуазного общества нужно рассматривать его в единстве двух основных начал — господствующей, общественно-созидательной формы материального общения (которая всегда есть личностная форма) и общения, осуществляемого в процессе производства материальных благ»<sup>17</sup>. Разве первое из этих «начал» не является составной частью самого производства?

Ясный ответ на эти вопросы мы находим в сочинениях К. Маркса. Так, Маркс отмечает, что распределение членов общества по различным хозяйственным занятиям и сферам есть «подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям», даже если эти отношения выражаются в форме непосредственно личностной связи, в форме прямого обмена «деятельностей и способностей». Он далее говорит, что такой обмен «есть акт, входящий в производство», ибо «не существует обмена без разделения труда, будь последнее первобытным или уже результатом исторического развития»<sup>18</sup>. Обмен продуктами труда, который имеет в виду М. А. Виткин, выступает лишь в качестве более развитой и совершенной формы общественно-производственного обмена, без которого

<sup>14</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 320.

<sup>15</sup> Там же, стр. 184.

<sup>16</sup> Там же, т. 25, ч. II, стр. 354.

<sup>17</sup> М. А. Виткин, Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 429.

<sup>18</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 722, 725.

жизнь общества просто невозможна. На вопрос упомянутого автора, почему личностные отношения определяют социальную структуру общества, в котором товарное производство не превратилось в господствующее, опять-таки отвечает Маркс: «...в античную эпоху и в средние века рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса»<sup>19</sup>.

Итак, можно сделать следующий вывод. Если историк будет последовательно придерживаться взглядов Маркса на материальные основания развития общественной системы, он, опираясь на них, сможет глубоко проникнуть в реальную структуру (т. е. совокупность социальных, прежде всего экономических отношений) обществ отдаленного прошлого; если же историк будет делать акцент на каких-то особых, не имеющих экономического основания, социальных связях, то он неизбежно станет на платформу забойной концепции «первичных стадий» в истории человечества с господством «чисто личностных» общественных отношений. Ведь это же факт, что кое-кто из наших исследователей «отказывает» в экономическом содержании огромному периоду в истории первобытности — стадии так называемого «присваивающего хозяйства», господствовавшего вплоть до возникновения и утверждения 8—10 тысяч лет тому назад земледелия и скотоводства<sup>20</sup>.

Существуют различные попытки осмыслить эту проблему в философско-историческом плане. Укажем, например, на статью Н. Б. Тер-Акопяна, посвященную анализу развития взглядов основоположников марксизма на первобытнообщинную формацию. На наш взгляд, в этой статье наряду с совершенно верными положениями имеются и установки, вызывающие принципиальное возражение. Это прежде всего тезис о том, что первичные стадии (до средней ступени варварства включительно) «нельзя характеризовать как общественно-экономическую формацию. Их можно характеризовать только как общественную формацию, в которой господствовали коммунистические отношения родового строя»<sup>21</sup>. Кстати, в качестве справки, отметим, что с 1859 г. в подлинниках трудов Маркса имеется только одно определение формации: *ökonomische Gesellschaftsformation* — «экономическая общественная формация».

Объективную доказательность своего тезиса Н. Б. Тер-Акопян видит в том, что «люди, занимавшиеся лишь охотой, рыболовством и собирательством, воспроизводили самих себя, но не средства к жизни. Производство периода дикости стоит еще вне экономических, а тем самым и исторических (?!) критериев»<sup>22</sup>. Так как Н. Б. Тер-Акопян ищет (и, по его словам, находит) подтверждение своему взгляду в сочинениях основоположников марксизма, то и мы обратимся к тем же источникам. Как известно, К. Маркс писал, что «первоначально (т. е. в каком-то исходном моменте.— Л. Л.) производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, подготовленных самой природой для потребления». Но и при чисто добывающей материальной деятельности «там, где надо всего-навсего лишь *находить, открывать*, это очень быстро начинает требовать напряжения

<sup>19</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 399.

<sup>20</sup> А как же тогда быть со многими обществами, которые не достигли порога земледельческого или скотоводческого хозяйства; разве им, охотникам и рыболовам, вообще чужды производственные отношения?

<sup>21</sup> Н. Б. Тер-Акопян, К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», стр. 86.

<sup>22</sup> Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 77. Разве автору не известна развернутая Энгельсом трактовка положения о том, что «вместе с человеком мы вступаем в область истории»? (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 358).

сил, труда (как при охоте, рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей»<sup>23</sup>.

Так формируются производительные силы первобытного общества, которые составляют: 1) орудия и средства производства; 2) сами люди с их способностью трудиться, их физическими и умственными данными, их знанием и опытом, которые позволяют им добывать и производить средства существования (не только пищу, но и жилище, одежду, средства передвижения, бытовые предметы). Трудящиеся люди воспроизводят не только самих себя, как биологический вид; Маркс указывал, что всегда «целью общества, целью индивида — так же как и условием производства — было воспроизводство этих определенных условий производства и воспроизводство индивидов... в качестве живых носителей этих условий»<sup>24</sup>. Кажется, здесь все сказано очень ясно.

Рассмотрев вопрос о взглядах Маркса и Энгельса на определяющие первичные общественные отношения, Н. Б. Тер-Акопян, в частности, пишет: «Они выдвинули положение о производстве людей как одним из основных отношений в истории и отметили решающую роль (разрядка наша.— Л. Л.) этого вида производства на первичных стадиях исторического процесса»<sup>25</sup>. Однако подобной формулировки мы не найдем ни в ранних, ни в поздних произведениях основоположников марксизма.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на известное выражение Энгельса: «согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали»<sup>26</sup>. И хотя для марксизма в указанном процессе экономический момент не является единственно определяющим, значение его очень велико. Напомним в связи с этим данное в «Немецкой идеологии» классическое определение акта производства средств существования: «...это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»<sup>27</sup>.

Иное дело, если мы хотим подчеркнуть, что в системе производительных сил, в особенности таких, которые опираются на слабую техническую оснащенность, первенствующую роль играют трудящиеся люди со всеми их указанными выше качествами. Производство (рождение и первичное воспитание) людей и воспроизводство их в качестве рабочей силы, в роли носителей определенных производственных отношений и членов общественной ассоциации есть лишь одна из сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни. Другая сторона производства — это обеспечение самовоспроизводящегося социального организма средствами существования. Обе стороны одинаково важны, и отдать преимущество любой из этих сторон — совершенно неправомерно, даже в обществе, стоящем на низком уровне материально-производственных возможностей.

Н. Б. Тер-Акопян трактует данную проблему следующим образом: 1) «В основе развития человеческого общества лежит, разумеется, производство жизненных средств. Но оно неразрывно связано с производством новых потребностей и новых поколений людей»; 2) «Последнее могло являться и определяющей стороной развития»<sup>28</sup>. Никто из марксистов

<sup>23</sup> К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 22.

<sup>24</sup> Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии», «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 96.

<sup>25</sup> Н. Б. Тер-Акопян, *Указ. раб.*, стр. 72.

<sup>26</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 37, стр. 394.

<sup>27</sup> Там же, т. 3, стр. 26.

<sup>28</sup> Н. Б. Тер-Акопян, *Указ. раб.*, стр. 70.

не станет спорить с первым тезисом, ибо он полностью соответствует данному в «Немецкой идеологии» четкому определению «трех сторон социальной деятельности», которые «совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей». В этой же работе отмечается «материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди»<sup>29</sup>. Эта связь не носит характера отвлеченно-«антропологического» отношения (т. е. отношения человека как такового к другому человеку как таковому); она совершенно конкретна: «...люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»<sup>30</sup>. Это как раз те самые экономические отношения, которые столь настойчиво отрицает Н. Б. Тер-Акопян на ранних стадиях первичной формации.

Странная логика рассуждений вытекает из второй посылки, утверждающей, что производство людей «могло являться и определяющей стороной развития» архаического человеческого общества. В этой связи предлагается такой ход мысли: так как первобытные люди озабочены преимущественно самовоспроизводством, то главная форма общения между ними — отношения естественного (генеалогического) родства. Эта форма приобретает спонтанный характер социального самодвижения: «взаимосвязь семьи и системы родства подобна взаимосвязи производительных сил и производственных отношений»<sup>31</sup>. Такое сопоставление неприемлемо не только с точки зрения формально-терминологического выражения, но и по существу: если производительные силы и производственные отношения слиты воедино как непосредственные элементы материального производства, то древнейшая система родства (традиционно субординированный порядок взаимоотношений возрастных, половых и брачных групп) сложно опосредствована всем укладом человеческой жизни, в том числе производственными отношениями и общественным сознанием.

Далее, в статье упомянутого автора читаем: «Семья, как активное начало, как коллектив, производящий людей (и не в одном только биологическом смысле), в ходе своего собственного развития (Энгельс объяснял его действием отбора) постоянно порождает и изменяет родовые отношения. Что касается развития производства жизненных средств, то оно, зарождаясь на основе инстинктивных форм труда, порождает свои отношения — отношения производственные»<sup>32</sup>. Не вступая в спор по поводу термина «семья» (будем надеяться, что, вслед за Энгельсом, автор имеет здесь в виду «групповой брак, форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу») <sup>33</sup>, мы все же не можем не заметить, что в приведенной цитате архаическая «семья» приобретает полную «независимость» от условий и отношений производства средств существования. Правда, по мнению Н. Б. Тер-Акопяна, зародившиеся на основе трудовой деятельности производственные отношения с какой-то стадии постепенно как бы наслаиваются на отношения родства, затем отпочковываются и начинают оказывать на них все большее влияние, становятся доминирующими<sup>34</sup>. Однако и эта часть его формулы в общем контексте подчеркивает некий параллелизм и самостоятельность двух типов первобытнообщинных отношений, обусловленных, с одной стороны, естественной общностью по происхождению, с другой — исторической общностью по совместному производству.

<sup>29</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 28, 29.

<sup>30</sup> Там же, т. 6, стр. 441.

<sup>31</sup> Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 84.

<sup>32</sup> Там же, стр. 88.

<sup>33</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 40.

<sup>34</sup> Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 88.

Отметим в этой связи, как критиковали авторы «Немецкой идеологии» младогегельянца Штирнера — «святого Макса», который не обращал внимания на социальную жизнь индивида: «древность тем естественнее „достигает“ у святого Макса своего „конечного назначения“, что, по его мнению, древние были „поставлены *природой*“ в условия античной „общности“ (*Gemeinwesen*) и это, „скажем в заключение“, „уясняется, пожалуй“, особенно легко в том случае, когда общественный строй, семью и т. д. именуют „так называемыми *естественными* узами“»<sup>35</sup>. В противовес этому, Маркс и Энгельс, имея в виду «древнее время», выдвигали на передний план независимые от воли людей материальные условия, «в которых они производили свою жизнь, связанные с этими условиями необходимые формы общения (*Verkehrsform* подлинника — термин, в котором нашло выражение складывающееся в это время у Маркса и Энгельса понятие производственных отношений.— Л. Л.) и обусловленные всем этим личные и социальные отношения»<sup>36</sup>.

Нет спора, что производство человека как биологического вида исторически старше его материально-производственной деятельности с помощью все более усложняющихся орудий труда в рамках уже «готовой» общественной организации. И когда эта организация оформляется в качестве прочного дуально-экзогамного и трудового коллектива, она как бы опосредствует оба вида производства — продолжение рода и приобретение средств к жизни. Было бы нелепо отрицать ту крупную роль, какую «родство играет в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами сбросить со счетов значение этой так широко распространенной системы»<sup>37</sup>. Об этом достаточно хорошо сказано в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Но анализируя отношения родства, Энгельс искал также их экономические, производственные основания: «первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные»<sup>38</sup>.

Своеобразие архаической социальной структуры состоит в том, что первобытная община объединяет людей, одновременно связанных друг с другом как отношениями по родству и свойству, так и отношениями по производству. Те и другие отношения объективно направлены к единой цели — сохранению и воспроизводству данной органической целостности, спонтанно создающей условия и средства собственной предметно-созидательной (производящей и добывающей) деятельности, характер и содержание которой обусловлены исторически достигнутым уровнем производительных сил<sup>39</sup>. При этом «чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»<sup>40</sup> в том смысле, что коллективизм первобытной общины восполнял неразвитость индивидуального труда и гарантировал некоторый прожиточный минимум. В этих условиях не могли иметь места ни сколько-нибудь значительное накопление материальных благ, ни сколько-нибудь развитый обмен продуктов, то есть условия, ведущие к обособлению индивидуальных производителей и собственников.

<sup>35</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 129.

<sup>36</sup> Там же, т. 3, стр. 171, см. также примеч. ред. на стр. 590—591.

<sup>37</sup> Там же, т. 21, стр. 35.

<sup>38</sup> Там же, стр. 43.

<sup>39</sup> По Марксу, «в первобытных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, ...сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 399).

<sup>40</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

Данное положение, вытекающее из всего учения марксизма о первобытнообщинном строе, нисколько не колеблется некоторым уточнением в переводе вышеприведенной мысли Энгельса, в результате которого концовка фразы звучит так: «...тем в большей степени обнаруживается в общественном строе господство отношений по родству»<sup>41</sup>. Первобытный строй знает в качестве основной социальной формы небольшую общину, все члены которой объединены для производства непосредственной общественной связью по кровному и благоприобретенному родству. Совсем в иную плоскость перемещается вопрос, если общественным отношениям по родству придавать какую-то исключительную структурно и функционально «чистую форму», вытекающую только из естественного акта деторождения и регулирования взаимоотношений поло-возрастных групп.

Было бы неверно думать, что только сегодня появились различные, нередко друг друга исключаящие толкования тезиса Энгельса о том, что «производство и воспроизводство непосредственной жизни... бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда; с другой — семьи»<sup>42</sup>. Здесь имеются в виду не только споры в среде марксистов, но и откровенные фальсификации буржуазных противников марксизма.

Так, в конце XIX в. народник Н. Михайловский поставил перед собой задачу умалить значение труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Прежде всего он заявил, что вовсе не марксизм обосновал важнейшие закономерности исторического развития древнего общества, а Л. Г. Морган: «Ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об нем не знавшим, а во-вторых — при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», т. е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человека многие века складывалась не по этой формуле»<sup>43</sup>. Путем несложного приема Н. Михайловский пытался опровергнуть «теорию о том, что основы для понимания истории коренятся в материальных общественных отношениях». При этом Н. Михайловский сделал вид, что не заметил концовки «Предисловия» Энгельса к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» где автор указал: «Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана»<sup>44</sup>. Чтение первого раздела этого труда ясно показывает, насколько далеко ушел вперед Энгельс по сравнению с некоторыми стихийно-материалистическими догадками Моргана.

Прибегнув к довольно произвольному переложению хорошо известного нам текста, Михайловский пришел к выводу, что Маркс и Энгельс под влиянием Моргана якобы внесли такую поправку «к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом

<sup>41</sup> В. М. Бахтa, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», стр. 268.

<sup>42</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25, 26.

<sup>43</sup> Н. Михайловский, Литература и жизнь, «Русское богатство», 1894, № 1, отд. II, стр. 108.

<sup>44</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 27.



наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит»<sup>45</sup>.

В этой связи подчеркнем еще раз, что Маркс и Энгельс нигде и никогда не говорили, что детопроизводство играло первенствующую роль в первобытную эпоху. Рассматривая дискутируемый вопрос о роли первобытной «семьи», Г. В. Плеханов определял позицию Энгельса следующим образом: «Когда он говорит это, изменяет ли он хоть немного свой „первоначальный“ взгляд на значение производительных сил в истории человечества? Принимает ли он рядом с действием этого фактора действие какого-то другого „равносильного“ ему? Кажется, ничего не изменяет, кажется, ничего такого не принимает»<sup>46</sup>.

Вообразая себя «первооткрывателем», Н. Михайловский поучал теоретических наследников Энгельса: «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством, стараясь установить хотя словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психологические корни»<sup>47</sup>. Отметим, что никто так хорошо не ответил на эту банальную тираду, как В. И. Ленин: «Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?»<sup>48</sup> Именно В. И. Ленин дал суровую отповедь народническим извращениям марксизма в данном вопросе и показал историческую эволюцию первобытно-общинного способа производства, специально отметив то обстоятельство, что «и частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»<sup>49</sup>.

В наши дни по мере углубления спора о соотношении в первобытном обществе производственных отношений и кровнородственных связей стали широко привлекаться поздние письма Энгельса к разным лицам. Так, было обращено внимание на его переписку с К. Каутским, возникшую вокруг серии статей последнего по вопросу о первобытных брачно-половых связях. В своих критических замечаниях по этому вопросу Энгельс энергично отстаивал собственную точку зрения, что «общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом отношений внутри племени»<sup>50</sup>. Далее он отмечал, что «степень сохранения старых кровных связей племени» может служить показателем архаического состояния общества. «Все дальнейшее развитие, — указывал он, — заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности» — «будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было»<sup>51</sup>. Здесь Энгельс затрагивал и вопрос о первобытной экономической общности, которая отнюдь не развивается из «первоначального частного владения», а предшествует ему<sup>52</sup>. В приведенных отрывках нигде не говорится о приори-

<sup>45</sup> Н. Михайловский, Указ. раб., стр. 108. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве» В. И. Ленин специально останавливается на трактовке Марксом процесса размножения человека и при этом подчеркивает то, что условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, «определенных системой общественного производства, а, следовательно, и распределения» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 476).

<sup>46</sup> Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, «Избранные философские произведения», т. I, М., 1956, стр. 619.

<sup>47</sup> Н. Михайловский, Указ. раб., стр. 108.

<sup>48</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 150.

<sup>49</sup> Там же, стр. 152.

<sup>50</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 362.

<sup>51</sup> Там же, стр. 362, 363, 376.

<sup>52</sup> Там же, стр. 376.

тете отношений по производству человека перед отношениями по производству материальных благ.

В ходе полемики по данному вопросу наибольшее внимание было обращено на письмо Энгельса от 8 декабря 1882 г., в котором изложены мысли, возникшие в связи с прочтением книги Х. Х. Банкрофта «Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки» (1875). Однако из всего текста письма почему-то вычленяется (или выделяется многозначительной разрядкой) краткая фраза о том, что «на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей». Эта операция производится в целях обоснования мнения о возможности существования в истории такого периода, когда неэкономическая сторона производства (т. е. производство человека) могла господствовать над первой, экономической его стороной.

Прочитируем интересующий нас отрывок из письма Энгельса целиком: «Чтобы, наконец, полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени. Иначе тлинкиты в бывшей русской Америке не могли бы быть чистой копией германцев, и, пожалуй, в еще большей мере, чем твои ирокезы»<sup>53</sup>.

В нашей литературе уже отмечалось, что подчеркивание Энгельсом в этом письме роли родовых институтов вовсе не снимает их вторичности в сопоставлении с производственными отношениями, а означает лишь то, что взаимодействие экономики с надстроечными факторами в первобытном обществе опосредствуется кровнородственными отношениями и что последние именно в этом смысле оказывают решающее влияние на характер общественного строя<sup>54</sup>. В целом же этот отрывок нуждается в некотором научном комментарии.

Прежде всего, в своем письме Энгельс совсем не случайно проводит сравнительно-историческую параллель между германскими племенами начала н. э. и индейцами северо-западного побережья Северной Америки конца XVIII—начала XIX в. Как известно, в 1881—1882 гг. он работал над рукописью «К истории древних германцев», основным источником для которой послужили письменные свидетельства Цезаря и Тацита. Для разъяснения многих моментов в этих свидетельствах потребовались параллели из обществ, переживавших последнюю стадию родового строя. Энгельсу уже были известны материалы по ирокезам, но они стадially не соответствовали показаниям римских авторов о древних германцах. Находкой явилась сводная работа Банкрофта, которая, несмотря на все ее недостатки, ярко рисовала различные индейские общества, находившиеся на завершающей стадии первичной формации. Сопоставляя материал по германским и индейским племенам, Энгельс обнаружил интересные общественно-стадиальные аналогии в формах семейно-брачных отношений, имущественном положении старейшин и рядовой массы, формах собственности и т. д.

Энгельс обратил пристальное внимание на «степень распада старых кровных связей» у тлинкитов. Следует отметить, что эти связи и при традиционном типе рыболовецко-охотничьего хозяйства распадались, конечно, не сами по себе, а под давлением экономических факторов — разделения труда, роста имущественного неравенства, обмена, возникно-

<sup>53</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 35, стр. 103.

<sup>54</sup> Н. И. Лапин, Рецензия на книгу «Маркс-историк. Сборник статей», М., 1968, — «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 156.

вения рабства и кабальных отношений. Историков несколько смущает уже приводившееся выражение «на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль...» Однако следует помнить, что Энгельс в этом частном случае подразумевает под способом производства не экономические отношения людей к орудиям и средствам производства и не отношения, которые складываются в процессе разделения труда и обмена продуктов, а только специфические разновидности производства — земледельческого у древних германцев, рыболовецко-охотничьего у тлинкитов<sup>55</sup>. Случалось, что и Маркс употреблял понятие «способ производства» в узком смысле технико-организационных основ производства, в смысле собственно трудовых отношений, существующих между людьми в их непосредственной производительной деятельности<sup>56</sup>.

Ф. Энгельс сопоставлял древних германцев и североамериканских индейцев, столь сильно различавшихся между собой по основному хозяйственному занятию, только потому, что было совершенно ясно, что обе эти группы находились на одной завершающей ступени первичной экономической формации.

Итак, нет никаких научных оснований превращать кровнородственные связи в самодовлеющую сущность (имманентную категорию) исторического движения доклассового общества. И какими бы естественными, изначально данными эти связи ни представлялись, в социально-исторической действительности они опосредствованы отношениями по добыванию материальных благ. Материально-общественным основанием взаимоотношений людей архаической формации были те «условия, при которых они обмениваются деятельностью и участвуют в совокупном производстве»<sup>57</sup>. Раскрыть эту сложную динамическую систему отношений — задача современных историков и социологов.

#### ON CERTAIN ASPECTS IN THE INTERPRETATION OF THE PRIMEVAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

A critical analysis is given in the article of certain modern viewpoints on the first social-economic system in the history of mankind, most completely embodied in the gens-community social structure. The author notes the achievements of Soviet specialists in the history of primitive society who enriched their branch of learning by new methods of research and new concepts based on the philosophical system of Marxism; at the same time he points to individual cases where some ideas of Marx and Engels on the specific regularities of the evolution of pre-class society have been incompletely or inaccurately interpreted. The interpretation of personality forms of material communication and social linkage receive particular attention. These are most successfully understood through the prism of primitive production and the direct reproduction of life. Two mutually interlinked spheres interact here: the production of means of livelihood and the reproduction of man himself, the perpetuation of the species. The author opposes attempts to isolate these two main spheres of a single social-economic system from one another and to set off to a certain extent the «anthropological» reproduction of primitive man himself against his creative activity in the material sphere.

<sup>55</sup> Заметим, что к такому же, примерно, выводу пришел Я. А. Ленцман, обративший внимание, что употребленный Энгельсом в упомянутом письме немецкий термин *Produktionsweise* по своему смыслу не вполне соответствует принятому у нас развернутому пониманию способа производства как совокупности производительных сил и производственных отношений. *Produktionsweise* скорее обозначает здесь «то, как производят» или «образ производства». Ссылаясь на письмо Энгельса от 8 декабря 1882 г., Я. А. Ленцман заключает: «В приведенной цитате, „способ производства“ встречается дважды; оба раза он означает обстоятельство производства, а вовсе не совокупность производительных сил и производственных отношений». (Выступление на симпозиуме по азиатскому способу производства, «Вестник древней истории», 1965, № 3, стр. 81.)

<sup>56</sup> Например, только в таком смысле, на наш взгляд, употреблен этот термин в следующей фразе К. Маркса: «...для особого рода условий производства (например, скотоводства, земледелия) развивается особый способ производства и развиваются особые производительные силы как субъективные, проявляющиеся как свойства индивидов, так и объективные» («Формы, предшествующие...», стр. 24).

<sup>57</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441.

**С. Я. Козлов**

## **К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РОДОВОГО ОБЩЕСТВА**

(ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С ДИСКУССИЕЙ)

Дискуссия по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»<sup>1</sup>, развернувшаяся на страницах «Советской этнографии», на мой взгляд, интересна и весьма полезна. Она показала, как много еще принципиальных проблем теоретической этнографии ждут своего исследования. Статья М. В. Крюкова (как и другие выступления) была вызвана необходимостью обобщить введенный в научный оборот за последние десятилетия большой фактический материал, относящийся к доклассовому периоду истории человечества; она была и своеобразной попыткой преодолеть существующие среди советских этнографов разногласия во взглядах на род, родовую общину, патронимическую организацию, а также попыткой уточнить и унифицировать применяемую терминологию. Однако отклики на статью М. В. Крюкова, как мне кажется, свидетельствуют о том, что решить эту трудную задачу ему не удалось. Этнографии известны самые различные типы и формы родственно-хозяйственных коллективов, объединений, которые существовали у народов мира на различных этапах родового строя. Вряд ли возможно сконструировать такую форму социальной организации, как бы она ни была названа, которая бы обнимала все разнообразие реально существующих форм, и совсем не случайна та расплывчатость, которая характеризует универсальный «клан» М. В. Крюкова. Всякое социологическое обобщение должно соответствовать тем конкретным историческим реалиям, которые оно обобщает, указывая на их важнейшие, существеннейшие черты.

Существующая в настоящее время терминологическая разногласия, когда одно и то же название определяет различные социальные формы, объясняется не столько нехваткой «вакантных» терминов, сколько неопределенностью и противоречивостью в понимании сущности этих институтов, их природы, их функционального взаимодействия, их реального соотношения. В самом деле, советским этнографам хорошо известно положение Л. Моргана — Ф. Энгельса о том, что род, будучи по своей природе экзогамным, не может состоять из семей. И в то же время, как отметил М. В. Крюков, в работах весьма авторитетных исследователей мы встречаем утверждения, «что род у того или иного народа состоит из семей»<sup>2</sup>. М. В. Крюков называет в этой связи работы Л. А. Файнберга, Б. О. Долгих<sup>3</sup>, И. М. Дьяконова и, что показательнее всего, М. О. Косве-

<sup>1</sup> «Сов. этнография», 1967, № 6.

<sup>2</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85.

<sup>3</sup> У Б. О. Долгих терминологическая «неупорядоченность» особенно бросается в глаза. См., например: «У тундровых энцев, иганасан и юкагиров в XVII в. выявляется ранняя форма отцовского рода, когда внутри большого экзогамного рода или в племени формируются родовые группы вокруг наиболее

на («...родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род») <sup>4</sup>. С. М. Абрамзон в своей недавней работе «Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ» говорит то же, что и М. О. Косвен: «В этот период (имеется в виду период становления военной демократии.— С. К.) патриархальный род выступал, по-видимому, как объединение ряда общин, наминавших «патронимии»; каждая из них представляла группу наиболее близко связанных друг с другом патриархальных семей» <sup>5</sup>. Это бросающееся в глаза противоречие невозможно объяснить тем, что автор не различает род и так называемый «третий тип социальной организации...» (М. В. Крюков)— патронимию; вряд ли возможно упрекнуть этих авторов также и в том, что они не понимают природу рода как экзогамного коллектива. Еще труднее, очевидно, «обвинить» в этом самих Л. Моргана и Ф. Энгельса, которые, указывая неоднократно, что семья не включается в род, что семья стоит вне социальной структуры родового общества, в других случаях, при конкретном описании той или иной родо-племенной структуры, говорили о семье как о важной ее ячейке (см. об этом ниже). Попытаемся объяснить это противоречие, разобраться, действительно ли оно или только кажущееся.

Прежде всего, по-видимому, необходимо признать тот факт, что термин «род» употребляется в нашей литературе в двух различных смыслах. Во-первых, имеется в виду генеалогический коллектив, объединение всех кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного предка, с женской или мужской филиацией. Во-вторых (и в этом смысле термин «патриархальный род» употребляется особенно часто), имеется в виду социальная структура, включающая всех членов данной родственно-хозяйственной группы, будь то родовая община (в эпоху материнского рода), «мёрдокровский» клан, группа родственников семей (патронимия) и т. п. Может показаться, что обрисованная выше проблема просто надумана: достаточно договориться называть генеалогическую группу кровных родственников «родом», а родственно-хозяйственное объединение, ядром которого являются члены данного рода,—«кланом» (или как-нибудь иначе). Но дело обстоит гораздо сложнее. Вопрос этот связан с большой теоретической проблемой. Одной из ее сторон является неудовлетворительный еще во многих случаях теоретический анализ конкретных социальных структур, существовавших на различных этапах доклассового общества; другой стороной, теснейшим образом связанной с первой,—недостаточная разработанность периодизации социальной истории доклассового общества. Здесь нельзя не вспомнить статью Ю. И. Семенова «О периодизации первобытной истории» <sup>6</sup>. Некоторые положения этой статьи спорны, ее очевидным недостатком является отсутствие фактической аргументации. Здесь, однако, хочется сказать следующее. То, что автор (кстати, ссылающийся на широкий круг источников, от материала которых он в значительной степени и отталкивается в своих построениях) не приводит примеров тех или иных форм рода и хозяйственных коллективов, вовсе не означает, что таких примеров не существует. Большинство из логически реконструируемых Ю. И. Семеновым социальных институтов вполне укладываются в реально существующие формы материнского и отцовского рода, различных типов родственно-хозяйственных коллективов. Заслуга Ю. И. Семенова состоит в том,

мощных семей. Именно эти роды являлись, как правило, производственными единицами. Поздние малые роды, ответвления больших родов, представляли обычно лишь генеалогические единицы (патронимии)» (Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964, стр. 7. Разрядка наша.— С. К.).

<sup>4</sup> М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 121.

<sup>5</sup> «Ленинградское отделение Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г.», Л., 1969 (в дальнейшем — «Тезисы...»).

<sup>6</sup> «Сов. этнография», 1965, № 5.

что он последовательно рассматривает доклассовое общество как огромный этап истории, во время которого человечество пережило крупнейшую трансформацию, осуществлявшуюся в рамках различных социальных институтов. Сущность этой трансформации невозможно вполне понять, оперируя лишь такими широкими категориями, как материнский и отцовский род, некий универсальный «клан» и т. п. Вот почему совершенно недостаточно ограничиться договоренностью о смысловом разграничении терминов «род» и «клан» и почему неслучайно то «фэрмотворчество» и «терминотворчество», которые мы находим в названной выше статье Ю. И. Семенова. Можно дискутировать о терминах «родовая коммуна», «клан», «семейно-клановый коллектив», «клановое ядро», «генс», «семейно-гентильная община», равно как и о соответствующих им структурах. Но представляется совершенно бесспорным, что сегодня нам нужна более разработанная схема периодизации социальной истории первобытности, которая базировалась бы на новейших достижениях в области политической экономии, социологии и конкретной истории доклассового общества.

Одним из проявлений слишком обобщенного подхода к социальным институтам родового общества, когда не учитывается вся диалектика их функционирования и взаимодействия, является несколько странная дискуссия о том, что было основной ячейкой доклассового общества — род или община. Род и та или иная форма общины, — от первобытной коммуны (согласно различным точкам зрения, первоначально совпадавшей с материнским родом или никогда с ним не совпадавшей) до первобытной соседской общины, возникающей в период разложения родового строя, — существовали, взаимно переплетаясь и обуславливая реальное функционирование друг друга. Каждая из этих ячеек играла свою роль в обществе. Если община была хозяйственным коллективом, то род определял и регулировал управление, семейно-брачные отношения, наследование, культ и т. д. И независимо от того, был или не был род производственным коллективом, именно он вплоть до начального этапа классового общества владел землей и общеродовым имуществом; и так было не только теоретически, потому что ядром каждой конкретной общины были члены данного конкретного рода, по нормам которого и жила эта община.

Практически род не существует вне хозяйственных коллективов, состоящих из членов разных родов, равно как вся жизнь этих коллективов проходит на основе родовой организации, конкретнее — в рамках социального организма, каким является каждый данный род. Ведь ядро, а часто и абсолютное большинство каждой общины составляли люди одного рода. Возможно, стоит подумать, нужно ли на современном этапе наших знаний и представлений о первой общественно-экономической формации ставить вопрос об одной основной, главной ячейке первобытности; и можно ли вообще говорить так альтернативно об основной ячейке целого громадного периода человеческой истории? Если, допустим, на первых его этапах такой ячейкой был материнский род, то в дальнейшем эту роль могла играть та или иная форма общины, патристическая организация, большая семья и т. д. Принципиально альтернативная постановка вопроса: или — или, или род, или община, — целиком и полностью проистекает из неоправданно обобщенного подхода к родовому обществу в целом и к различным его институтам в частности.

Нам могут возразить, что существует выдвинутое Морганом и убедительно поддержанное Энгельсом положение о том, что основной фундаментальной ячейкой первобытного общества был род, — положение, которое разделяется большинством советских этнографов. «... Род представляет собой учреждение, общее для всех народов вплоть до их вступления в эпоху цивилизации и даже еще позднее...»<sup>7</sup>. Морган и Энгельс пока-

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 86.

зали, что род лежал в основе всей общественной структуры первобытности («... мы видим также, что копь скоро основной общественной ячейкой является род, из него с почти непреодолимой необходимостью... развивается вся система родов, фратрий и племени»), и не только в эпоху материнского рода, которую Энгельс называет временем «расцвета родового строя», но и в эпоху отцовского рода<sup>8</sup>. Излишне, по-видимому, напоминать, что эти выводы и Л. Г. Морган, и Ф. Энгельс обосновали большим фактическим материалом.

Думается, что невозможно отрицать или хотя бы преуменьшить роль рода, родовой организации в социальной истории человечества. Можно, по-видимому, говорить о роде как об основной, фундаментальной ячейке первобытного общества в том смысле, что это была исходная форма социальной организации людей, социальный организм, на основе которого развились все последующие общественные структуры. Родовая организация «... была тем орудием, посредством которого общество было организовано и сохранялось»<sup>9</sup>; род, его институты, созданная им идеология, его традиции и обычаи играли важнейшую роль в жизни человеческого общества.

Советские этнографы, развивая учение Моргана — Энгельса о родовой организации и подкрепляя его новыми фактами, в то же время внесли серьезный вклад в анализ структуры доклассового и формирующегося классового общества, проделав большую работу по выяснению роли и места родовой общины, большесемейной общины, патронимической организации, ранней соседской общины и других социальных форм, которые во времена Моргана — Энгельса были исследованы относительно слабо. Изучение общины показало ее важную роль как коллектива, в рамках которого осуществлялась производственная деятельность и протекала значительная часть жизни людей. В теоретической этнографии возникла проблема соотношения рода и родовой общины. Нельзя не согласиться с Н. А. Бутиновым, когда он констатирует, что община как социальная структура исследована пока сравнительно меньше, чем род, что «проблема соотношения родовой общины и рода — это очень сложная и разветвленная проблема, и ее надо разрабатывать конкретно в связи с такими институтами, как территория общины (родовая или общинная территория), вождь общины (родовой или общинный вождь) и т. п. При этом однозначное решение (община или род) в принципе невозможно... Общинные и родовые линии скрещиваются и переплетаются, и проблема состоит именно в выявлении соотношения между ними»<sup>10</sup>. Трудно что-либо возразить против такой постановки вопроса, против такого подхода к проблеме. Тем более странным представляется пожелание того же автора о «возведении общины, не совпадающей с родом, на тот пьедестал (основная ячейка первобытности), на котором до недавних пор стоял род ...»<sup>11</sup>.

Гораздо более реалистическим представляется мне подход к этой проблеме Ю. В. Маретина. В опубликованных тезисах его доклада «К вопросу о роде и родовой общине»<sup>12</sup> сделана интересная попытка преодолеть теоретическое противоречие «род — община» (приходится говорить именно о теоретическом противоречии, ибо в реальной действительности первобытных обществ, изученных и описанных этнографической наукой, противоречие, или, вернее, соотношение «род — община» не выглядит так резко, так акцентированно, как в теоретических работах!). Ю. В. Маретин говорит сразу о двух основных социальных ячейках:

<sup>8</sup> Там же, стр. 97, 99, 100.

<sup>9</sup> Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

<sup>10</sup> Н. А. Бутинов, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> «Тезисы...», стр. 10—15.

«... в первобытном обществе в качестве основной экономической и социальной ячейки выступал не род в генеалогическом смысле слова, т. е. не однолинейная группа кровных родственников, а производственный коллектив, в который входили представители одного рода в качестве его основы (или ядра) и их партнеры по браку из другого рода (родов) — это была родовая община»<sup>13</sup>. В то же время несколько ниже о роде говорится как об «основной общественной ячейке»<sup>14</sup>. Что это — противоречие, промежуточная позиция или действительно диалектический подход к проблеме? Хочется думать, что справедливо последнее предположение. Такие «ключевые понятия» первобытного общества, пишет Ю. В. Маретин, «как род и община, обозначают основные ячейки общества на соответствующем этапе развития, отражая разные стороны существования этого общества»<sup>15</sup>. Думается, что исследование проблемы соотношения рода и общины в таком плане является наиболее перспективным.

Если обратиться к материалу о патрилокальных общинах (периода отцовского рода), где жена adoptировалась родом мужа и фактически становилась членом этого рода, то спор о соотношении рода и общины в том аспекте, в каком он сейчас ведется (какому институту принадлежит ведущая роль?), представляется уже попросту надуманным. Вспомним хотя бы, что писал в этой связи Морган, характеризуя греческий род. Отмечая, что брак вряд ли «прекращал всякую связь замужней с ее родом, и жена, несомненно, продолжала считаться (именно «считаться», т. е. числиться чисто теоретически. — С. К.) принадлежащей к роду своего отца», Морган подчеркивает, что фактически она полностью adoptировалась родом мужа: «Женщина с замужеством теряла право на участие в религиозных обрядах своего рода и приобретала то же право в роде мужа»<sup>16</sup>. И далее, ссылаясь на источники, он отмечает всеобщность этого правила. «...Включение жены в род мужа (выделено нами. — С. К.) устанавливает и Германи: „Каждая новобрачная... зачислялась во фратрию своего мужа“»<sup>17</sup>. Что же касается римского рода, то Морган пишет, что «с замужеством женщина подвергалась тому, что называлось технически лишением прав или потерей личности..., причем она теряла свои агнатические права, ...— правило, не допускавшее исключений. Оно имело целью воспрепятствовать переходу имущества путем брака из одного рода в другой, из рода, к которому женщина принадлежала по рождению, в род ее мужа»<sup>18</sup>, т. е. практически, перейдя в род и общину мужа, она переставала сколько-нибудь реально быть членом своего рода. М. В. Колганов специально подчеркивает, что adoption жены родом мужа и переход детей в род отца привели к тому, что «семья, раньше распадавшаяся между двумя родами, стала составной частью рода»<sup>19</sup> — патриархального рода, который по своему социально-экономическому содержанию коренным образом отличался от материнского рода. Однако в отличие от М. В. Колганова мы считаем, что отцовский род как единая производственная община — институт скорее гипотетический, чем реальный. Приводимые М. В. Колгановым примеры таких родовых патриархальных общин<sup>20</sup> малочисленны и весьма неубедительны. Где доказательство того, что речь идет здесь не о патронимических группах или больших патриархальных семьях? Сам же М. В. Колганов признает, что «часто многие авторы смешивают обе эти общины и, говоря об отцовской родовой общине, имеют в виду патриархальную домовую об-

<sup>13</sup> «Тезисы...», стр. 12.

<sup>14</sup> Там же, стр. 13.

<sup>15</sup> Там же, стр. 14.

<sup>16</sup> Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 130; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 101.

<sup>17</sup> Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 130—131. О том же см. на стр. 137.

<sup>18</sup> Там же, стр. 164, 167.

<sup>19</sup> В. М. Колганов, Собственность, М., 1962, стр. 43.

<sup>20</sup> Там же, стр. 136—138.



щину» (стр. 138). Об этом же говорит и Ф. Энгельс, характеризуя понятие *genealogia* из «Алеманнской правды»<sup>21</sup>. «Еще долго можно будет спорить о том,— заключает Ф. Энгельс,— был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»<sup>22</sup>.

Важно отметить также, что обычай приема в род по браку (известный также и у некоторых народов с материнско-родовой организацией, например, в Индонезии) характерен для эпохи разложения родового, первобытнокоммунистического общества, эпохи зарождения и развития частнособственнических отношений в рамках еще функционировавшей родо-племенной системы.

Что же касается существа различия между материнским и отцовским родом, то дело здесь, конечно, не столько в характере филиации и локальности брака, сколько в уровне социально-экономического развития сравниваемых обществ. Современной этнографии хорошо известны высокоразвитые матрилинейные общества, которые находились накануне превращения в классовые, либо были уже таковыми (например, индейцы-квакиютли, глинки, микронезийцы, минангкабау Суматры, ашанти и другие африканские народы), и, в то же время, весьма примитивные общества с отцовским счетом родства (например, австралийцы севера и северо-запада материка). Но эти примеры говорят лишь о том, что переход к раннеклассовому обществу может происходить и в форме «позднего матриархата», в рамках матрилинейной организации; крайне же примитивный уровень некоторых патрилинейных обществ (тех же австралийцев) можно объяснить специфическими историко-географическими условиями, которые препятствовали их социально-экономическому прогрессу. Все это нисколько не противоречит, однако, одному из основных положений марксистской науки о первобытности, которое утверждает, что исторически первой, ранней формой социальной организации людей был материнский род, что переход к отцовскому роду, к патрилинейности и патрилокальности произошел в результате важнейших изменений в характере производства и отношений в обществе, т. е. что исторически отцовский род был более поздней и более развитой социальной структурой.

Я думаю, что если в тех или иных работах мы встречаемся с утверждениями, что род состоит из родственных патронимий, или из семей, или из групп семей, либо объединяет несколько родовых общин и т. п. (причем почти всегда в таких случаях речь идет о позднем, чаще всего отцовском роде), то это вовсе не означает возврата ко временам Нибура и Моммзена. Это не означает также, что моргановское понимание сущности рода устарело и должно быть пересмотрено. И предположение М. В. Крюкова, о том, что «за род ошибочно принимается институт, относящийся к третьему, самостоятельному типу социальной организации», весьма малоосновательно. Ибо, «начиная с конца», нет «третьего» (наряду с родом и большой семьей) типа социальной структуры, а есть «третьи» типы, т. е. различные формы родственно-хозяйственных объединений (в том числе и патронимии), функционировавшие на основе родовой организации на различных этапах ее существования, что подтверждает большой и разнообразный историко-этнографический материал. Кстати, коль скоро уж речь идет о «третьем» или «третьих» типах, то, может быть, стоит подумать, сколь правомерно говорить о едином «первом» типе, т. е. о роде «вообще»?

Как известно, Ф. Энгельс очень четко различал «первичную форму», материнский род, и «более поздний род, организованный сообразно

<sup>21</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 134, 135.

<sup>22</sup> Там же, стр. 140.

отцовскому праву,— тот род, какой мы находим у культурных народов античности...», причем родом, характерным для первобытного общества, строго говоря, «собственно» родом, Энгельс считал именно «род, основанный на материнском праве». «Ниспровержение» материнского права, введение отцовского права, постепенный переход от парного брака к моногамии — все эти важнейшие социальные трансформации, подчеркивает Энгельс, означали закат «древнего родового строя», начало его конца<sup>23</sup>. Отцовский род — фактически новый социальный институт, соответствующий новому периоду человеческой истории, имеющий с предшествовавшим ему материнским родом лишь некоторые общие чисто формальные черты. Так не должны ли и мы в своих исследованиях всегда строго различать два весьма отличных типа родовой организации — собственно «род» (материнский род) и «поздний род», который может быть как материнским, так и отцовским, что, несомненно, устранил многие противоречия и недоразумения?

Что касается сущности рода, по крайней мере такой важнейшей его черты, как экзогамия и вытекающие из нее последствия, то она понимается большинством советских этнографов довольно единообразно, из чего следует и понимание того, что семья не была и не могла быть ячейкой рода, — материнского рода. Иначе обстоит дело с поздним родовым строем, где важнейшую роль стали играть большесемейная община и патриархическая организация. Теперь женщина, в большинстве случаев всецело подчиненная мужчине (покупаемая или выкупаемая им), практически порывала со своим родом, становясь членом рода мужа. О таком роде, пожалуй, можно говорить, констатируя реальное положение вещей, что он состоял из семей. В своей статье М. В. Крюков отвергает даваемое Б. О. Долгих пояснение относительно того, что моргановское определение рода связано с архаическим, материнским родом, «в отличие от которого поздний, патриархальный род состоит из семей»; М. В. Крюков считает такое объяснение несостоятельным, ибо, как он пишет, «свое определение рода Морган дает в связи с анализом римского генса, который характеризуется им как патриархальный род»<sup>24</sup>.

Что можно сказать в этой связи?

Прежде всего, важно отметить, что моргановское определение рода связано с анализом не столько римского генса, сколько ирокезского рода, который, как известно, был материнским родом. Морган, действительно, неоднократно проводит мысль (и тогда, когда он говорит об отцовском роде, греческом или римском), что род не может состоять из семей, что семья не является органической ячейкой рода<sup>25</sup>. Ф. Энгельс энергично поддерживает эту идею Моргана: «... при родовом строе семья никогда не была и не может быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к различным родам...»<sup>26</sup>.

Но если внимательно продумать тот великолепный анализ доклассового общества, который проделали в своих трудах Л. Г. Морган и Ф. Энгельс, то можно убедиться, что, с одной стороны, разбираемое нами положение Моргана — Энгельса относится все-таки преимущественно к классическому, материнскому роду, а с другой — что семья вовсе не исключалась ими из общественной системы родового строя, в

<sup>23</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 223; т. 21, стр. 162.

<sup>24</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85, прим. 12.

<sup>25</sup> См., например: Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 132, 162. Кстати, следует обратить внимание на то, что одной из причин такого настойчивого подчеркивания этой идеи, помимо соответствующего понимания природы рода, была актуальная в то время (да и сегодня не утратившая своего значения) полемическая борьба с авторами, проводившими мысль об изначальности патриархальной моногамной семьи, из которой будто бы и развился род, а в дальнейшем — и вся социальная организация эпохи цивилизации, включая и государство.

<sup>26</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

особенности же позднеродового строя<sup>27</sup>. Когда Морган, разбирая соотношение рода и семьи, пишет: «... род был однородной и в высшей степени стойкой организацией...», то, конечно же, он имеет в виду материнский род, ибо патриархальный род за редкими исключениями, невозможно характеризовать таким образом. Следующая же фраза уже имеет непосредственное отношение к периоду отцовского рода: «Семья моногамного типа могла индивидуализироваться и приобрести значение в роде и вообще обществе, но род тем не менее не мог признать семью своей составной частью, ни зависеть от нее<sup>28</sup>. Здесь речь идет о моногамной семье, т. е. о периоде позднего, разлагающегося родового строя. В этот период семья лишь формально не включается в традиционную схему «органической структуры» *societas*: род — фратрия — племя — нация (т. е. народ, конфедерация племен. — С. К.). Фактически же, как мы уже говорили об этом выше, отцовский род был не чем иным, как объединением семей или семейных групп (патронимий). Действительно, и в эпоху отцовского рода муж и жена обычно принадлежали к разным родам; но если учесть, что, переходя в семейную общину и род мужа, женщина фактически становилась членом этого рода, то семья была вполне органической ячейкой патриархального рода. Вспомним здесь же и такое важное явление, как начавшееся изживание экзогамии, не только право, но и обязанность вступать в брак внутри рода в определенных случаях (если дело касалось девушек-сирот или наследниц<sup>29</sup>); у некоторых народов браки внутри рода (ортокузенные браки) получили весьма широкое распространение (например, у малагасийцев, некоторых африканских народов, у арабов и др.). Род мог формально не признавать семью своей составной ячейкой, но он не мог не признавать значение семьи как социальной ячейки, и это отмечают и Морган, и Энгельс. Так, и у греков, и у римлян принятие в род чужаков (усыновление) осуществлялось путем усыновления одной из семей, и, таким образом, «усыновленный вступал и в род, к которому принадлежало семейство»<sup>30</sup> (разрядка наша. — С. К.).

Таким образом, совершенно последовательно характеризуя род как экзогамную структуру, и Морган, и Энгельс в конкретных описаниях его второй, поздней формы — отцовского рода — вполне закономерно отмечают тот факт, что патриархальный род состоит из семей; и, следовательно, противоречие, которое можно было бы усмотреть в приведенных выше характеристиках, скорее мнимое, чем реальное. То же самое можно сказать и относительно противоречия в работах некоторых современных исследователей, на которое указал М. В. Крюков.

В заключение — несколько слов относительно терминов. Нет нужды доказывать, как важно называть вещи своими именами. Очень заманчиво, конечно, дать каждой из выделенных, изученных общественных форм первобытности свое имя, точный, строгий термин, характеризующий именно данную структуру, не накладывающийся ни на какую другую; одна из наших задач — всячески способствовать процессу совершенствования терминологии. Но сила традиции, как известно, очень велика, и в научной терминологии это проявляется не менее, чем где бы то ни было.

<sup>27</sup> Кстати, надо заметить, что когда Морган употребляет в своей работе термин «социальная система» или Энгельс говорит в цитируемом нами месте об «общественной системе», то они имеют в виду не «общество» в обычном социологическом значении этого слова, а моргановское *societas*, т. е. родовую организацию, «организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах», в отличие от *civitas*, «организации политической, основанной на территории и собственности» (см. Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 7, 38).

<sup>28</sup> Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 132.

<sup>29</sup> Там же, стр. 129, 130, 131 и др.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 101.

<sup>30</sup> Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 170; см. также стр. 131. У ирокезов же, в условиях материнского рода, усыновляла не семья, а отдельное лицо, при этом «усыновленный пленник или пленница становился по отношению к усыновившему его лицу братом или сестрой, а если усыновляла мать, то сыном или дочерью» (там же, стр. 48).

Думается, что структура, описанная М. О. Косвеню под названием «патронимия», будет еще очень долго называться именно «патронимией» (а не «кланом» или как-нибудь еще): термин этот прочно вошел в нашу этнографическую литературу. И большой беды здесь нет (при всем видимом несовершенстве этого термина). Гораздо важнее, чтобы было глубокое понимание самого института, обозначаемого данным термином. Точно так же и термин «род», очевидно, будет по-прежнему употребляться в том смысле, который вложили в него Морган и Энгельс; необходимо лишь очень четкое различие сущности стадийных форм этой важнейшей социальной структуры доклассового общества.

## ON CERTAIN SOCIAL STRUCTURES OF GENS SOCIETY

(IN CONNECTION WITH THE DISCUSSION)

The author is of the opinion that the necessity and the possibility of recognizing a third universal type of social organization (besides the gens and the family) in pre-class society as proposed by M. V. Kriukov («Sovietskaya Etnografia», 1967, № 6) is insufficiently substantiated. The author of the present article objects to unwarranted generalizations in the approach to the social institutions of the gens society when the dialectics of their actual functioning and interrelationship is not taken into account.

---

**Д. Д. Тумаркин**

## **К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РОДА**

Дискуссия, начатая статьей М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»<sup>1</sup>, вскоре переросла свои первоначальные рамки и охватила ряд важных вопросов истории первобытного общества. Ни в коей мере не пытаюсь подводить итоги этой еще не законченной дискуссии, отмечу лишь, что, на мой взгляд, развернувшийся обмен мнениями оказался полезным. Он уже позволил лучше понять различные точки зрения на существо дискутируемых проблем, способствовал более глубокому теоретическому осмыслению специфики патронимической организации. Кроме того, как мне представляется, у некоторых участников дискуссии намечилось сближение взглядов по отдельным вопросам.

Примечательна в этом отношении небольшая статья А. И. Першица «К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности», посвященная проблеме соотношения кровнородственных и производственных отношений<sup>2</sup>. Автор статьи выводит формулу, согласно которой в матрилинейных обществах с матрилокальным поселением супругов и в патрилинейных обществах с патрилокальным поселением супругов процент сородичей в родовой общине равнялся в среднем 75, а процент чужеродцев (чужеродок), пришедших в общину по браку,—25 (стр. 107—108). А. И. Першиц отмечает, что в некоторых других случаях, например при амбилокальном брачном поселении, доли сородичей и «чужаков» в общине уравнивались, приближаясь к 50% (стр. 108).

Если предложенная А. И. Першицем формула, по-видимому, может быть принята с некоторыми оговорками, то приведенные им в подтверждение этой формулы данные по пяти обществам с патрилокальным брачным поселением (стр. 108) носят несколько случайный характер. Известно, например, что у нганасан и тундровых энцев еще во второй половине XIX в. далеко зашел процесс разложения патриархально-родового строя и реальными хозяйственными коллективами стали соседско-территориальные объединения, мужскую часть которых составляли представители разных родов, а иногда и разных этносов<sup>3</sup>. Между тем А. И. Першиц, вычислив по работе Б. О. Долгих процент замужних женщин у нганасан и тундровых энцев в 1926—1927 гг., всех остальных членов таких хозяйственных коллективов отнес к «кровным родственникам». Кроме того, едва ли правомерно во всех пяти примерах сводить процент «чужаков» к проценту замужних женщин, не учитывая вдов, часть которых продолжала жить в общине мужа.

<sup>1</sup> М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1967, № 6.

<sup>2</sup> А. И. Першиц, К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности, «Сов. этнография», 1970, № 2. Дальнейшие ссылки на эту статью даются в основном тексте.

<sup>3</sup> «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в.», М., 1970, стр. 204, 370.

Как бы ни оценивал свою формулу и сопутствующие ей расчеты сам А. И. Першиц, налицо существенное уточнение его взглядов на проблему соотношения кровнородственных и производственных отношений в первобытном обществе. Ведь, как напомнил А. И. Першиц (стр. 108), в 1955 г. он писал, что эти отношения «в основном совпадали»<sup>4</sup>, а в 1960 г. он даже отбросил оговорку «в основном» и выразил мнение, что «производственные отношения в первобытной общине совпадали с материнско-родовыми отношениями»<sup>5</sup>. Характерно, что в рассматриваемой нами статье (стр. 106) А. И. Першиц в отличие от некоторых предыдущих своих работ<sup>6</sup> занял осторожную позицию в отношении гипотезы изначальности и универсальности дислокального брака как необходимой стадии в истории развития семейно-брачных отношений — той самой гипотезы, которая сторонникам «концепции совпадения» служит основным логическим аргументом.

Уточнение взглядов А. И. Першица на проблему соотношения кровнородственных и производственных отношений в первобытном обществе — уточнение, на мой взгляд, интересное и плодотворное — не сопровождается, однако, в рассматриваемой статье внесением коррективов в понимание некоторых других, неразрывно связанных с этой, проблем. К их числу относится прежде всего проблема соотношения рода с хозяйственным коллективом — родовой общиной.

В марксистской исторической науке принято выделять два основных типа общины — родовую и соседскую, — а также большесемейную общину, как важнейшую промежуточную ступень между ними<sup>7</sup>. Родовая община — ранняя форма первобытного хозяйственного коллектива. В основе ее организации лежат родственные связи, хотя она отнюдь не сводится к ним. Соседская община, возникшая на стадии разложения первобытнообщинного строя и перешедшая в классовое общество, покоится на территориальных связях, но родственные отношения могут играть в ней немалую роль.

Излагая концепцию Н. А. Бутинова о папуасской родовой общине, А. И. Першиц пишет, что, по данным этого исследователя, родовая экономика у папуасов резко преобладает над семейной (стр. 107). Но если обратиться к работам Н. А. Бутинова, в том числе к страницам, на которые непосредственно ссылается А. И. Першиц, сразу станет очевидным, что Н. А. Бутинов отвергает указанный тезис и повсюду пишет о преобладании экономики общинной<sup>8</sup>. Столь неточное изложение взглядов Н. А. Бутинова, по-видимому, объясняется тем, что сам А. И. Першиц склонен отождествлять род и родовую общину<sup>9</sup>. Однако, как справедливо отметил в ходе дискуссии М. В. Крюков, совпадение этих двух социальных институтов было возможно лишь на гипотетической стадии дислокального брака<sup>10</sup>. При господстве же унилокального

<sup>4</sup> А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа его периодизации, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 26.

<sup>5</sup> А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, (ТИЭ), т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 163.

<sup>6</sup> См., например: А. И. Першиц, Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки, «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 161; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1969, стр. 100, 102, 139, 171.

<sup>7</sup> См., например: Л. Б. Алаев, Община, «Советская историческая энциклопедия», т. 10, М., 1967, кол. 418—424.

<sup>8</sup> Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 180—181. Подробнее см.: его же, Папуасы Новой Гвинеи (Хозяйство, общественный строй), М., 1968.

<sup>9</sup> См., например: А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, стр. 156—157; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 70—71.

<sup>10</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 88—89.

брачного поселения часть рода (в матриликальных обществах — мужчины, в патрилокальных — женщины) в силу закона родовой экзогамии неизбежно уходила по браку в другую общину (или общины), а оттуда в данную родовую общину, в свою очередь, приходили представители другого рода (или нескольких родов).

Разумеется, не следует противопоставлять род родовой общине: ядро последней обычно состояло из сородичей, т. е. членов одного рода. Но столь же неправильно, на мой взгляд, при анализе структуры первобытного общества смешивать эти две формы социальной организации: всякий род делился по меньшей мере на две части, находящиеся в разных общинах, тогда как в любой родовой общине жили и работали представители нескольких (минимум двух) родов. Кстати говоря, в пользу такого понимания соотношения рода и родовой общины свидетельствует и формула, выведенная А. И. Першицем. Ведь даже согласно этой формуле родовая община на одну четверть состояла из чужеродцев (или чужеродок).

\* \* \*

Итак, за исключением гипотетической стадии дислокального брака, род не совпадал с первобытным хозяйственным коллективом. Это подчеркивает, в частности, Ю. И. Семенов — наиболее последовательный сторонник концепции изначальности и универсальности дислокального брака и связанной с ней концепции совпадения кровнородственных (или, как он существенно уточняет, родовых) отношений с производственными<sup>11</sup>.

Однако несовпадение рода с хозяйственным коллективом — частичное, а не абсолютное — отнюдь не дает, на мой взгляд, оснований для умаления значения рода в структуре первобытного общества. В эпоху расцвета общинно-родового строя род обладал не только надстроечными функциями, не только регулировал семейно-брачные отношения, т. е. в конечном счете воспроизводство самого человека как важнейшей производительной силы, но и влиял на процесс производства и распределения материальных благ. Ведь, как только что отмечалось, в хозяйственном коллективе той эпохи обычно имелось родовое ядро. Именно это ядро (а через него род в целом) выступало в роли коллективного собственника земли, тогда как люди, пришедшие в данный коллектив по браку, обычно сохраняли соответствующие права в той общине, ядро которой составляли их сородичи. Наконец, родовые нормы, в первую очередь экзогамия, будучи сами опосредствованным отражением глубинных процессов социально-экономического развития, в значительной мере определяли состав родовой общины.

Разумеется, функции рода не оставались неизменными на протяжении всей истории общинно-родового строя. Они стали сужаться, а значение рода — соответственно падать, когда этот строй начал клониться к упадку. «Нелепый религиозный элемент, — подчеркивал Маркс, — становился самым главным фактором для рода по мере того, как исчезали реальное сотрудничество и общая собственность; запах ладана — он-то оставался»<sup>12</sup>.

В эпоху расцвета первобытного общества род был немислим без родовой общины, родовая община — без рода. В этой связи некоторые советские этнографы говорят о диалектическом единстве этих двух социальных институтов. Как известно, диалектическое единство существенно отличается от метафизического: оно включает и момент различий, и момент противоречий. В ходе исторического развития, на стадии разложе-

<sup>11</sup> Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 87.

<sup>12</sup> К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941, стр. 139.

ния первобытного общества и становления классовых отношений, это диалектическое единство разрушается: род деформируется и постепенно отмирает (хотя нередко сохраняется «родовая» оболочка на новых социальных отношениях), а родовая община, пройдя ряд промежуточных форм, превращается в соседскую.

В недрах общинно-родового строя, на сравнительно раннем этапе его развития, возникает еще один социальный институт — семья, которая в дальнейшем становится важным элементом социальной организации. Первоначально слабая, непрочная, практически лишенная экономических функций, семья эволюционирует по мере развития общества, подчиняясь общим законам его развития, хотя биологический аспект семьи и обуславливает известную опосредствованность этой зависимости.

Не требуется специального анализа, чтобы понять, что парная семья в условиях унилокального брака входила в состав первобытного хозяйственного коллектива. На первых порах семья почти не выделялась из общины, но на более высокой ступени общественного развития, все более обособляясь, она стала превращаться в относительно самостоятельную ячейку внутри трансформирующей общины.

А состоял ли род из семей? Этот вопрос, несомненно, заслуживает внимания, ибо, как отмечали участники дискуссии, он до сих пор нередко толкуется по-разному в советской этнографической литературе<sup>13</sup>. Мне кажется, что ответ отчасти ясен из уже рассмотренного выше соотношения рода и родовой общины. Но в конечном счете решение этого вопроса зависит от понимания сущности рода.

\* \* \*

Как хорошо известно из философской литературы, категория сущности отражает прежде всего внутреннюю определенность предмета или явления, его структуру, внутренние законы и связи, отличающие его от других предметов или явлений. Каков же тот оселок, та лакмусовая бумажка, с помощью которых род можно отличить от других социальных институтов первобытности? Заслуга решения этой проблемы принадлежит Л. Г. Моргану.

По Моргану, род — экзогамный коллектив кровных родственников, ведущих при однолинейном счете родства происхождение от общего предка и имеющих общее родовое имя. От других социальных институтов первобытного общества род отличает прежде всего обычай экзогамии. В соответствии с этим обычаем, исключавшим возможность браков внутри рода, муж и жена неизбежно принадлежали к разным родам. Отсюда, как подчеркивал Морган, вытекает, что первобытный род не мог состоять из семей<sup>14</sup>.

Концепция Morgana о сущности рода была принята Марксом, как видно из его аналитического конспекта «Древнего общества»<sup>15</sup>, и разви-

<sup>13</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85 (см. здесь некоторые примеры); Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 80.

<sup>14</sup> Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38—39, 45, 132, 276—277, 306—310. По мнению М. О. Косвена, экзогамия и классическая патронимия, возникающая на стадии разложения первобытнообщинного строя, но он же отмечает, что «у некоторых народов, например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамна» (М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 116). Если понимать под патронимией сегментированную семейную общину, ядро которой составляет мужская часть патрилинейной генеалогической группы, то «экзогамия» такого коллектива (когда она соблюдается) существенно отличается от родовой экзогамии. Справедливо указав на эти различия, Ю. И. Семенов предложил назвать данное явление экзогамией (см. Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, стр. 80—83). Как мне представляется, можно соответственно говорить и об экзогамии родовой общины.

<sup>15</sup> К. Маркс, Указ. раб., стр. 30, 63—64, 134—135 и др.



та дальше Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Особенно интересна в данной связи та глава книги Энгельса, которая посвящена характеристике ирокезского рода. Как известно, Энгельс считал род ирокезов классической формой первобытного («первоначального») рода<sup>16</sup> и потому дал в этой главе подробный анализ родовой организации, на который неоднократно ссылался в последующих разделах своей книги.

«Никто из членов рода не может вступать в брак внутри рода,— читаем мы в этой главе.— Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет, это — негативное выражение того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые раскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали эту сущность, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, образующие составные элементы родового строя, без понимания и разбора смешиваются в одну кучу... Это и создало безнадежную путаницу... С открытием рода, основанного на кровном родстве, и вытекающей из этого невозможности брака между его членами, эта бессмыслица рассеялась сама собой»<sup>17</sup>.

Только что процитированные высказывания Энгельса имеют большое принципиальное значение, так как в них недвусмысленно изложено понимание сущности рода как экзогамного коллектива кровных родственников. Очень важно и по-прежнему актуально предупреждение Энгельса о том, что недопустимо смешивать в одну кучу род и другие институты, образующие составные элементы родового строя.

Из даваемой Энгельсом характеристики ирокезского рода следует, что этот род никак не мог состоять из семей. Энгельс показывает, что такую структуру имела другая ячейка ирокезского общества — «коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к разным родам»<sup>18</sup>. Как и следовало ожидать, Энгельс проводит различие между этой общиной, состоявшей из парных семей, и родом<sup>19</sup>.

Энгельс возвращается к проблеме сущности рода и его соотношению с семьей при рассмотрении родовой организации Греции и Рима, развивая и конкретизируя сформулированные выше положения. Энгельс, в частности, критикует историков античности за неправильный теоретический анализ этой проблематики. «Не только Грот, — пишет он, — но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности до сих пор не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовывали они многие его признаки, они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода»<sup>20</sup>.

В то же время Энгельс вслед за Морганом сообщает, что в Греции жена переходила во фратрию, а в Риме — в род мужа<sup>21</sup>. Не противоречат ли эти факты изложенной выше концепции сущности рода? Нет, не противоречат. Ведь Энгельс не случайно подчеркивает, что историки античности, видевшие в роде группу семей, «не могли понять природу и происхождение рода»<sup>22</sup>.

<sup>16</sup> Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 86-87, 120.

<sup>17</sup> Там же, стр. 88 (разрядка моя.— Д. Т.).

<sup>18</sup> Там же, стр. 53.

<sup>19</sup> Там же, стр. 52—53, 98.

<sup>20</sup> Там же, стр. 102.

<sup>21</sup> Там же, стр. 101, 121, 124.

<sup>22</sup> Там же, стр. 102 (разрядка моя.— Д. Т.).

Род, как и всякое другое общественное явление, имеет свою историю; он прошел этапы возникновения, расцвета, упадка и гибели. Когда стремятся познать природу и происхождение рода, т. е. его генезис и сущность, обращаются к классическим примерам первобытного рода, а не к родам, находящимся на стадии разложения и гибели, так как на этой стадии исчезают многие важнейшие особенности родовой организации и появляются новые черты, противоречащие самой сущности рода и порожденные развитием частной собственности и моногамии. Если же приходится изучать под этим углом зрения разлагающиеся роды, первая задача исследователя заключается в том, чтобы провести четкое различие между нормами и обычаями, сохранившимися от более древней эпохи, и теми, которые появились в новых условиях и подрывают основы родовой организации. Именно так подходил Энгельс к изучению родовой организации Греции и Рима, о чем красноречиво свидетельствуют соответствующие главы его книги.

Та форма греческого и римского родов, которая рассмотрена Энгельсом в главах «Греческий род», «Возникновение Афинского государства» и «Род и государство в Риме», как известно, относится к последним ступеням разложения первобытнообщинного строя и к классовому обществу. Существенно дополнив и уточнив концепцию Моргана, Энгельс ввел, по его собственным словам, «экономические обоснования» в исследование тех глубоких перемен, которые произошли в данную эпоху. «Смена форм,—подчеркивал он в этой связи,—в основном изображена Морганом, анализ же порождающего ее экономического содержания мне приходится большей частью добавлять»<sup>23</sup>.

Характеризуя в главе «Греческий род» высшую ступень варварства на примере «греческого строя героической эпохи», Энгельс выделяет следующие ее черты: «отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»<sup>24</sup>. А в заключительной главе своей книги, возвращаясь к характеристике данной эпохи, Энгельс подробно показывает, как «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность»<sup>25</sup>. При этом Энгельс отмечает, что экономическую подоплеку разложения и гибели родовой организации вскрыл Маркс, указавший, что «*имущественные различия* в одном и том же роде вызвали вместо прежней общности интересов *антагонизм* между его членами»<sup>26</sup>.

Из анализа, проведенного основоположниками марксизма, вытекает, что по той форме греческого и римского родов, которая существовала в рассматриваемую эпоху, очень трудно или даже невозможно судить о

<sup>23</sup> Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 27, 109. Рассматривая «общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства», Энгельс подчеркивал: «Здесь «Капитал» Маркса будет нам столь же необходим, как и книга Моргана» (там же, стр. 156).

<sup>24</sup> Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 108.

<sup>25</sup> Там же, стр. 164.

<sup>26</sup> К. Маркс, Указ. раб., стр. 153—154.

происхождении и сущности рода<sup>27</sup>. И действительно, характеризуя эти роды, Энгельс прослеживает «проникновение в родовой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм»<sup>28</sup>, подчеркивает, что внедрением принципов частной собственности «была подорвана основа всего родового права»<sup>29</sup>. Это были, как правило, деформированные роды, утратившие ряд важнейших функций и черт (даже экзогамия нарушалась, когда дело касалось браков с наследницами); они существенно отличались от классических родов первобытности. Римский *gens*, в частности, в рассматриваемую Энгельсом эпоху настолько переродился, что возникает далеко не праздный вопрос, можно ли его без серьезных оговорок называть родом.

Переход женщины из своего рода в род мужа принадлежит к числу норм, возникающих на стадии разложения общинно-родового строя, когда, как неоднократно подчеркивал Энгельс, в результате накопления богатств в семье и постепенного перехода к моногамии «семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»<sup>30</sup>. Не случайно этого обычая не было, например, у австралийцев, папуасов и меланезийцев<sup>31</sup>, а из коренных жителей Америки его знали только некоторые племена, стоявшие на пороге классового общества<sup>32</sup>. И у римлян, как отмечал Маркс, этот обычай появился лишь в «позднейший период» существования их родовой организации<sup>33</sup>.

То же самое можно сказать о сходном обычае (вернее, другой форме упомянутого выше обычая) — о включении мужа в род жены. Оно отмечено в некоторых матрилинейных обществах, также находившихся на стадии разложения общинно-родового строя и формирования классового общества<sup>34</sup>.

Как видим, обычай приема в род по браку не имеет отношения к проблеме происхождения и сущности рода. Появление этого обычая, противоречащего родовым нормам, — свидетельство глубокого разложения рода, его деформации в новых исторических условиях, а в некоторых случаях и превращения рода в существенно иную форму социальной организации.

---

<sup>27</sup> Маркс отмечал, что историки античности по особенностям рода, «каким он являлся в позднейшем периоде варварства», пытались судить о роде вообще и потому допустили грубейшие ошибки в трактовке этого социального института (К. Маркс, Указ. раб., стр. 30).

<sup>28</sup> Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 121.

<sup>29</sup> Там же, стр. 100.

<sup>30</sup> Там же, стр. 162.

<sup>31</sup> Единственное известное мне исключение — прием женщины в генеалогическую родовую группу мужа у моту, живущих в окрестностях города Порт-Морсби, административного центра колонии Папуа — Новая Гвинея (С. G. Seligman, *The Melanesians of British New Guinea*, Cambridge, 1910, p. 79). Следует, однако, учитывать, что уже в начале XX в. самобытный жизненный уклад этой папуасской группы был основательно разрушен. У моту распространилась работа по найму, сложилась соседская община. Родовые связи еще принимались во внимание при заключении браков, но родовая экзогамия часто нарушалась (там же, стр. 82).

<sup>32</sup> См., например: Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, М., 1961, стр. 174, 211.

<sup>33</sup> К. Маркс, Указ. раб., стр. 30.

<sup>34</sup> Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, стр. 92. Обычай приема в род по браку, существенно изменивший родовую структуру, по-видимому, можно считать развитием в новых социально-экономических условиях и в качественно иной форме обычая адоптации (усыновления или удочерения) родом отдельных «чужаков». Такая адоптация не покрывала закона родовой экзогамии, ибо приемыши полностью подпадали под действие этого закона и для них становились запретными брачные и вообще половые отношения со всеми без исключения членами данного рода.

Из выдвинутой Морганом, поддержанной Марксом и развитой далее Энгельсом концепции сущности рода следуют определенные выводы. В тех нечастых в советской этнографической литературе случаях, когда утверждается, что тот или иной первобытный род состоял из семей, в особенности когда такое утверждение основано не на анализе фактического материала, а на априорных представлениях (например, на смешении рода с родовой общиной), мы встречаемся, на мой взгляд, с отступлением от этой концепции, шагом назад ко временам Нибура и Моммзена. Характерно, что в аналитическом конспекте «Древнего общества» Маркс отмечает тесную связь трактовки рода как совокупности семей с патриархальной теорией первобытности<sup>35</sup>.

Сложнее обстоит дело, когда такая трактовка прилагается к родственным коллективам эпохи разложения первобытного строя или «родовым» объединениям классового общества. Например, среди советских специалистов по народам Сибири, Средней Азии и Казахстана встречаются исследователи, придерживающиеся расширительного понимания термина «род», которое допускает указанную трактовку. Однако сами эти этнографы в большинстве случаев подчеркивают отнюдь не первобытную специфику изучаемых «родов». Как справедливо отмечалось недавно в одной из обобщающих статей, многочисленными исследованиями советских ученых установлено, что у целого ряда народов Средней Азии и Казахстана «в XIX — начале XX вв. так называемые «племена» и «родовые» группы под оболочкой рода скрывали глубокий классовый антагонизм и многообразные формы феодальной и полуфеодальной эксплуатации»<sup>36</sup>. Что же касается народов Северной Сибири, находившихся в указанный период на различных стадиях разложения патриархально-родовых отношений, то Б. О. Долгих (сторонник тезиса «род состоит из семей») сопоставляет их древнейшие («первоначальные», по его терминологии) роды с «описанными Морганом и Энгельсом греческими фратриями и римскими куриями»<sup>37</sup>.

Но даже должный учет уровня социально-экономического развития изучаемых обществ сам по себе не всегда достаточен. В интересах терминологической определенности — неотъемлемого условия глубокого анализа сложных теоретических проблем — было бы во многих случаях полезно задуматься над тем, имеет ли исследователь дело с поздними, часто пережиточными формами рода или с другими социальными институтами. В этой связи несомненный интерес представляет отмеченное в ходе дискуссии М. В. Крюковым у древних китайцев, а С. И. Вайнштейном у тофаларов сосуществование поздних форм рода с патронимической организацией<sup>38</sup>. Тенденция к более осторожному и научно обоснованному употреблению термина «род» проявилась и в некоторых других, недавно опубликованных работах. Так, необходимость строгого от-

<sup>35</sup> К. Маркс, Указ. раб., стр. 30.

<sup>36</sup> Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова, Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 37—38. См. также А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Изв. ГАИМК», вып. 103, М.—Л., 1934; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, ТИЭ т. IX, М.—Л., 1950; С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX вв., ТИЭ, т. LXXIV, М., 1962.

<sup>37</sup> «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», стр. 89.

<sup>38</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 90—93; С. И. Вайнштейн, Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов, «Сов. этнография», 1968, № 3.

личать род от других видов социальной организации указала З. П. Соколова, установившая, что «все перечисленные признаки рода у обских угров в действительности свидетельствуют не о роде, а совсем о других группировках (семья, поселок, фратрии, объединения типа махум)»<sup>39</sup>.

Советские этнографы и другие специалисты по первобытности приходят к 150-летию со дня рождения Энгельса с немалыми достижениями, сосредоточив усилия на разработке еще не решенных проблем. Глубокий учет всех высказываний классиков марксизма-ленинизма о первобытном обществе и творческое развитие этого богатейшего теоретического наследия, привлечение нового фактического материала, в частности путем широкого применения комплексных методов исследования, терминологическая ясность и определенность — в неуклонном следовании этим традициям советской науки о первобытности залог ее дальнейших успехов.

## ON THE PROBLEM OF THE NATURE OF THE GENS

The author stresses that exogamy forms an integral feature of the gens. Consequently the primitive gens could not consist of families. The author urges the importance of distinguishing between the gens and other institutions of primitive society. In this connection he brings under consideration the interrelation between the gens, the family and the community.

---

<sup>39</sup> «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», стр. 134—135.

---

Л. В. Остапенко

## ДЕРЕВНЯ ГАДЫШИ СЕГОДНЯ \*

Деревня Гадыши расположена в Вышневолоцком районе Калининской области. Этот район, часть которого еще в 20-е годы входила в состав Новгородской губернии, типичен для северо-западной области Центрального района, где имеются некоторые специфические черты как в экономике, так и в материальной культуре.

В начале 20-х годов в деревне Гадыши было проведено весьма тщательное и всестороннее исследование жизни местного населения. Результаты этого исследования обобщены в двухтомном труде его автора — М. Я. Феноменова<sup>1</sup>. Эта работа отличается разнообразием и обилием материала и, хотя некоторые выводы автора спорны, по-видимому, в целом книга М. Я. Феноменова отражает реальную картину жизни крестьян в тот период.

Сравнение результатов исследований одного и того же населенного пункта в 20-х и 60-х годах поможет показать изменения в культуре и быту современного сельского населения, новые черты в его жизни, что и является основной задачей нашей работы.

Деревня Гадыши типична для крупных деревень Вышневолоцкого района. Однако большинство ее жителей работает в настоящее время на Шлинском лесозаводе и, следовательно, не может представлять всего сельского населения нашей страны. Для того, чтобы в исследовании были представлены разные слои трудящихся села — колхозники, работники совхоза и промышленного предприятия — в наше обследование были включены также близлежащие деревни из колхоза «Память Ильича» и совхоза «Фировский». Две крупные деревни служат хозяйственными и административными центрами, и две более мелкие расположены на расстоянии 12 км от центральных усадеб. Эти небольшие деревни были взяты для исследования потому, что они типичны для большинства деревень Калининской области, где более 90% населенных пунктов составляют поселения с числом жителей до 200 человек.<sup>2</sup> Основная масса населения в избранных нами деревнях была представлена русскими. Материалы собирались нами в 1967—1968 годах.<sup>3</sup>

\* Настоящее сообщение — предварительный набросок, не затрагивающий всех сторон исследования.

<sup>1</sup> М. Я. Феноменов, Современная деревня, М.-Л., т. I—II, 1925.

<sup>2</sup> «Сельские населенные места РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.)», М., 1961, стр. 53.

<sup>3</sup> Проводилось выборочное обследование. Выборка случайная непропорциональная. Районом выборки служила социально-профессиональная группа. При генеральной совокупности 2247 человек для обследования было избрано 1185 человек, в том числе в Гадышах — 345, в деревнях колхоза — 405, в деревнях совхоза — 435. Основными методами исследования служили: интервью по опросному листу, беседы, личное наблюдение, исследование бюджетов времени, изучение документальных материалов. При обработке данные, полученные путем непропорциональной выборки, взвешивались за счет различных поправочных коэффициентов для доведения их до единой доли представительства. Социальная структура общества и основные принципы выборки разработаны

По сравнению с 20-ми годами деревня Гадыши вместе с составляющим ее продолжением поселком «Комсомольский» значительно выросла. Если в 1921 г. в Гадышах было всего 82 двора и 477 душ населения, то в 1968 г. здесь насчитывалось уже 276 хозяйств и 762 человека. Единственным элементом благоустройства Гадышей в начале 20-х годов, как писал М. Я. Феноменов, был пожарный сарай с двумя насосами, из бытовых учреждений — магазин и столовая, из учреждений культуры — клуб. В настоящее время Гадыши обеспечены почти всеми основными культурно-бытовыми учреждениями<sup>4</sup>. Еще в 1930-е годы деревня была электрифицирована и радиофицирована. В местном отделении связи есть телефон, который дает возможность связаться с любым населенным пунктом. В полутора-двух километрах от центра Гадышей, где в настоящее время расположены контора и корпуса Шлинского лесозавода, находится железнодорожная станция «Шлина». Два раза в сутки здесь останавливаются поезда, идущие по линии Бологое — Великие Луки. Из села Рождество, лежащего в 8 км от Гадышей, несколько раз в сутки отправляются автобусы в районный центр Вышний Волочек.

По обеспеченности культурно-бытовыми учреждениями Гадыши не выделяются среди других крупных сел и деревень Вышневолоцкого района. В мелких деревнях культурно-бытовых учреждений меньше. Однако, поскольку отдельные населенные пункты расположены не слишком далеко друг от друга, а у многих сельских жителей имеются велосипеды, можно сказать, что все сельское население района имеет возможность пользоваться учреждениями культуры и бытового обслуживания.

Еще в 20-е годы, как сообщают многие исследователи, в деревнях развернулось широкое жилищное строительство. М. Я. Феноменов писал, что в Гадышах в начале 20-х годов насчитывалось до 30% новых изб. В настоящее время в этой деревне 40,6% всех изб построено в послевоенные годы, из них более половины в 1956 году и позже. Изб, выстроенных до 1926 года, всего 8,4%. В центральной усадьбе колхоза «Память Ильича» старых изб — 11,8%. В более отдаленных от центра небольших деревнях их несколько больше, но ни в одной из обследованных деревень доля старых изб не превышает 20%<sup>5</sup>.

В последнее время отдельные предприятия, колхозы, совхозы возводят для своих работников жилые дома с городской планировкой. В Гадышах, например, выстроено три многоквартирных двухэтажных дома, в деревнях совхоза «Фировский» — 4 одноэтажных многоквартирных дома, в деревнях колхоза «Память Ильича» — 2.

Появляется все больше кирпичных домов. Для кровли используются шифер, железо и другие более прочные материалы, постепенно вытесняющие старое традиционное для этих мест покрытие дранкой.

Разительно изменилось внутреннее убранство домов сельских жителей. Исследуя крестьянское жилище в Гадышах в 20-е годы, М. Я. Феноменов так описывал традиционную крестьянскую обстановку: «Посель направо или налево от входа, напротив печи. В переднем углу — божница и стол. Рядом с печью небольшой шкафчик. По стенам лавки. Необходимая принадлежность избы — зыбка»<sup>6</sup>. Стулья, буфеты и гардеробы в 20-е годы стали появляться лишь у зажиточных крестьян (их изготавливал местный столяр). Они считались предметом роскоши и были доступны далеко не каждому. В настоящее время в Гадышах и в других

в следующих книгах и статьях: «Проблемы изменения социальной структуры советского общества (Методологические проблемы)», М., 1968; Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968; его же, Социальная структура сельского населения, «Вопросы философии», 1966, № 5 и других.

<sup>4</sup> В 1968 г. в Гадышах имелись следующие учреждения культуры и бытового обслуживания: клуб, библиотека, восьмилетняя школа, три магазина, пекарня, столовая, баня, детские ясли и сад, медицинский пункт.

<sup>5</sup> Рассчитано по данным хозяйственных книг деревни Гадыши, всех деревень, расположенных на территории колхоза «Память Ильича» и совхоза «Фировский».

<sup>6</sup> М. Я. Феноменов, Указ. раб., т. 1, стр. 32.

обследованных деревнях нет ни одного жилища, обстановка которого полностью соответствовала бы старой традиционной. Стулья имелись у 100% обследованных семей, более 90% семей имели платяные шкафы, более 60% — буфеты, более 50% — письменные столы и этажерки, около 10% — серванты<sup>7</sup>. Лавки сохранились лишь в половине всех обследованных жилищ, а общей посудой пользуются менее чем в 30% семей, причем, это относится главным образом к супругам. Дети и другие члены семьи имеют уже, как правило, отдельную посуду.

Внутреннее убранство жилища, культура быта во многом зависят от возраста, образования, социально-профессиональной принадлежности членов семьи. Как показали результаты нашего обследования, в более молодых семьях, где возраст супругов не превышает 35 лет, а уровень образования — 8—10 классов, в семьях, где супруги заняты умственным или квалифицированным физическим трудом, преобладает современная городская обстановка, стены жилища украшены картинами, коврами. В семьях старшего возраста, где образование супругов ниже и они заняты неквалифицированным физическим трудом, обстановка жилища более традиционна.

На благоустроенность быта существенно влияет также материальный достаток семьи. В настоящее время основу семейного бюджета большинства сельских жителей составляют доходы от общественного хозяйства. Их доля с увеличением размеров среднемесячной заработной платы, особенно низкооплачиваемым работникам в колхозах, становится все более значительной. С 1963 по 1967 год денежные доходы колхоза «Память Ильича» возросли почти в 1,5 раза и оплата труда колхозников увеличилась соответственно в 1,3 раза. Кроме ежемесячной заработной платы они получают еще в конце года дополнительную плату, размер которой зависит от величины и качества урожая. Колхозники имеют также возможность покупать по себестоимости сельскохозяйственные продукты, производимые в колхозе, бесплатно пользоваться колхозными покосами. Колхоз оказывает им существенную помощь и при обработке подсобных участков. Следует учитывать также и другие поступления от общественного хозяйства в виде ссуд, например, на строительство дома, бесплатных путевок в дома отдыха и санатории, пенсий нетрудоспособным и т. п.

Однако, в настоящее время среднемесячный доход, получаемый членами колхоза от общественного хозяйства, несколько ниже заработка рабочих промышленного предприятия и совхоза. По материалам бухгалтерских книг обследованных колхоза, совхоза и лесозавода было высчитано, что в 1968 г. среднемесячный заработок колхозника составлял 78% среднемесячного заработка работника лесозавода и 77% работника совхоза.

Эту разницу в заработной плате работников совхоза, лесозавода и колхозников во многом возмещают большие доходы, получаемые последними от подсобных хозяйств. Личное подсобное хозяйство является в настоящее время еще неотъемлемой принадлежностью жизни подавляющего большинства сельского населения и служит существенным признаком, отличающим быт сельского жителя от быта горожанина. В обследованном колхозе, где среднемесячный заработок ниже, чем в совхозе и на лесозаводе, размеры приусадебных участков равны 0,3 га, в совхозе — 0,2 га, в Гадышах — 0,15 га. Около 70% всех семей в колхозе имеют корову. В совхозе коров держат более одной трети всех семей, а в Гадышах — одна четверть. У работников лесозавода и совхоза имеются средства для приобретения домашнего скота и птицы, но они не расширяют

---

<sup>7</sup> Данные анкетного опроса. Здесь и далее приводятся с учетом поправочных коэффициентов.



свое хозяйство главным образом потому, что не ощущают в этом необходимости.

Весьма показательны результаты опроса сельских жителей об их отношении к личному хозяйству. 38% наших респондентов в Гадышах и 21% в совхозе высказались за ликвидацию личного подсобного хозяйства или сокращение его размеров при условии увеличения заработной платы и улучшения снабжения магазинов различными продовольственными товарами. Причем, люди из более обеспеченных семей ставили только последнее условие. В среднем только 2% опрошенных стояли за увеличение размеров подсобного хозяйства, остальные — за сохранение существующих размеров.

Наши данные говорят о том, что лишь несколько человек из совхозных деревень занимаются продажей на рынке продуктов со своего подсобного хозяйства. Таким образом, как видно, в личном хозяйстве сельских жителей, работающих на государственных предприятиях, в том числе в совхозах, производятся лишь продукты для личного потребления. На труд в личном хозяйстве жители Гадышей расходуют даже в летний день (в среднем мужчины и женщины) 1,1 часа, работники совхоза — 1,2 часа. Это почти в 8 раз меньше времени, затрачиваемого ими на работу в общественном хозяйстве. Роль личного подсобного хозяйства в жизни сельских жителей постепенно уменьшается. Это обстоятельство связано с ростом доходов от общественного хозяйства, а также с тем, что в селе все более расширяется возможность покупки различных продуктов по невысоким ценам.

В жизни колхозной семьи значение личного подсобного хозяйства несколько больше, чем в рабочей. Большинство опрошенных нами колхозников удовлетворено существующими размерами подсобных хозяйств: за сохранение существующих размеров высказалось 80%, за их ликвидацию или сокращение с учетом выше названных условий — 15%, за увеличение — 5%. Современное подсобное хозяйство колхозников не может быть источником сколько-нибудь значительных прибылей, превышающих доходы от общественного хозяйства. Оно так же, как и у рабочих носит потребительский характер, но по сравнению с работниками лесозавода и совхоза, колхозники получают от личного подсобного хозяйства больше продуктов и меньше покупают в магазинах. По нашим данным, на работы в подсобном хозяйстве колхозники затрачивают несколько больше времени, чем работники совхоза и лесозавода. Причем, наибольшее количество времени на эти работы расходуют женщины-колхозницы: около 2,5 часа в среднем в летний день. Однако личное хозяйство не отвлекает их от общественного труда и не мешает ему. Среди опрошенных женщин домохозяйек трудоспособного возраста (в Гадышах они составляли среди всех женщин 9%, в деревнях совхоза — 8%, в деревнях колхоза — 7,4%)<sup>8</sup> не оказалось ни одной, которая объясняла бы свое неучастие в общественном производстве необходимостью работать в личном подсобном хозяйстве (основные причины, на которые они ссылались, — уход за детьми или другими родственниками, занятие домашним хозяйством и т. п.). Эти выводы о значении личного подсобного хозяйства в жизни сельских жителей подтверждаются и результатами других исследований, проведенных в различных районах нашей страны<sup>9</sup>.

Поскольку у колхозников размеры личного подсобного хозяйства больше, чем у работников совхоза и лесозавода, разница в величине общих доходов у этих категорий в значительной степени уменьшается. Между тем у представителей различных социально-профессиональных групп, имеющих приблизительно равные размеры приусадебных хо-

<sup>8</sup> Рассчитано по данным похозяйственных книг деревни Гадыши, деревень колхоза «Память Ильича» и совхоза «Фировский».

<sup>9</sup> См., например; Ю. В. А р у т ю н я н, Опыт социологического изучения села, стр. 59.

зяйств, доходы не одинаковы в связи с существенной разницей в заработной плате. В настоящее время по сравнению с 20-ми годами в сельской местности появилось много новых профессий, увеличилась численность некоторых существовавших ранее социальных групп, например, сельской интеллигенции.

В начале 20-х годов, по данным М. Я. Феноменова, подавляющее большинство жителей Гадышей занималось крестьянским трудом и работало на лесозаготовках. В деревне жили всего 2 учителя, несколько железнодорожных служащих, несколько крестьян-ремесленников. В настоящее время социально-профессиональный состав жителей Гадышей существенно изменился. 21% среди всех работающих составляют интеллигенция и служащие, 67% — рабочие Шлинского лесозавода, причем, 55% рабочих занято квалифицированным физическим трудом. Новый социальный состав Гадышей объясняется тем, что здесь совершенно изменился характер производства. Однако и в социальном составе жителей колхоза и совхоза произошли заметные сдвиги. Среди работающего населения деревень, входящих в колхоз «Память Ильича» (по данным хозяйственных книг) интеллигенция и служащие составляют 16%, механизаторы и другие работники квалифицированного физического труда — 13%. Численность этих социально-профессиональных групп постоянно увеличивается, главным образом за счет членов колхоза, получивших образование или повысивших свою производственную квалификацию. Так, по сравнению с 1963 г. в 1968 г. число работников умственного труда со специальной подготовкой в деревнях, входящих в состав колхоза «Память Ильича», увеличилось в 1,3 раза, а число людей, занятых квалифицированным физическим трудом — в 1,2 раза.

В настоящее время возможности для повышения образования и производственной квалификации в сельской местности еще ниже, чем в городе, однако это не означает, что в селе совсем нет социальной мобильности, перехода из одной социально-профессиональной группы в другую. Среди всех опрошенных жителей Гадышей 28% повысило свой социальный статус по сравнению с социальным статусом своих отцов; в обследованных деревнях совхоза — 18%, в колхозных деревнях — 15%. В 1968 г. среди отвечавших на нашу анкету 22% в Гадышах, 15% в совхозе и 12% в колхозе повышали свою производственную квалификацию. Только за полтора года (1967, первая половина 1968 г.) на лесозаводе из группы разнорабочих, например, перешли в группу работников квалифицированного физического труда 7 человек, из них 4 женщины.

Среднемесячная зарплата работников умственного или физического квалифицированного труда почти в 1,5 раза выше зарплаты работников, занятых неквалифицированным трудом. В 20-е годы, когда основной доход семье приносил одиноличное крестьянское хозяйство, уровень материальной обеспеченности зависел от наличия в хозяйстве достаточного количества сельскохозяйственных орудий и построек, рабочего скота, а также рабочих рук. В настоящее время величина основного дохода семьи определяется главным образом размерами заработков, получаемых членами семьи от труда в общественном хозяйстве. Размеры этих заработков, в свою очередь, зависят от характера трудовой деятельности.

Участие взрослых членов семьи в общественно-полезном труде во многом определило их экономическую независимость, повлияло на демократизацию семейных отношений, существенно изменило положение женщины в семье. Женщина, занятая в общественном производстве, выступает уже не просто как член семьи, а как член всего общества в целом. Изменению положения женщин в значительной степени содействовало быстрое повышение их образовательного уровня, причем, темпы роста образовательного уровня женщин опережали темпы роста образовательного уровня мужчин. Имея высокое образование, в том числе специальное, многие женщины села в настоящее время заняты квалифи-

цированными и высоко оплачиваемыми работами. Хотя среди руководителей высшего звена их еще немного, среди специалистов и руководителей среднего и низшего звена женщины уже составляют большинство: в Гадышах — 63 %, в деревнях совхоза — 68 %, в деревнях колхоза — 67 % (рассчитано по материалам похозяйственных книг). Среди работников умственного труда без специальной подготовки преобладание женщин особенно разительно: в Гадышах — 70 %, в деревнях совхоза — 77 %, в деревнях колхоза — 68 %. Среди работников физического квалифицированного труда в колхозе и совхозе женщин немного, так как эти работы требуют еще значительных затрат физической силы. На лесозаводе, где работа на станках и различных механизмах требует не столько физической силы, сколько квалификации, женщины составляют около половины всех работников квалифицированного физического труда.

В настоящее время имеется тенденция выравнивания размеров месячного заработка, приходящегося в среднем на одну работающую женщину и на одного работающего мужчину. С 1963 по 1968 год, например, разница в величине средней месячной заработной платы работающей женщины и работающего мужчины уменьшилась почти в 1,5 раза. Почти в 20 % обследованных семей заработок женщин выше, чем у мужчин. Таким образом, современная женщина села не только имеет самостоятельный заработок, но и величина этого заработка достаточно высока для того, чтобы обеспечить ее самостоятельное существование и существование ее детей.

Кроме выполнения важных и ответственных функций на производстве, многие женщины ведут в настоящее время общественную работу: в Гадышах в 1968 г. в общественной деятельности участвовало 12 % опрошенных женщин, в деревнях совхоза — 12 %, в деревнях колхоза — 10 %. Многие из них занимают выборные должности в общественных организациях, являясь лекторами, агитаторами. Хотя приведенные цифры и невелики, они все же могут свидетельствовать о существенном возрастании социальной роли женщины, увеличении ее престижа среди односельчан. В настоящее время женщины уже не замыкаются в узких рамках своей семьи, своего хозяйства, их интересы и потребности становятся гораздо шире и разнообразнее, чему также в немалой степени способствует значительное повышение их образовательного уровня.

Рост образовательного уровня сельских жителей является характерной чертой современного периода. Среди сельской молодежи все большее число составляли лица, окончившие не 4-х или 5-ти летние школы, а восьмилетки и десятилетки. Особенно ярко видны изменения в уровне образования сельских жителей при сравнении с материалами 20-х годов. По данным М. Я. Феноменова, в начале 20-х годов в Гадышах насчитывалось 60 % неграмотных; среди остальных большинство составляли лица, умевшие только расписываться. Лишь несколько человек имели образование выше начального. Особенно много неграмотных — около 70 % — было среди женщин. В настоящее время при значительном росте уровня образования всех сельских жителей в некоторых возрастных и социально-профессиональных группах образовательный уровень женщин даже выше уровня образования мужчин. В таблицах 1, 2, 3 приводятся данные об общем уровне образования мужчин и женщин (возраста 16 лет и выше) в обследованных деревнях, об образовательном уровне только работающих мужчин и женщин и уровне образования мужчин и женщин различного возраста.

Как видно, наиболее велика разница в образовании у мужчин и женщин в возрасте от 50 лет и старше. Их «школьные» годы приходились на 20—30-е годы, когда в деревне была слабо развита система образовательных учреждений и в значительной степени продолжали сохраняться традиционные взгляды на женщину, ее роль в семье и обществе. Уже в возрастной группе 35—49 лет разница в уровне образования мужчин и

Таблица 1

**Общий уровень образования**  
(среднее число лет обучения)

	Деревня Гадыши	Деревни совхоза	Деревни колхоза 1
мужчины	5,9	5,5	5,2
женщины	4,5	4,7	4,0

Таблица 2

**Уровень образования работающих мужчин и женщин**

	Деревни колхоза	Деревни совхоза	Деревня Гадыши
мужчины	6,2	6,1	5,5
женщины	6,1	6,1	5,7

Таблица 3

**Уровень образования мужчин и женщин различного возраста**

возраст/пол	Деревни колхоза		Деревни совхоза		Деревня Гадыши	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
16—24	5,6	8,1	7,5	7,6	7,3	9,0
25—34	5,8	6,1	6,2	7,8	6,5	7,4
35—49	6,0	5,9	5,9	5,8	5,8	5,8
50—59	4,2	3,6	5,5	2,8	5,1	4,0
60 и старше	4,0	2,1	4,1	1,6	4,1	2,0

женщин почти отсутствует, а в младших возрастных группах образовательный уровень женщин обгоняет уровень образования мужчин.

В настоящее время в Гадышах люди со средним специальным и высшим образованием составляют 12%, среди них более половины — женщины, 23% имеют образование 8—10 классов, среди них также большинство женщин. Вместе с тем в Гадышах, как и в других обследованных деревнях колхоза и совхоза, имеется некоторое количество (около 15%) малограмотных, главным образом среди женщин старше 50 лет, что снижает общий образовательный уровень сельских жителей в целом.

Взросший уровень образования современных сельских жителей является важным показателем изменений, которые произошли в их культуре по сравнению с 20-ми годами, так как рост образования влечет за собой существенные перемены и в духовном облике человека и даже в образе его жизни. Весьма четко это проявляется в изменении характера интересов и потребностей сельских жителей, структуры их досуга. Наряду с ростом образования подъему культуры жителей села, развитию их духовных интересов в значительной степени способствует более широкое распространение в деревне средств массовой коммуникации.

В 1923 г., по сообщению М. Я. Феноменова, в Гадышах получали лишь четыре газеты: 3 экземпляра «Бедноты», 1 экземпляр «Рабочей газеты»<sup>10</sup> В настоящее время в каждой семье выписывают хотя бы одну газету, более половины всех семей получают несколько газет и журналов. Наиболее популярны местная газета «Ленинец» и «Сельская жизнь». Около 30% семей, как в Гадышах, так и в обследованных деревнях колхоза и совхоза, выписывают «Правду» и «Известия». Почти 50% семей имеют радиоприемники, 20% — телевизоры, число которых в селе растет быстрыми темпами. Чтение газет и прослушивание радио стало для большинства сельских жителей одной из основных жизненных потребностей, о чем может свидетельствовать таблица 4.

<sup>10</sup> М. Я. Феноменов, Указ. раб., т. 1, стр. 160.

**Регулярность чтения газет и прослушивания радиопередач опрошенными жителями Гадышей, деревень совхоза «Фировский» и колхоза «Память Ильича»**

	Число опрошенных в %		
	ежедневно	от случая к случаю	практически никогда
читают газеты	89	3	8
слушают радио	94	4	2

Для многих жителей села такой необходимой потребностью становится и чтение книг. В начале 20-х годов в Гадышах книги, главным образом церковные, имелись лишь в некоторых семьях. В 1968 г. в 35% обследованных семей Гадышей, в 36% совхозных семей и в 31% семей колхоза есть домашние библиотеки. В них представлена художественная, политическая и научная литература. Более 25% опрошенных жителей Гадышей, около 20% в колхозе и совхозе являются постоянными читателями библиотек. Лишь около 15%, главным образом малограмотные, а также женщины, имеющие большую семью и загруженные домашними работами, не прочитали за год ни одной книги.

На чтение газет и книг, прослушивание радио и просмотр телепередач 22% жителей Гадышей, 24% жителей совхоза и 19% жителей колхоза расходуют в среднем в будний день около 70% своего свободного времени (это, в основном, люди, имеющие образование от 10 классов и выше, занятые умственным или квалифицированным физическим трудом), 55% в Гадышах, 53% в совхозе и 56% в колхозе — более одной трети, остальные — около одной четвертой своего свободного времени. В выходные дни время на чтение, прослушивание радио и просмотр телепередач увеличивается. Одновременно появляются и другие виды досуга: посещение кино, лекций, участие в читательских конференциях, вечерах отдыха и т. п.<sup>11</sup>. Около 90% опрошенных жителей Гадышей, около 60% — в колхозе и в совхозе ходят в кино примерно раз в неделю. Только 2% в колхозе и совхозе (из жителей небольших отдаленных деревень) вообще не бывают в кино.

Лишь около 8% опрошенных жителей Гадышей, совхоза, и колхоза за 1967 г. не присутствовали ни на одной лекции.

Структура досуга, интересы и потребности во многом зависят от пола, возраста, образования человека. Молодежь, например, предпочитает танцевальные вечера и вечера отдыха, участие в читательских конференциях, диспутах, чтение художественной литературы, в основном, советской, посвященной наиболее острым вопросам современности. Структура досуга людей более пожилого возраста складывается, в основном, из прослушивания радио, чтения, причем, мужчины чаще читают газеты и журналы, а женщины — художественную литературу, в том числе «жизненные» книги на семейно-бытовые темы (особой популярностью у них пользуются рассказы и повести В. Пановой, Ю. Нагибина). Значительную часть своего свободного времени семейные женщины тратят на воспитание детей. В их досуге, особенно у более пожилых, немаловажную роль играют и такие элементы, как посещение и прием гостей, беседы с соседями, просто пассивный отдых.

Таким образом, как видно, структура досуга современных сельских жителей существенно изменилась, в ней не только появились новые элементы, отсутствовавшие в 20-е годы — прослушивание радио и просмотр телепередач, посещение кино и т. п. — но и, как было показано выше, в

<sup>11</sup> В Гадышах и центральной усадьбе совхоза в клубах ежедневно устраиваются киносеансы, в центральной усадьбе колхоза при ежедневной работе клуба киносеансы проводятся три раза в неделю.

структуре досуга многих жителей села эти новые элементы заняли основное место.

Характерной особенностью современного периода по сравнению с 20-ми годами являются существенные изменения и в психологии сельских жителей.

Одной из главных черт, свойственных крестьянину-единоличнику, была привязанность к своему хозяйству, к своему клочку земли, скоту, ибо они были для него основным средством существования. Частная собственность во многом противопоставляла крестьян друг другу, порождала у них частнособственнические, индивидуалистические настроения и чувства, замыкала крестьян в узких рамках своей семьи, своего хозяйства. Принципы крестьянского коллективизма, сами по себе крайне узкие и полные противоречий, ограничивались рамками одной деревни, одной общины. Все, что выходило за ее пределы, было для них чужим и безразличным. Каждая отдельная деревня являлась своеобразной организацией со своим выборным органом, со своими особыми обычаями, привычками, праздниками. Даже в 20-е годы нередко были случаи настоящей вражды между деревнями, доходившие до драк и убийств.

Для современного сельского жителя основой жизни является труд в общественном хозяйстве; привязанность к приусадебному участку и личному хозяйству, как показано выше, в значительной степени ослабела. Он перестает чувствовать себя представителем только своей деревни, а осознает себя равноправным членом большого производственного коллектива и всего общества в целом. Избранным для обследования жителям Гадышей, деревень колхоза и совхоза был задан вопрос о том, что, по их мнению, необходимо построить, приобрести их колхозу, совхозу, предприятию в ближайшее время. 42% опрошенных в Гадышах, 44% в совхозе и 41% колхозников высказались за приобретение техники, постройку хозяйственных помещений, нужных, по их мнению, для расширения, улучшения производства. Остальные опрошенные считают необходимым строить и лучше оснащать местные культурно-бытовые учреждения. Интересен тот факт, что среди них более одной трети называли в числе других такие объекты, которыми они сами или их односельчане фактически совсем не смогут пользоваться или смогут пользоваться крайне редко. Например, жители отдаленной от центральной усадьбы деревни колхоза говорили о целесообразности проведения в центральную усадьбу асфальтированного шоссе, многие жители совхозной деревни, также отдаленной от центра, выступили за построение стадиона для молодежи в центральной усадьбе, в то же время жители центральной усадьбы колхоза говорили о необходимости проведения электричества в одну оставшуюся еще не электрифицированной отдаленную деревню. Эти факты говорят о том, что жители села постепенно осознают общность своих личных интересов с общественными. Замкнутость деревенского мира ликвидируется, в сознании сельских жителей развиваются черты социалистического коллективизма.

Таким образом, приведенные данные показывают, какие значительные изменения произошли по сравнению с 20-ми годами в быту и культуре сельских жителей (в обстановке жилища, в структуре досуга, в положении женщины, в психологии и т. д.). Однако и в настоящее время специфические условия сельской местности, в том числе наличие подсобного хозяйства, характер труда большинства сельских жителей, бытовые условия, меньшая по сравнению с городом обеспеченность культурно-бытовыми учреждениями, влияние традиций и т. п., способствуют сохранению специфических черт в образе жизни жителей села. По мере сближения условий сельской жизни и труда с городскими эта специфика постепенно исчезает. Уже сейчас нельзя говорить о существенных, кардинальных различиях в быту и культуре сельского и городского населения. Общие социально-экономические и политические условия, общест-

венно-полезный труд в условиях общественной собственности на средства производства, составляющий основу жизни как городских, так и сельских жителей, порождает общие черты и в их образе жизни, и в их культуре.

Как показали результаты нашего исследования, в жизни колхозников, рабочих совхоза и лесозавода нет существенных различий, хотя в целом условия жизни и уровень культуры в совхозе и на лесозаводе несколько выше, чем колхозников.

С другой стороны, степень изменений в быту и культуре у различных групп и слоев сельского населения неодинакова. Особенно велика она у людей с более высоким уровнем образования. Среди них немалую часть составляют сельская молодежь, люди, занятые квалифицированными видами трудовой деятельности, образ жизни которых уже в значительной степени приближается к городскому. Культура и быт людей с более низким уровнем образования, занятых неквалифицированным физическим трудом, имеют больше традиционных черт. Таким образом, современное сельское население по условиям труда и быта и по культурному уровню не представляет собой единой однородной массы. Поскольку определенная часть сельских жителей уже в значительной мере отошла от традиционного деревенского уклада жизни, от традиционной крестьянской культуры, можно сказать, что такие же изменения возможны в быту и культуре остальных слоев сельского населения при соответствующих изменениях в условиях их труда и быта, а также с повышением их общего и специального образования.

---

**И. С. Гурвич**

## **АЛЕУТЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ**

История алеутов, поселенных в 1826 г. на Командорских островах, не богата событиями. Однако эволюция их хозяйственного и культурно-бытового укладов за почти полуторавековой период представляет несомненный интерес для этнографа. Имеющиеся материалы позволяют не только осветить этот своеобразный процесс, но и проследить этническое развитие алеутов. Хотя об алеутах имеется относительно большая литература, эти вопросы в ней должным образом не освещены. Между тем этническая судьба командорских алеутов, одной из самых малочисленных народностей нашей страны, представляет значительный интерес для понимания этнического развития малых народов Севера.

Имеется много описаний истории заселения Командорских островов Российско-Американской компанией<sup>1</sup>. В 1827 году на острове Беринга уже было 110 жителей, среди них алеуты с островов Атту и Атха, а так же метисы (потомки от браков русских с алеутскими женщинами) и русские. Впоследствии компания подселяла алеутов с островов Прибыловых, Лисьих, Андреяновских<sup>2</sup>. С конца 40-х годов XIX в. она стала доставлять на Командорские острова и промысловых рабочих русских, зырян, цыган. С о. Кадьяк было привезено несколько эскимосов. В 1872 г. уже после упразднения Российско-Американской компании с о. Атту было доставлено 30 алеутов. В 1888 г. с Камчатки (м. Лопатка) были переселено 26 алеутов и курильцев (айнов)<sup>3</sup>. На Командорах алеуты разных островов смешались между собой, а затем и с потомками служащих компании — русских, поляков, литовцев.

Смешанные в национальном отношении браки имели широкое распространение на Командорах. Потомки от смешанных браков называли себя «креолами». Родством с русскими и другими пришельцами они весьма гордились и обижались, когда их называли алеутами, а не креолами, хотя по образу жизни, хозяйству и культуре они не отличались от алеутов<sup>4</sup>. Термин «креол» был узаконен на островах. В метрических книгах командорской церкви за 1902 г. встречаются, например, следующие записи: сентябрь — родилась Елизавета, родители — креол Федор Федорович Велокитников и Анна Ивановна, восприемник — креолка Анна Будакова; октябрь — родился Дмитрий, родители — алеут Савва Дмитриевич Юрьев и Мария Ивановна, восприемник — алеут Лаврентий Будаков. В этом же году браком сочетались алеут Михаил Севастьянов Шадрин и креолка Матрена Аврамовна Бадаева, креол Семион Алексеевич Бадаев и алеутка Александра Евдокимовна Каурова<sup>5</sup>.

\* В статье использованы материалы, собранные летом 1968 г. северо-восточным отрядом Северной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР на о. Беринга.

<sup>1</sup> Ф. Литке, Путешествие вокруг света... в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, ч. 1—3, СПб., 1834—1836; изд. 2, М., 1948, стр. 94—95.

<sup>2</sup> Е. К. Суворов, Командорские острова и пушной промысел на них, СПб., 1912, стр. 98.

<sup>3</sup> С. К. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири, СПб., 1911, стр. 148—153.

<sup>4</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 98.

<sup>5</sup> Архив Алеутского района.



Переселенцы-алеуты — основной этнический элемент на Командорских островах — принесли с собой многие специфические навыки, выработанные на прежней родине. Главным занятием их на Командорских островах была охота на морского зверя — сивуча, котика и морскую выдру (калана) <sup>6</sup>.

Первые переселенцы обладали искусством изготовления каяков — однолючных (одноместных) и двулючных (двуместных) каркасных лодок, обтягивавшихся шкурами сивуча. Использовались и открытые каркасные лодки — байдары, рассчитанные на 12—18 человек. На каяках подкрадывались к морскому зверю. Основное орудие лова — копье-гарпун состояло из древка с костяным съемным наконечником. Бросали копье («стрелку») с помощью копьеметалки. Воспоминания об этой охоте еще сохраняются в памяти населения. В конце XIX в. алеуты о. Медного иногда отваживались выходить в море на байдарках. В 1910 г. однолючная лодка хранилась в семье Хабаровых. Старики-алеуты еще недавно изготавливали игрушки-сувениры — модели байдар и каяков.

На промысле охотники-алеуты носили непромокаемые глухие плащи «камлейки» с капюшоном. Во время промысла капюшон и манжеты плотно затягивались специальными завязками. Хотя камлейка считалась рабочей одеждой, манжеты расшивали цветными нитками, а завязку капюшона снабжали яркой бусиной. Камлейки шили из кишок сивуча. Кишки обрабатывали следующим образом: чистили, промывали, соскабливали с них жир ножом, затем натягивали на жердь, выворачивали и сушили на воздухе. Когда кишки высыхали, их разрезали на полосы шириной 10—12 см и наматывали на палку <sup>7</sup>. Из кишок одного большого сивуча выходило две камлейки <sup>8</sup>. Из горла котика шили рукавицы, брюки. Шапки, жилеты изготавливали из шкурок детенышей котиков. Шкуры дубили кислым тестом, мездру размягчали специальными железными скребками с двумя ручками.

Алеуты носили мягкие сапоги — торбаза. Голенища шили из нерпичьей шкуры, подошвы выкраивали из шкуры сивуча, изредка — котика. Шкуры нерп для обуви обрабатывали так: свежую шкуру клали в траву или в сырое место на 10—12 дней, затем удаляли с нее жир и волос. После этого шкуру сушили, дымили, мяли, размягчали и смазывали жиром. Головки к торбазам изготавливали из нерпичьей шкуры с мехом, мездру скоблили, затем шкуру коптили и чернили золой. С подошв волос не удалялся. За обувью тщательно ухаживали. Чтобы торбаза при сушке не деформировалась, в них вкладывали особые деревянные колодки — «каптуши» — с клином. Переселенцы носили парки из птичьих шкурок. Обычно их шили из шкурок топориков (морская птица) и украшали крашеными ремешками из нерпичьей шкуры. По словам наших информаторов, в конце XIX в. глубокие старухи-алеутки иногда еще надевали парки из птичьих шкур. От жителей Камчатки были заимствованы короткие, подбитые камусом лыжи.

Основной пищей населения было мясо сивучей и котиков, рыба, моллюски и съедобные корни. Широкое распространение у переселенцев имели плетеные изделия — корзины, сумки, циновки из травы.

Вместе с тем в период переселения алеуты утратили ряд архаических элементов своей культуры. На Командорах они уже не строили землянок, входом в которые служило дымовое отверстие в крыше. Жили они в «юртах» — домах, построенных из плавникового леса, обложенных дерном. Пол в них был земляной. Крыши крыли травой. Обогревались такие жилища печами. Источником освещения служили жировые лампы.

<sup>6</sup> На Командорских островах и в литературе о них каланов обычно называют морскими бобрами.

<sup>7</sup> Со слов жительниц о. Беринга Ю. С. Ладыгиной, Е. Г. Поповой.

<sup>8</sup> Е. П. Орлова, У алеутов на Командорских островах, Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, № 8, 1962, стр. 6.

Переселенцы перестали носить те традиционные алеутские украшения, которые продевались через губы и щеки. Однако некоторые еще татуировались.

Забыты и многие древние религиозные обряды, так как переселенцы были обращены в христианство еще на Алеутских островах. Изменился, в частности, похоронный обряд.

Во второй половине XIX в. произошли значительные изменения в традиционной культуре алеутов, занесенной на Командоры. Это было вызвано влиянием командорской администрации Российско-Американской компании, а с 1871 по 1890 г. арендатора островов — Американского торгового дома «Гутчинсон и К°», принуждавших алеутов усиленно заниматься добычей котиков, бобров, песцов и регламентировавших всю общественную жизнь населения. К концу XIX в. на Командорах сложился своеобразный хозяйственный комплекс, сочетавший в себе как традиционные, так и новые черты. Расспросы населения и имеющиеся описания быта промышленников позволяют восстановить хозяйственный цикл алеутов<sup>9</sup>. В январе — феврале они готовились к промыслу каланов (морских бобров). Бобровые сети обычно имели длину до 30 м, а высоту 3 м. На одного охотника приходилось 2—4 сети.

Охотиться на каланов (бобров) алеуты о. Медного начинали в марте. К месту охоты — бобровому лежбищу отправлялись на килевых весельных лодках длиной от 5 до 10—12 м. На каждой было четыре или шесть гребцов и один рулевой. Для промысла создавались специальные артели (команды) из четырех — семи охотников. Обычно в артели объединялись родственники. Главой артели считался наиболее опытный промысловик. Но никакими особыми льготами, судя по словам наших информаторов, он не пользовался. Всей охотой руководил старшина поселка. Промысел длился около двух месяцев. Сети на каланов натягивали на скалах у гротов-«тайников» подле лежбища. За сетями наблюдали с берега. Для этого использовали бинокли или подзорные трубы. Обычно за сутки сеть переключивало прибоем, забивало морской капустой. Тогда ее снимали и заменяли другой. Сети нередко уносило водой. В штормовую погоду сети убирали. Опасаясь спугнуть зверя, охотники на промысле не разводили костров. Ночевали обычно в палатках или под перевернутыми лодками. Хотя выезжали на промысел артелями, пойманный зверь считался собственностью того охотника, в сетях которого он запутался. Если же животных добывали на берегу, то добычу делили по паям.

На птицу усиленно охотились ранней весной с ружьем или чиручем — сачком, прикрепленным к длинному шесту. На птичьих базарах собирали яйца. На этот промысел отправлялось обычно несколько человек. Нередко охотники опускали сборщика яиц в расщелины скал на веревке, а затем вытягивали его. Сбор яиц производился и с берега. Яйца укладывали прямо в лодку.

Весной значительное время посвящалось добыче рыбы. В море на удочку ловили треску, морских судачков. Наживой служили куски рыбы или свинцовое подобие рыбки. Однако главным объектом промысла были лососевые — нерка (красная), кижуч, горбуша. На о. Беринга лососевых добывали в реках Саранной, Гаванской и Лодыгинской, а на о. Медном — в реках Жировой и Песчаной. На больших реках (Саранной, Жировой, Песчаной) устраивали примитивные запоры — плотины, состоявшие из помещавшегося на козлах поперечного бревна и наклонно прислоненных к нему кольев. Плотины заваливали камнями. Скапливавшуюся около плотины нерестовую рыбу вылавливали бреднем или неводом. С субботы на воскресенье запор разбирали, давая возможность рыбе пройти на нерест. Рыбу добывали и неводами и крюком — мариком (тип остроги). Во время отлива после шторма на берегу собирали рыбу,

<sup>9</sup> Пользуюсь случаем выразить благодарность нашим информаторам. Н. И. Доэрыну, С. И. Сушкову, В. Т. Тимошенко, Е. Г. Поповой, Ю. С. Ладыгиной и др.



Рис. 1. Вид на старую часть с. Никольского

выброшенную морем. Такую рыбу называли «мягенькой». Рыбу вялили на вешалах или на жердях, укрепленных по стенам домов, значительную часть улова засаливали.

В мае, опасаясь иностранных браконьеров, алеуты начинали охранять котиковые лежбища и готовились к промыслу. Они вновь чинили лодки, ремонтировали сараи для засолки и хранения шкур, готовили инвентарь. На котиков охотились в июне — июле (до начала линьки). На охоте алеуты соблюдали ряд правил: не курили, в ближайших к лежбищам юртах не топили печей, участники охоты не надевали резиновых и кирзовых сапог (опасаясь спугнуть зверя их запахом). Главным местом охоты на о. Медном считалась Секачинская бухта. К месту забоя в эту бухту спускались по веревочному трапу. Добывали котиков также на участках Западном, Песчаном, Дравинском, Поганом. Котиков окружали и отгоняли от берега на забойные площадки. Маток охотники отпускали, забивали главным образом двухлетних самцов-«холостяков». Били зверей палками-«дрыгалками». Забой производили мужчины. Снимали шкуры и разделявали туши подростки и женщины. Шкуры котиков засаливали, подсушивали и упаковывали в пачки по 5—10 штук. Хранили шкуры в специальных сараях. Мясо котиков вялили. Для этого его разрезали на длинные ремни и просушивали на вешалах. Часть котиковых туш сваливали в общественные ямы. Отсюда охотники зимой брали квашеное мясо на подкормку и приманку песцов.

В августе алеуты заготавливали грибы и ягоды.

Летом и осенью много сил у алеутов отнимала заготовка дров. По берегу плавник обычно собирали женщины и дети. Мужчины доставляли его на лодках к селениям и складывали в кучи.

Зимой на лежбищах охотились на сивучей. Забой производился главным образом на м. Козлова.

С наступлением зимы (в ноябре) алеуты разъезжались по песчовым угодьям — «ухожам». На о. Медном основными ухожками были Глинка, Гладковская, Жировская, Песчанка, Сенькино, Черный Мыс, на о. Беринга — Старая Гавань, Саранная. Промысловые участки тянулись вдоль береговой линии. На о. Беринга было 20 ухожей, на о. Медном — 10<sup>10</sup>. Некоторые семьи алеутов целиком перебирались на ухожи, но чаще на промысел отправлялись только охотники. На ухожах жили в не-

<sup>10</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 221—222.



Рис. 2. Заведующая Алеутским краеведческим музеем. алеутка, уроженка о. Медного, Е. Г. Попова

больших срубных избушках с земляным полом. Слева от входа располагалась печь. Съестные припасы обычно хранили на чердаке, а одежду — на лабазе. Освещалась избушка жирником — в тарелку наливал песцовый жир и вставляли фитиль из байки. На ухжах обычно находились запасы юколы, квашеной рыбы и квашеного мяса. Как правило, осенью охотники около своих ловушек разбрасывали приваду — рыбные куски мяса или сушеную кетовую икру. На песча обычно настраивали капканы и окружали их кольями, оставляя узкий проход.

В конце XIX в. на о. Беринга известное развитие получило ездовое, собаководство. Почти в каждом хозяйстве содержалась собачья упряжка. Зимой на собаках подвозили дрова, сено, выезжали на промысел песка. Собак кормили юколой, сушеной кетовой икрой и слегка подсоленной рыбой. Перед кормежкой соленую рыбу вымачивали.

В отдельных хозяйствах содержались свиньи, а в некоторых — куры. На островах Беринга и Медном сажали репу, брюкву, картофель. Огороды удобряли морской капустой.

На обоих островах были коровы. Для них специально заготавливали сено. В 1909 г. на о. Беринга было 40 коров, на Медном — 17<sup>11</sup>. Рыболовный сезон совпадал с работой на огородах и с сенокосом.

В 1910 г. на о. Беринга было три селения: Никольское (54 дома), Саранное (21 дом), Лодыгинское (3 дома). Временными поселениями были Северное, где жили только летом, и Старая Гавань. Здесь зимой жили три семьи. На о. Медном было три поселения: Преображенское (49 домов), Глинка и Корабельное (из 2—3 домов и юрт).

В селениях алеуты жили в каркасных домах, обшитых досками. Дома были завезены арендатором острова — «Гутчинсон и К°». Отапливали дома чугунными печами — «камбузами», что давало резкие колебания температуры. Летом пищу готовили около дома на каменках — печах, сложенных из камней.

Самобытные черты сохранялись в утвари алеутов. Женщины вязали корзины из травы. Большие корзины подвешивали под крышей амбара, и в них зимой хранили сарану (луковичное растение). Изготавливали и маленькие корзинки — «искачики», в них собирали ягоду. Из травы плели также циновки. Использовались долбленные корыта. Все же преобладала привозная посуда — чугуны, котлы, медные чайники, кастрюли, сковороды, самовары. Широко использовались глиняные горшки, крынки, фарфоровая посуда.

Выше отмечались особенности промысловой одежды. Повседневная одежда специфических местных особенностей не имела. В поселках носили привозные пиджаки, пальто и полупальто, картузы, платки. Шили

<sup>11</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 121—123.

рубahi и платья, как правило, на руках, швейные машинки были редкостью.

Значительной самобытностью отличалась лишь пища алеутов. Печень сивуча и нерпы ели в сыром виде. Мясо сивуча и нерпы, котиковый и нерпичий жир некоторые семьи квасили в ямах. Рыбы головы квасили в пузырях, бочках, а нередко попросту оставляли в траве на 3—4 дня. Деликатесом считался слабосолененный судак (с душком). Мясо котиков обычно вялили на солнце, часть мяса засаливали в бочках. Солонину из котикового мяса сначала вымачивали, а затем варили. Котиковый жир служил приправой к разным блюдам. Им заливали остуженные стварные рыбы головы, холодное котиковое мясо. Лакомством считались отварные или тушеные котиковые языки. Каждая семья заготавливала себе мясо котиков из расчета две туши на зиму на одного человека.

Алеуты широко использовали в пищу мясо морских ежей, морские огурцы. Из моллюсков варили супы. В качестве приправы была очень распространена вареная сарана. Были известны и русские блюда. Алеуты пекли хлеб, пироги с вареньем, с рыбой, а на пасху — куличи. Варенье обычно варили из ягоды шикши. Из свинины и говядины готовили жаркое, котлеты, из свиных ножек — холодец (холодец варили также и из ластов котика). Крепкий чай считали необходимым дополнением к каждому приему пищи. Если чая не хватало, употребляли настой из грав («копье Егория», «лобазник»). Из сараны с сахаром изготавливали брагу — «зюйду».

Во второй половине XIX в. для детей коренного населения были открыты церковноприходские школы с преподаванием на русском языке. Под влиянием русских зимой в селах Никольском и Преображенском часто устраивались на паях вечерки. Танцевали восьмерку, кадрили. На рождество по домам ходили ряженые. От русских была заимствована игра в городки, шашки, карты.

В то же время у алеутов бытовал свой фольклор. В XIX в. в качестве музыкального инструмента еще использовался бубен (чаях), обтянутый сивучьей кожей.

Таким образом, на протяжении XIX — начала XX в. шел постепенный процесс вытеснения самобытных элементов алеутской материальной и духовной культуры русской. К началу XX в. бытовой уклад алеутов уподобился укладу русских старожилов и ительменов — обитателей южной части Камчатки. Несмотря на это, алеуты продолжали стойко сохранять свой родной язык.

Прогрессивные изменения, произошедшие в хозяйстве алеутов к середине XIX в., видимо, сказались на их численности. В 1860—1880 гг. наблюдался не только механический, но и естественный прирост алеутов (около 2% в год). в 1868 г. на Командорах насчитывалось 387 алеутов, в

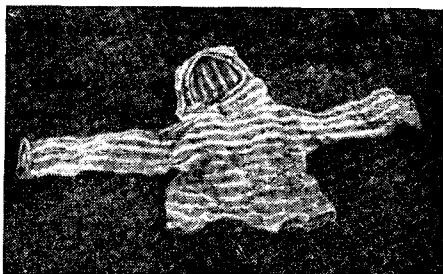


Рис. 3. Камлейка из сивучевых кишок (Алеутский краеведческий музей)



Рис. 4. Обувь из нерпичьей шкуры (Алеутский краеведческий музей)

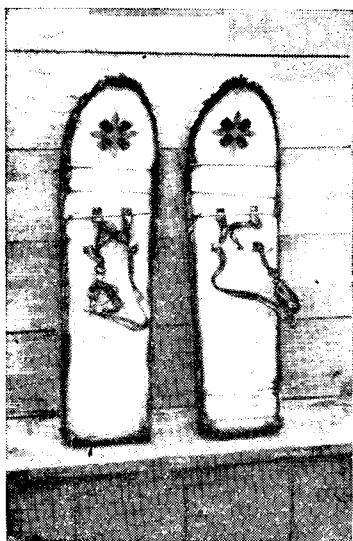


Рис. 5. Лыжи (Алеутский краеведческий музей)

1880 г. их было 501 человек. К концу XIX в. естественный прирост прекратился. По данным Е. К. Суворова, в некоторые годы наблюдалось значительное превышение смертности над рождаемостью<sup>12</sup>. Это явление было связано с рядом причин: усилением эксплуатации алеутов компаниями, арендовавшими острова, алкоголизмом, распространением эпидемических заболеваний и значительным сокращением запасов сивуча.

Коренные изменения в хозяйстве и культуре алеутов произошли только в советский период.

После окончательного установления Советской власти на Камчатке в 1923 г. началось постепенное освоение природных богатств Командорских островов. С 1923 по 1925 г. пушное хозяйство на островах находилось в ведении Дальрыбохоты, с 1925 г. — Дальгосторга, с 1927 г. — Акционерного Камчатского общества, а затем, с 1933 г. — Союзпушнины<sup>13</sup>. Уже в первые годы работы советских организаций начался систематический учет промысловых зверей, клеймение котиков, строгое нормирование добычи. Особые меры были приняты для охраны обитателей вод около о. Медного — каланов. Промысел их производился только в 1923 г. и 1924 г., в дальнейшем добычу их прекратили, и район лежбищ стал тщательно охраняемым заказником. Хозяйство островов окрепло после того, как в 1928 г. был создан Алеутский район.

В 1927 г. особое внимание было обращено на песцовый промысел. Голубые песцы, единственные наземные животные Командорских островов, отличаются от своих материковых собратьев приглушенным оборонительным рефлексом. Это обстоятельство позволило ввести на островах в предпромысловый период ежедневную подкормку песцов и применить особую технику промысла, так называемые кормушки-ловушки. На ухожах были выстроены окруженные сеткой дворики или домики с легко открывающимися в обе стороны дверями. Подкормка приучала зверей свободно заходить в них. Во время отлова, когда песцы собирались в ловушке, двери закрывали. Песцов забивали, а лучших производителей метили и отпускали. В 1930-х годах Командоры давали 20—25 % мировой добычи голубого песца. Островное песцовое хозяйство сыграло значительную роль в развитии клеточного звероводства в нашей стране. Только с 1925 по 1935 г. более 100 пар голубых песцов было отправлено в разные звероводческие питомники.

В 1950-х годах Командорский зверокомбинат сосредоточил свои усилия на звероводстве. На о. Беринга была выстроена крупная звероферма и в 1959 г. завезены норвежские голубые песцы. В последние годы комбинат стал усиленно разводить норок. На содержание пяти норок идет столько же кормов, сколько на двух песцов. Алеутский район располагает необходимой кормовой базой для развития звероводства. Зверей кормят мясом котиков, сивучей, низкосортной рыбой. Зверокомбинат производит и добычу котиков. Количество зверей, подлежащих забою, определяется научными организациями. После подписания в 1957 г. Второй международной конвенции по сохранению котиков северной части Тихого океана численность их стада возросла более чем в три раза.

<sup>12</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 104—105.

<sup>13</sup> М. А. Сергеев. Советские острова Тихого океана, Л., 1938, стр. 111.



Рис. 6. Котики на о. Беринга

На северо-западном мысе о. Беринга возникло новое лежбище<sup>14</sup>. Возросла и добыча котики. Забой производится под наблюдением научных работников. Испытывается метод забоя с помощью копыя со шприцем, наполненным курареподобным препаратом — дитилином. Этот способ позволяет получать шкурки хорошего качества. Как на о. Беринга, так и на о. Медном Камчатским отделением Тихоокеанского научно-исследовательского института рыболовства и океанографии ведутся стационарные наблюдения за экологией котики и каланов<sup>15</sup>. В последние годы зверокомбинат начал добывать сивучей, так как поголовье их резко возросло.

Значительная часть алеутов в настоящее время — рабочие и служащие зверокомбината, некоторые работают в районных учреждениях, а также в больницах, школах, в типографии, на почте и т. д. Алеуты пользуются рядом льгот. Каждому алеуту предоставляется право заготовить для своей семьи кету. На человека вылавливают в среднем 80 кг лососевых. Заготовка производится на реках Гаванской, Лодыгинской, Каменской. Рыбу ловят сетями. Часть улова вялят — готовят юколу, часть коптят, часть солят. Алеуты заготавливают на зиму так же гольца. Как приезжие, так и

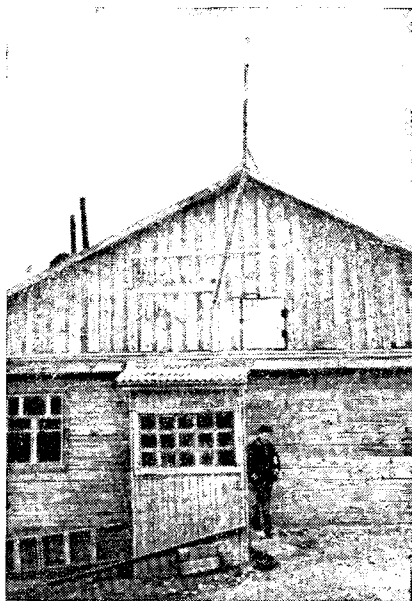
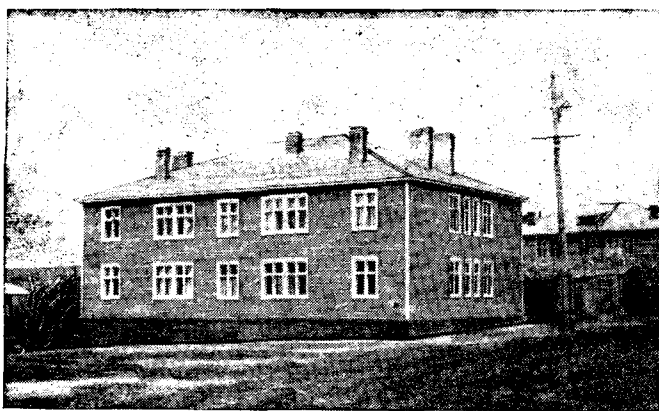


Рис. 7. Так вялят рыбу на о. Беринга (юкола развешана под крышей)

<sup>14</sup> П. Г. Никулин. Новое котикиное лежбище на Северо-Западном мысе острова Беринга, «Вопросы географии Камчатки», вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1967, стр. 158–161.

<sup>15</sup> И. И. Лагунов, Развитие рыбохозяйственной науки на Камчатке, «Вопросы географии Камчатки», вып. V, стр. 21.

Рис. 8. Современный жилой дом в с. Никольском



алеуты имеют огороды — сажают картофель, разводят кур, в значительных количествах заготавливают для себя ягоды, грибы. Любители охотятся на куропаток.

В питании алеутов до сих пор еще сохраняется много самобытного. Они широко употребляют в пищу мясо и жир котиков. В некоторых семьях мясо котиков вялят, заливают жиром и сохраняют в сивучьих пузырях. Тушеные котиковые язычки и сердечки входят даже в меню интернатской столовой.

Из мяса сивуча готовят котлеты, жаркое. Многим известен рецепт алеутского, или, как его иначе называют, «хабаровского» супа из дичи. Его варят из мяса морской кайры и баклана, заправляют рисом, мукой и перпичьим жиром.

Весьма разнообразны алеутские рыбные блюда. К деликатесам относятся жаренные тресковые желудочки, фаршированные тресковой печенью и рисом. Из тресковой печени готовят паштет — печень перетапливают в духовке с перцем.

В настоящее время на о. Беринга в с. Никольском развернулось большое жилищное строительство. На высокой террасе острова (старый поселок располагался у самого берега) по генеральному плану застройки возводятся двухэтажные восьмиквартирные дома из бруса или железобетона. Эти здания благоустроены, в них есть центральное отопление, электричество, водопровод и канализация. В каждой квартире имеется ванная комната. Дома телефонизированы. Многие жители пользуются холодильниками, стиральными машинами.

Обстановка квартир алеутов ничем не отличается от обстановки приезжих специалистов. В комнатах привозная мебель, ковры, ковровые дорожки, занавеси, скатерти, зеркала, радиоприемники, магнитофоны.

Население острова не испытывает чувства оторванности от материка. Алеутский район прочно связан авиацией с Петропавловском-Камчатским, с Усть-Камчатском. Регулярно доставляются почта, грузы. Даже на летний отдых в пионерские лагеря дети жителей Командорских островов выезжают в благодатные южные районы Камчатки.

В пос. Никольское имеется средняя школа с интернатом. В интернате около 90 воспитанников.

Население островов находится под постоянным медицинским наблюдением. Ежегодно выездные бригады врачей из Петропавловска-Камчатского проводят всеобщий осмотр населения. Но и в самом Никольском есть больница. В ее штате два хирурга, терапевт, гинеколог и другие специалисты. На острове имеются ясли, детский сад. В районном доме культуры демонстрируются кинокартины, регулярно выступают с концертами самодеятельные коллективы, бывают и артисты областного драматического театра, приезжие эстрадные коллективы. Гордостью поселка является местный народный краеведческий музей. В нем собраны



экспонаты, рисующие природу, историю открытия Командорских островов, дореволюционное прошлое, историю населения. В создании музея приняли активное участие алеуты<sup>16</sup>.

Большой популярностью пользуются библиотеки острова. Уже 32 года в районе выходит газета «Алеутская звезда», регулярно освещающая жизнь островитян. С новостями знакомит жителей и местный радиопузел.

В 1966 г. жители Алеутского района торжественно отметили 225-летие со дня открытия Командорских островов Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга. В честь этого события в с. Никольском был воздвигнут памятник.

Глубокие изменения в хозяйстве, подъем материального благосостояния и культуры, особенно преодоление оторванности островитян от жизни на материке сказались на этническом развитии алеутов.

После установления Советской власти на Командорах не сразу удалось приостановить сокращение численности алеутов. В 1923 г. на островах было 364 алеута, в 1927 — 343, в 1932 — 271 (несколько семей выехали на материк), в 1937 — 309<sup>17</sup>. Переписью 1959 г. был выявлен 421 алеут, в том числе в РСФСР — 399. На островах живет 331 алеут<sup>18</sup>.

Уже в 1935 г. на Командорах было 61 человек приезжих, рабочих и служащих<sup>19</sup>. В дальнейшем численность пришлого населения в связи с развитием островного хозяйства, развертыванием медицинской, школьной, просветительной работы росла. В 1968 г., по данным оперативного учета, на Командорах было 898 человек, в том числе 577 человек пришлого населения — 521 русских, 20 украинцев, 4 марийца, 4 грека, 3 татарина, 3 бурята, 3 еврея, 3 белоруса, 2 армянина и др. Алеутов значилось всего 321 человек, в том числе несколько человек, выбывших в дом инвалидов и к родственникам на материк. Около 25 алеутов находилось в разных учебных заведениях за пределами Командоров (данные о них не собирались). Таким образом, алеуты живут среди численно превосходящего их пришлого населения. Следует отметить, что после того как в 1950-х годах прекратился промысел дикого песка, все население о. Беринга сосредоточилось в поселке Никольском. Небольшие селения (ухужи) были упразднены. Значительная часть населения с о. Медного также переселилась в Никольское. Все это способствует сближению

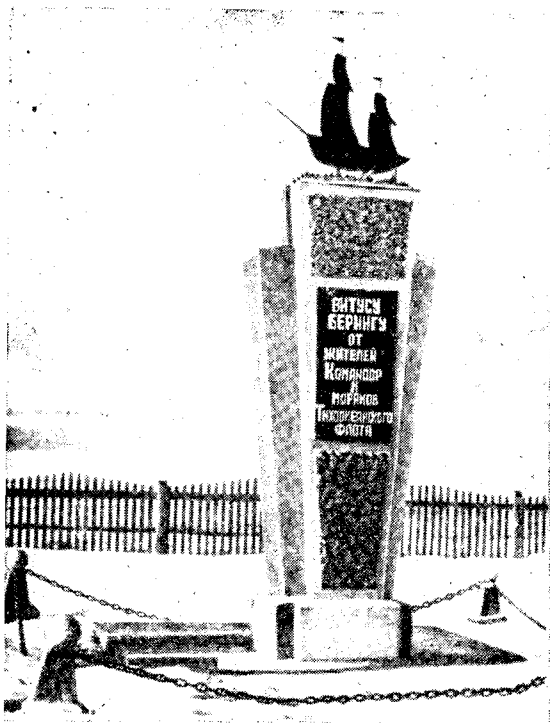


Рис. 9. Памятник Витусу Берингу в с. Никольском

<sup>16</sup> К. Н. Величко, Алеутский народный музей, «Краеведческие записки», вып. I. Петропавловск-Камчатский, 1968, стр. 90—96.

<sup>17</sup> М. А. Сергеев, Указ. раб., стр. 129.

<sup>18</sup> «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», М., 1962, стр. 186; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», М., 1963, стр. 302, 306.

<sup>19</sup> М. А. Сергеев, Указ. раб., стр. 126.

коренных обитателей островов с приезжими. В 1968 году на Командорских о-вах значилось 317 хозяйств, в том числе 91 одиночное. Семьи по национальной принадлежности распределялись следующим образом: русских семей 106, алеутских 40, алеутско-русских 14, русско-алеутских 9, белорусско-алеутская 1, мордовско-алеутская 1. Значительная часть алеутов входит в смешанные семьи. Однако детей, родившихся от браков с русскими, преимущественно записывают алеутами. Несомненный интерес представляет собой процесс рассеивания, постепенный отрыв от основной группы алеутов отдельных семей и лиц, переселяющихся на материк. Уже в 1926 г. несколько алеутов учились во Владивостоке и в Ленинграде. На Камчатке в 1926—1927 гг. проживало 15 алеутов. В 1928—1929 гг. 12—13 семейств алеутов (около 30 человек) переселились на Шантарские острова. Часть из них затем вернулась обратно, а 5 семей остались на Шантарах<sup>20</sup>. Выезды одиночек и целых алеутских семей имели место и в последующие годы. В настоящее время отдельные семьи алеутов (в большей части смешанные алеутско-русские) живут не только в Петропавловске-Камчатском, но и в Москве, Ленинграде, Курске, Хабаровске, Владивостоке и других городах. Наши информаторы на о. Беринга называли более 20 таких семей. Согласно переписи 1959 г., в городах проживало 85 алеутов, в том числе за пределами РСФСР — 12<sup>21</sup>.

Большинство алеутов переселенцев-горожан — лица, получившие специальное высшее образование и выехавшие на материк по семейным обстоятельствам. Как правило, алеуты, переселившиеся на материк, поддерживают связь со своими родственниками и знакомыми на островах. Жители о. Медного гордятся своими земляками — капитанами торгового флота, врачами, учеными.

Значительные изменения произошли в советский период в языке на Командорских островах. Еще в начале XX в. на Командорах бытовало два диалекта алеутского языка. Алеуты о. Беринга говорили на аткинском диалекте, а алеуты о. Медного — на аттуанском<sup>22</sup> (теперь командорские алеуты называют эти диалекты беринговским и медновским). Носители обоих диалектов могли объясняться между собой, но испытывали при этом трудности, языком общения нередко служил русский.

Перед революцией на о. Медном все алеуты в той или иной степени владели русским языком, но между собой в семье говорили по-алеутски<sup>23</sup>. Среди алеутов о. Беринга русский язык был распространен меньше. По словам наших информаторов, некоторые алеуты с этого острова владели только своим родным языком. Беринговский диалект алеутского языка сохранился лучше, чем медновский<sup>24</sup>. В диалекте беринговцев было больше алеутских терминов. Причина сравнительно широкого распространения среди медновцев русского языка заключается в том, что о. Медный, более богатый каланами, больше привлекал к себе русских переселенцев. Кроме того, алеуты и айны с м. Лопатки, переселенные на о. Медный в 1888 г., лучше владели русским языком, чем алеутским.

Как показали Е. К. Суворов и П. И. Барабаш-Никифоров, в начале XX в. командорские алеуты говорили на ломаном русском языке со значительными фонетическими искажениями, заменяя звук *ж* звуком *с*, *о* — *у*, *ч* — *с*. Крайне беден был их запас русских слов<sup>25</sup>.

<sup>20</sup> М. А. Сергеев, Указ. раб., стр. 130.

<sup>21</sup> «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», стр. 192; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», стр. 306.

<sup>22</sup> Об алеутском языке см.: И. Е. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. III, СПб., 1840; Г. А. Меновщиков, Алеутский язык, в сб. «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 386—406.

<sup>23</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 99.

<sup>24</sup> Г. А. Меновщиков, Указ. раб., стр. 387.

<sup>25</sup> Е. К. Суворов, Указ. раб., стр. 112; И. И. Барабаш-Никифоров, В стране ветров и туманов, М., 1934, стр. 14—15.

В 1920-х годах, когда на о. Беринга были организованы рыбные промыслы, контакты между беринговскими и медновскими алеутами усилились. Заинтересованные в заработках жители о. Медного стали переселяться в с. Никольское на о. Беринга. Переселенцы вынуждены были приспосабливаться к диалекту беринговских жителей. Таким образом, численность алеутов, говоривших на беринговском диалекте, в 1920—1930-х годах увеличилась. В эти же годы ускорилось распространение на о. Беринга русского языка в связи со значительным наплывом пришлого населения, улучшением преподавания в школах, распространением литературы и радиофикацией поселков.

Социальные функции алеутского языка ограничились семьей. В общественной и производственной жизни используется русский язык. В связи с распространением школьного образования утвердились нормы современного русского языка. Согласно данным переписи 1959 г., алеутским языком в качестве родного владели всего 94 алеута, в том числе 64 человека, проживавших в сельской местности РСФСР, видимо, на островах<sup>26</sup>.

В 1968 г., согласно нашему опросу, выявилося всего 58 человек (19% по отношению ко всем алеутам, проживающим на Командорах), в той или иной степени владеющих алеутским языком. Все лица, знающие этот язык, оказались старше 20 лет, в большинстве случаев родившимися до 1935—1936 гг. В настоящее время алеутский язык почти не используется. Объясняется это тем, что владеющие алеутским языком престарелые одиночки (отец или мать кого-либо из супругов) входят в семьи, где среднее поколение и молодежь пользуется только русским языком. Исключения составляют несколько семей, в которых супруги говорят между собой по-алеутски. Здесь наблюдаются интересные явления. Старшие взрослые дети «слышат», т. е. понимают, речь родителей, но отвечают им по-русски, младшие, школьного возраста, совсем не понимают, когда родители говорят на родном языке. Таким образом, двуязычие в последние десятилетия на Командорах практически уступило место одноязычию. Господствующее положение занял русский язык. Что же в настоящее время в целом выделяет алеутов из среды пришлого населения? Такими факторами являются национальное самосознание, основывающееся на происхождении и в какой-то мере на физическом облике (монголоидные черты лица), и особенности пищи. Резюмируя имеющиеся материалы, можно выделить три этапа этнической истории командорских алеутов.

Первый — с 1829 по 1860-е годы, когда переселенцы-алеуты еще широко использовали свои традиционные навыки, приобретенные на своей прародине, хотя отдельные архаические элементы их культуры уже были утрачены.

Второй период — с 1860-х годов до начала XX в. — характеризовался дальнейшей эволюцией хозяйства, внедрением под влиянием пришлого населения новых видов орудий производства. В это время алеуты восприняли много элементов русской народной культуры. Среди них распространилось двуязычие, участились браки с русскими.

Наиболее значительные изменения падают на третий, советский период, когда была преодолена островная оторванность.

В связи с реконструкцией хозяйства, повышением уровня материального благосостояния и культуры исчезли последние примитивные элементы традиционной материальной культуры алеутов. Усилилось сближение алеутов с пришлым населением. Известное развитие получил процесс расцеивания алеутов. Произошла языковая смена, добровольный переход с двуязычия на русский язык. Однако маленькая алеутская народность сохраняет свое национальное самосознание и пока еще окончательно не слилась с русской нацией.

<sup>26</sup> «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», стр. 186; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», стр. 310.

А. М. Жигулев

## ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИСТОВКАХ

Много метких пословиц создал народ за свою многовековую историю. Эти маленькие жемчужины устного народного творчества могут выражать самые разнообразные оттенки человеческой мысли. Пословицы и поговорки обогащают язык. Их применение в листовке, беседе или докладе оживляет выступление, делает его более образным и доходчивым. В. И. Ленин любил этот жанр народно-поэтического творчества и часто использовал пословицы и поговорки в своих статьях, выступлениях и письмах к рабочим и крестьянам.

«Стиль его выступлений,— писал А. А. Андреев в своих воспоминаниях,— не тезисный. Речь очень живая, острая, меткая и всегда глубоко принципиальна. Теоретические положения перемежаются с практическими соображениями и доводами. Его речь обычно пересыпана примерами, сравнениями, но не цифрами. Подтверждая свои доводы, он часто употреблял меткие словечки, ходовые народные поговорки; в этом смысле, кажется, никто так не пользовался богатством русского языка, как Ленин»<sup>1</sup>.

Ленин чаще всего употреблял пословицы, и, конечно, известные народу: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», «Семь раз отмерь, один отрежь», «Что посеешь, то и пожнешь», «Где тонко, там и рвется», «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», «Слышал звон, да не понял, откуда он» и др.

Народные изречения широко использовались большевиками в агитационной работе. Наряду со стихами, революционными песнями и гимнами пословицы и поговорки служили образным средством, усиливающим воздействие листовок и прокламаций на рабочие массы. Их применение в агитационной литературе обогащало язык изданий, делало эту литературу более близкой и понятной трудящимся.

Авторы большевистских листовок, а также статей и корреспонденций, опубликованных в газетах, ссылались на пословицы как на житейские правила. В листовках и газетах часто встречались такие ссылки: «Как говорит пословица», «Оттого пословица и говорит», «Выражено народной поговоркой», «Ответим пословицей».

Пословицы и поговорки встречаются уже в первых листовках петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Так, в листовке «К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге» говорилось, что рабочих фабриканты «страшают расчетами», пугают ссылкой, за ними зорко следят полиция, жандармы, войско, сыщики, но, — говорится в листовке, — **«мы знаем эту песню! Старых воробьев на мякине не проведешь»**<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> «Воспоминания о В. И. Ленине», М., т. 4, 1969, стр. 23.

<sup>2</sup> «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», М., 1934, стр. 68.

В листовках, прокламациях, воззваниях и в дореволюционных большевистских газетах обычно использовались пословицы, широко распространенные: «Не стоит огород городить», «Горбатого могила исправит», «Не за страх, а за совесть», «Снявши голову, по волосам не плачут», «Лучше поздно, чем никогда», «В огороде бузина, а в Киеве дядька», «Терпением сыт не будешь», «Время не ждет» и многие другие. В отдельных текстах несколько пословиц следовали одна за другой. Так, в прокламации «К рабочим Резво-Островской мануфактуры А. И. Ворони-на» сообщалось о том, что хозяин обирает рабочих разными путями: облагает штрафами, удерживает деньги за брак, а если и повышает расценки, то тут же увеличивает норму. «Это значит — не мытьем, так катаньем; прямо с одного вола по две шкуры: и штрафом дерет да и расценком крадет»<sup>3</sup> — говорилось в прокламации.

В листовке «Окружная организация и усиленная охрана», изданной в 1905 г. Московским комитетом РСДРП, читаем: «Вы нас бьете, разгоняете наши собрания, сажаете по тюрьмам, заставляете умирать с голода нас и наших детей, но помните, палачи народа: „Кто посеял ветер, пожнет бурю“, „Отольются волку овечьи слезы“»<sup>4</sup>. В листовке, выпущенной Иваново-Вознесенской окружной организацией РСДРП 1 июля 1906 г., приведено около десяти пословиц и поговорок: «Не сидеть сложа руки», «Было золотое времечко», «Свои люди — сочтемся», «От рук отбились», «На ладан дышат», «Проголодаешься, так догадаешься», «Ждать, пока гром грянет» и др.<sup>5</sup>

Пословицы и поговорки, встречающиеся в листовках и в обращениях к рабочим, солдатам и крестьянам, всегда были связаны с текстом и служили как бы образным завершением какой-то определенной мысли. Они были органически вплетены в живую ткань повествования или призыва и как бы цементировали, подкрепляли доказательства, развиваемые в листовке, статье или брошюре. Например, пословица «Пока солнце взойдет — роса очи выест» приводилась в тех случаях, когда требовалось осудить медлительность, нерешительность<sup>6</sup>.

Часто пословицы и поговорки использовались с целью пояснения какой-либо мысли. Так, в листовке Петроградского губернского комитета РКП(б), посвященной «Неделе крестьянина», говорилось: «Вспомните деревенскую пословицу: „Что посеешь, то и пожнешь“ — и вспомните в то же время, что во многих случаях семьи красноармейцев и посеянное собрать не сумеют, так как их работники находятся на фронте и геройски защищают дорогу для всех нас революцию»<sup>7</sup>.

Некоторые пословицы использовались в листовках для сравнения. Давно известно, что вещи и явления познаются путем сравнения. Определяя характерные черты какого-либо деятеля или явления, большевики часто приводили меткую пословицу. Так, в листовке иваново-вознесенских рабочих фабриканты и заводчики, их приказчики и мастера сравнивались с гнилым деревом: «Как гнилому дереву не запрудить великой реки, так и изолгавшимся приказчикам самодержавия, т. е. фабрикантам и чиновникам, не сломить грозной силы поднявшегося рабочего класса»<sup>8</sup>.

Авторы листовок и статей не рассматривали пословицы и поговорки как что-то оскотеневшее, раз навсегда данное, неизменное. Если по ходу рассуждения требовалось несколько изменить пословицу, чтобы придать ей иную направленность, вложить современное содержание в известную

<sup>3</sup> «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 40.

<sup>4</sup> «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», М., 1955, стр. 283.

<sup>5</sup> «Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1917 гг.», Иваново, 1957, стр. 148—150.

<sup>6</sup> См., например, «Листовки пермских большевиков», Пермь, 1958; стр. 469.

<sup>7</sup> «Листовки петроградских большевиков 1917—1920 гг.», т. 3, Л., 1957, стр. 402.

<sup>8</sup> «Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1917 гг.», стр. 81.

форму, то они умело делали это, вводя в старые изречения новые слова или меняя их структуру. От такой перестройки пословицы обычно звучали сильнее, приобретая большую остроту и выразительность. Так, в листовках можно было прочитать: «Гром не грянет, правительство не почешется»<sup>9</sup>, «Немедленного перехода всей земли в руки крестьян — вот чего мы требуем. Не журавля в небе, которого сулит партия социалистов-революционеров, а синицу в руки»<sup>10</sup>, «Баре заварили кашу, а мужикам теперь ее расхлебывать»<sup>11</sup>.

Многие листовки, прокламации и воззвания к рабочим заканчивались пословицами и поговорками. Народные изречения как бы подводили итог сказанному. Например, листовка «Война или мир?», распространенная ташкентской группой РСДРП в сентябре 1905 г., заканчивалась пословицей: «Хорошо смеется тот, кто последний смеется»<sup>12</sup>. В конце многих прокламаций, опубликованных в «Искре», можно было встретить поговорку «Поживем — увидим».

Нередко пословицы и поговорки использовались в качестве заголовков листовок и прокламаций. Так, листовка Организационной комиссии и Центрального Комитета РСДРП, обращенная к петербургским рабочим, была озаглавлена несколько перефразированной пословицей «Посмеется гот, кто будет смеяться последним»<sup>13</sup>. Листовка по поводу избирательного закона в 1-ю Государственную думу, распространенная в феврале 1906 г. Иваново-Вознесенской группой РСДРП, называлась «Новый закон или волчий зубы — лисий хвост»<sup>14</sup>.

Пословицы и поговорки использовались и как средство обличения царского самодержавия, суда, законов, полиции, помещиков, буржуазии. Многие народные изречения в политическом контексте приобретали глубокий социальный смысл, звучали сильнее, ярче, становились острее.

Старинная обличительная поговорка «Прошел огонь, воду и медные трубы» зазвучала по-новому после того, как Ленин использовал ее для разоблачения реакционных политических деятелей. Так, в листовке «Царскому правительству», написанной осенью 1896 г. в тюрьме, Ленин писал, что это правительство «...прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить»<sup>15</sup>.

В листовках и статьях приводилось много пословиц и поговорок, характеризующих тяжелое положение рабочих в царской России. Например, в листовке Казанского комитета РСДРП, выпущенной в апреле 1905 г., говорилось, что рабочих «бьют кнутом и бьют рублем», т. е. полицейскими нагайками и штрафами, что «народ разорен, забит полицейской палкой, живет в грязи, в нищете, ест впроголодь, а потому и люди мрут, как мухи»<sup>16</sup>.

Русский царь в листовках назывался «волчьей пастью», «кровожадным зверем», «кнутобойцем». Царь — злейший враг народа, по его указу забирают рабочих и отправляют в Сибирь, по его повелению делается все, он — «жалкая, трусливая кукла — командует армией и флотом, назначает министров, чиновников, судей, офицеров, прокуроров и палачей, он первый помещик и капиталист: не сеет, не жнет, а в житницы собирает»<sup>17</sup>.

<sup>9</sup> «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.», т. I, М., 1939, стр. 77.

<sup>10</sup> «Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг.», М., 1954, стр. 89, 90.

<sup>11</sup> Там же, стр. 212.

<sup>12</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 2, М., 1956, стр. 566.

<sup>13</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, М., 1956, стр. 200.

<sup>14</sup> «Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1917 гг.», стр. 130.

<sup>15</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 114.

<sup>16</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 642.

<sup>17</sup> «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.», т. I, стр. 397.

В листовке Ивановской социал-демократической группы, выпущенной вскоре после 9 января 1905 г., говорилось, что «царское правительство почувствовало, что одной силой не возьмешь, заговорило и оно обуступках. Нарядилось в овечью шкуру. Но волчьи зубы никак не скроешь»<sup>18</sup>. В листовке «Царская милость» Московского комитета РСДРП, сообщавшей о том, что царь пожертвовал 50 тысяч рублей в пользу семей сотен убитых 9 января 1905 г., «милость» царя называлась «лисыим хвостом», которым хотят замести следы крови, пролитой по царскому приказу. Мы будем судить царя великим народным судом,— говорилось в листовке, «мы напомним ему его волчью пасть и лисий хвост»<sup>19</sup>.

Следует заметить, что в листовках и газетах использовались и такие пословицы и поговорки, которые ярко выражали психологию буржуазии, ее предательство, обман, двуличие, приспособленчество. К числу такого рода пословиц относятся: «Не обманешь — не продашь», «Моя хата с краю», «Мягко стелет, да жестко спать», «Держать нос по ветру», «Загребать жар чужими руками», «Сидеть между двух стульев», «Ходить кругом да около», «Не подмажешь — не поедешь» и др.

Отличительная особенность использования пословиц и поговорок В. И. Лениным состоит в том, что он подобные изречения, выражающие психологию помещиков и буржуазии, направлял против представителей той же буржуазии. Некоторые из них употреблялись в ироническом плане: «Сора из избы не выносить», это гг. эсеры умеют. Но его и *нельзя* им вынести, ибо кроме сора ничего нет!»<sup>20</sup>. Поговорку «Не обманешь — не продашь» Ленин применил к оценке политической деятельности меньшевиков. «Не обманешь — не продашь, вот их девиз», — заявил он<sup>21</sup>. Эта же поговорка была использована в листовке Московского комитета РСДРП «Кадеты и рабочие», разоблачающей реакционную сущность буржуазной партии кадетов. В ней говорилось: «,...Не обманешь — не продашь» — этот прием взят кадетами напрокат у купцов из торгово-промышленной партии»<sup>22</sup>.

Как известно, народные изречения обычно отличаются краткостью, отточенностью, лаконичностью, предельной простотой и четкостью. Они быстро запоминаются и оседают в памяти. Именно поэтому некоторые пословицы становились политическими лозунгами, девизами, боевыми призывами. К числу таких изречений можно отнести: «Все за одного, один за всех», «Кто не с нами, тот против нас», «Кто не работает, тот не ест» и др.

«Все за одного, один за всех» — древнейшая русская пословица. В сборниках она встречается в разных вариантах: «Все за одного и один за всех», «Один за всех и все за одного», «Все за одного, каждый за всех» и т. п. Эта пословица издавна использовалась в агитационных целях. В марксистской литературе впервые она появилась в листовках, выпущенных петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Одна из листовок, обращенных к рабочим Путиловского завода, советовала рабочим в борьбе с хозяевами действовать по правилу «Все за одного, один за всех»<sup>23</sup>.

В 1902 г. в «Искре» был опубликован «Манифест Всесоюзного социал-демократического федеративного союза кожевников» с призывом к объединению всех кожевников, живущих в Литве, Польше и России, без

<sup>18</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 438.

<sup>19</sup> «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», стр. 70.

<sup>20</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 164.

<sup>21</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 36.

<sup>22</sup> «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», стр. 424.

<sup>23</sup> «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 97.

различия национальностей, образования, возраста. Манифест заканчивается словами «Все за одного и один за всех»<sup>24</sup>.

Листовки призывали рабочих к совместной борьбе не только со своими хозяевами, но и с провокаторами, полицией, агентами охранки. Накануне революции 1905 г. особенно опасной была зубатовщина. Царское правительство сделало попытку отвлечь рабочих от революционной борьбы путем создания фальшивых рабочих организаций под надзором полиции. Перед социал-демократическими организациями встала задача — разоблачить этих провокаторов. С этой целью 4 апреля 1903 г. Петербургский комитет РСДРП издал листовку, обличавшую зубатовцев и призывавшую рабочих объединиться в борьбе за свои права и дружно выступить против провокаторов: «Один за всех, все за одного»<sup>25</sup>.

Особенно часто употреблялось это изречение в агитационной литературе 1905—1907 гг. В листовке «Ко всем рабочим и работникам г. Москвы», выпущенной в мае 1905 г., говорилось о поддержке всеобщей забастовки текстильщиков Иваново-Вознесенска. Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии призвал рабочих объединиться на борьбу с царским правительством и капиталистами под девизом: «Один за всех, все за одного!»<sup>26</sup>.

В январе 1906 г. Петербургский объединенный комитет РСДРП выпустил специальную листовку под названием «Все за одного — один за всех», призывавшую к организованному выступлению в защиту увольняемых рабочих.

Это изречение встречается в большевистских листовках, изданных в разных районах России. Им заканчивалась листовка «Вперед, за землю и волю», обращенная к крестьянам Костромской области<sup>27</sup>. Листовка Екатеринбургского комитета РСДРП «Ко всем рабочим г. Екатеринбурга» призывала рабочих помнить слова: «Все за одного, один за всех!»<sup>28</sup>. Листовка Казанского комитета РСДРП «Первое мая — праздник рабочего класса» напоминала о том, что сила рабочих — в их лозунге: «Все за одного и один за всех»<sup>29</sup>. В листовке Красноярского комитета РСДРП «К железнодорожным рабочим», подчеркивавшей важность единства рабочих, говорилось, что если рабочие подготовятся и пойдут «на борьбу сознательно — все за одного и один за всех», то у них «будет возможность выиграть победу»<sup>30</sup>.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции слова «Все за одного и один за всех» приобрели новое значение. В первые годы Советской власти партия призывала объединить все усилия рабочих, крестьян, интеллигенции на борьбу с разрухой, на восстановление и развитие народного хозяйства. В 1919 г. Московский комитет Российской коммунистической партии выпустил листовку «Что нужно знать каждому крестьянину?», которая заканчивалась словами: «Рабочие должны дружно стучать молотками, крестьяне должны лучше засеивать поля, красноармейцы должны храбро биться со ставленниками помещиков — все за одного, один за всех»<sup>31</sup>.

Несколько раз пословицу «Все за одного и один за всех» использовал В. И. Ленин. «Мы будем работать, — писал он в мае 1920 г., — чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным

<sup>24</sup> «Искра», 1902, № 19, стр. 13.

<sup>25</sup> «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.», т. I, стр. 77.

<sup>26</sup> «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», стр. 175.

<sup>27</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 3, М., 1956, стр. 267.

<sup>28</sup> Там же, стр. 429.

<sup>29</sup> Там же, стр. 545.

<sup>30</sup> Там же, стр. 705.

<sup>31</sup> «Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг.», стр. 244.



только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех»<sup>32</sup>.

Слова «Все за одного и один за всех» вошли в «Программу Коммунистической партии Советского Союза», принятую XXII съездом КПСС в октябре 1961 г. Они выражают один из нравственных принципов коммунизма: «Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного»<sup>33</sup>.

Таким образом, пословица «Один за всех и все за одного» на каждом этапе развития рабочего движения и нашего общества наполнялась новым содержанием.

Боевым лозунгом рабочих много лет служила пословица «Кто не с нами, тот против нас». В листовках она встречается в нескольких вариантах: «Кто не за нас, тот против нас», «Кто с нами, тот не против нас»<sup>34</sup> и т. д. В большевистских листовках и газетах она появилась в начале XX в. Впервые она была использована в прокламации «К офицерам», вышедшей в декабре 1902 г. за подписью «Военно-революционная организация»<sup>35</sup>. «Мы уверены, что товарищи, сочувствующие освободительному движению,— писали авторы прокламации,— не останутся безучастными зрителями кипящей вокруг них «битвы жизни», ибо «кто не за нас, тот против нас», а примут в ней деятельное участие, влияя на своих товарищей словом, примером, организуя кружки, помогая работающим уже революционным организациям».

В агитационной литературе периода резолюции 1905 г. эта пословица чаще всего звучала так: «Кто не за нас, тот против нас»<sup>36</sup>. Но иногда в листовках и прокламациях встречались иные, близкие по смыслу изречения, построенные на основе этой пословицы: «Кто не с революцией, тот против нее»<sup>37</sup>, «Кто не за народ, тот против него»<sup>38</sup>, «Кто не с народом, тот против народа»<sup>39</sup>.

Пословица «Кто не с нами, тот против нас» использовалась в листовках и газетах, изданных в разных местах. В прокламации «Всеобщая забастовка», изданной накануне декабрьского вооруженного восстания 1905 г., Московский комитет РСДРП призывал каждого, у кого в груди бьется пролетарское сердце, «встать на борьбу». «Кто не с нами, тот против нас, кто сидит теперь сложа руки, тот изменник рабочему делу»<sup>40</sup>. Эта пословица встречается также в листовках, выпущенных Ярославским, Красноярским и Читинским комитетами РСДРП; содержится она в листовках и прокламациях Ташкентской группы РСДРП, Николаевского комитета РСДРП, в листовках объединенных социал-демократических фракций учебных заведений Петербурга и других листовках, изданных различными организациями РСДРП.

К числу пословиц, выполнявших роль девизов и лозунгов, следует отнести также изречение «Кто не работает, тот не ест». В далеком прошлом

<sup>32</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 108.

<sup>33</sup> «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 411.

<sup>34</sup> Эта пословица вошла в различные сборники, относящиеся к середине XIX в. Есть она в сборнике «Пословиц и поговорок Олонецкой губернии», записанных в середине XIX в. неизвестным лицом, и в ряде других сборников. См. об этом «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XIX веков», М.—Л., 1961, стр. 156.

<sup>35</sup> Позднее эта прокламация была опубликована в газете «Искра», 1903, № 35, стр. 18.

<sup>36</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 113.

<sup>37</sup> Там же, стр. 148.

<sup>38</sup> Там же, стр. 325.

<sup>39</sup> «Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б) 1902—1917 гг.», Куйбышев, 1959, стр. 423.

<sup>40</sup> «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 2, стр. 83.

это изречение означало формулу трудовой повинности<sup>41</sup>. В советское время изречение наполнилось новым, политическим содержанием и стало выражать недопустимость паразитического существования людей в социалистическом обществе. Именно в этом плане несколько раз использовал его в своих выступлениях В. И. Ленин.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич написал брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?». В этой работе он говорит о том, что пролетариат, взяв в свои руки государственную власть, должен будет сломить сопротивление буржуазии и принудить ее работать в новых государственных рамках. А для того, чтобы заставить богачей работать на пролетарское государство, есть средство, которое дало в руки пролетариата «само воюющее капиталистическое государство. Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»<sup>42</sup>. Богатые должны будут работать и за свой труд получать удостоверение, «что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще... мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест»<sup>43</sup>.

Ленин несколько раз подчеркивал, что слова «Кто не работает, тот не ест» — «первейшее и главнейшее правило», что они «практическая заповедь социализма», «коренное начало социализма». В мае 1918 г. он обратился с письмом к питерским рабочим «О голоде», в котором описал тяжелое положение с продовольствием. Ленин заявил, что буржуазия и все богатые, в том числе деревенские кулаки, срывают и разрушают государственное распределение хлеба, дают последний и решительный бой господству трудящихся, выступают против Советской власти. Ленин призвал «осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «кто не работает, тот да не ест»<sup>44</sup>.

Спустя два года, в апреле 1920 г., Ленин снова привел эти слова в речи на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих. Он говорил о сильном влиянии Советской власти на рабочих всего мира, о том, что советские рабочие считают эту власть своей и что она должна принадлежать тем, кто работает, «кто не работает — тот не ест, кто работает — тот имеет право голоса в государстве, имеет влияние на решение дел государства»<sup>45</sup>.

В наше время принцип «Кто не работает, тот не ест» стал одним из основных положений советского общества. Эти слова вошли в «Программу КПСС», утвержденную XXII съездом КПСС. В ней сказано, что моральный кодекс строителя коммунизма включает такие нравственные принципы, как «добросовестный труд на благо общества: «Кто не работает, тот не ест»<sup>46</sup>.

Этот принцип приобрел сейчас особо важное значение. Он раскрывает новое моральное качество советского народа, строящего коммунизм. В нашем обществе люди трудятся не только для себя, но и для общества, для своих товарищей, труд в нашей стране стал обязанностью каждого.

За годы Советской власти в сознании наших людей произошел коренной перелом во взглядах на труд, на отношение к нему, теперь он стал первой жизненной потребностью людей. Слова «Кто не работает, тот не ест» приняты нашими людьми как неизменное требование, как нрав-

<sup>41</sup> Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, Крылатые слова, М., 1966, стр. 347.

<sup>42</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 311.

<sup>43</sup> Там же, стр. 311, 312.

<sup>44</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 357.

<sup>45</sup> Там же, т. 40, стр. 294.

<sup>46</sup> «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 411.

ственный принцип. Эти слова вошли в быт, стали употребляться не только в политических речах, но и в повседневной жизни. Став пословицей, устойчивой фразеологической единицей, они вошли во многие сборники пословиц и поговорок.

Роль девизов выполняли и другие пословицы и поговорки. Некоторые из них призывали рабочих, крестьян, солдат к бодрости, решительности, уверенности в борьбе, мужеству, подвигам. Эти пословицы, возникшие непосредственно в среде крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции, выражали думы и чаяния народа.

Изучение пословиц и поговорок, встречающихся в дореволюционной агитационной литературе, показывает, что большевистские агитаторы широко применяли пословицы для обличения своих политических противников. Использование народных изречений обогащало язык агитационной литературы, делало ее более понятной и близкой рабочим и крестьянам, легко запоминающейся.



## ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. А. Туголуков

### НАРОД ОДИН — НАЗВАНИЙ МНОГО

Считается, что этнографическая граница между эвенками (тунгусами) и эвенами (ламутами) проходит по р. Улья в Охотском районе Хабаровского края. Ее удалось установить на основании лингвистического материала, а также разграничения собственно тунгусских и собственно ламутских родов. В названиях ламутских родов, как правило, не было характерного для эвенков окончания «гир».

С эвенами я был знаком недостаточно и летом 1969 г. отправился Магаданскую область, чтобы восполнить этот пробел.

В Магадане я зашел в областной архив, чтобы познакомиться с местными материалами, и тут сделал обескураживающее открытие. В книге Ольской Богоявленской церкви за 1903 г. все коренные жители числились *тунгусами*! «Пожертвовано тунгусом Гавриилом Необутовым на ремонт пятьдесят (50) рублей»... (ф. Д-1, д. 9). Тунгусами именовались как оседлые, так и кочевые эвены знакомых мне «номерных» ламутских родов — Уяганских, Долганских и др.

Я взял дела Гижигинской Спасской церкви. То же самое: 1-й Долганский, 2-й Долганский, 1-й Уяганский, «Хабаров род» записаны тунгусами... (ф. Д-73, д. 1).

Но, может быть, не стоило слепо доверять малограмотным священникам? Я просмотрел дела Ольского сельсовета за ранний период его существования. И что же: в письме начальника экспедиции Инцветметинженера В. Цареградского, геолога Вознесенского и инженера Л. Шумилова секретарю Сеймчанского РК ВКП(б) за 1931 г. упоминаются проводники «тунгусы Лука Громов, Петр Попов, Егор Слепцов и Василий Дьячков» (ф. Р-10, д. 2).

«Да есть ли эвены в Магаданской области?» — спросил я себя. Полный самых необычайных предчувствий, я взял материалы Ольского райисполкома и тут же нашел документы: «Посемейный список граждан-тунгусов, входящих в Сигланский сельсовет», «Посемейный список тунгусов первого Долганского рода», и т. д. (ф. Р-17, д. 11).

Я начал просматривать подряд все фонды, имеющие прямое или косвенное отношение к коренным жителям. В материалах Первого съезда Советов Северо-Эвенского района ДВК (с. Наяхан, 1932 г.) и округ и район именуются *эвенскими* (это утешительно), но листаю дальше и читаю: «Да здравствуют коммунисты-тунгусы!.. Да здравствует первый *орочельский* съезд!..» (ф. Р-17, д. 247).

Эвенов в деле так и не оказалось, зато к тунгусам добавились орочелы (орочи)! Все кочевые советы района названы орочельскими. Указано даже общее количество орочелов: 1747 чел. Вместе с тем при характеристике территориальных групп употребляется этноним «тунгусы» — вили

ганские, туватумские, наяханские, гармандинские, верхаламские, гижигинские, ямские, ольские...

Я обратился к материалам областного музея. Как-никак краеведы понимают толк в этнонимах... Листаю отчет научного сотрудника В. А. Злотиной о поездке в Тауйский район в 1934 г. В отчете говорится о том, что в Тауйском районе живут камчадалы, которые сами себя считают тунгусами и называют тунгусский язык своим родным языком (ф. Р-50, д. 26)...

Какие еще камчадалы? Я сел в автобус и направился в «поле», чтобы на месте узнать, куда же девались эвены. Автобус привез меня в поселок Гадлю, в 10 км от Олы, где, по словам попутчиков, жили носители названных выше этнонимов. Там расположен колхоз имени XXII съезда КПСС, объединивший бывших кочевых и оседлых аборигенов. Члены колхоза занимаются оленеводством, охотой, рыболовством, звероводством, сельским хозяйством, т. е. всеми традиционными и новыми отраслями хозяйства на Севере.

Беседую с колхозницей Марией Ивановной Золотых. По происхождению она метиска: отец — якут, мать — эвенка из рода Деллянкэн. В паспорте записана как эвенка, но считает себя якуткой. Владеет и эвенским, и якутским, и русским языками. Первый муж был эвеном, второй — русским. Дети от второго мужа записаны эвенами, но говорят только по-русски.

Ситуация как будто продолжала запутываться, однако я продолжал расспрашивать Марию Ивановну. «Раньше, — сказала она, — были тунгусы, но потом они стали называть себя орочи, а теперь они — эвены. Старые люди считают себя — орочами. И в Оле и в Армане живут орочи — тунгусы»...

Ламуты, по словам Марии Ивановны, это другой народ; они живут на Чукотке. Возле Олы ламутов нет. М. И. Золотых знает и пеших тунгусов; в Гадле и в Оле они были самыми бедными, безоланными орочами. Сейчас никого из них не осталось.

«Пеших тунгусов» было довольно много в XVII в. в устьях больших рыбных рек — Охоты, Ини, Тауя и др. В течение последующих двух веков они постепенно исчезали в результате эпидемий и ассимиляции их оленными ламутами и русскими. Я начал кое-что понимать. Правда, разговор с колхозником М. И. Хабаровым вновь несколько обескуражил меня. «Мы орочи, — твердо ответил на мой вопрос М. И. Хабаров, — а эвены — это другие люди. Нас считали тунгусами. А ламуты живут в Наыхане».

Было ясно, что этнонимы эвены и ламуты решительно непопулярны у жителей Гадли, хотя, по всем данным, здесь жили именно эвены, они же ламуты.

Чтобы проверить свои догадки, я вновь засел в архиве и вскоре получил подтверждение одной из них. В обзоре Охотско-Колмыкского района за 1933 — 1934 гг. говорилось, что его населяют орочёлы, иначе называемые *эвинами*. Это означало, что орочи (орочёлы), тунгусы, эвены — одно и то же.

Как видно, сначала существовало одно официальное наименование местного населения — тунгусы, потом, скорее всего в период национального районирования (в начале 1930-х годов), этот дореволюционный этноним был изъят из обращения и вместо него был введен этноним «орочёлы». Рядом с ним сосуществовало самоназвание эвены.

Из того же источника я узнал, кто такие камчадалы. О них было сказано: «Камчадалы ведут свое происхождение от оседлых коряк». Можно было также понять, что камчадалы происходят от смешанных браков русских с оседлыми коряками и частично с оседлыми тунгусами. Китель-менам местные камчадалы не имели никакого отношения и назывались так исключительно потому, что некогда эта прибрежная часть Магадан-



Рис. 1. Эвены-оленьеводы

ской области (к северу от Магадана) входила в состав Камчатской области. Как я затем установил, магаданские камчадалы говорят на искаженном русском языке, напоминающем язык енисейских сельдюков и других этнографических групп русских на сибирском Севере. Хотя магаданские камчадалы не относятся к коренному населению Севера, местные власти все же выделяют их из прочего русского населения и предоставляют им некоторые специальные льготы, какими пользуются представители малых народов Севера, например, правом на заготовку лососевой рыбы для личного потребления.

Здесь мне хочется сказать, что по всем изложенным в этих заметках вопросам существует обширная литература. Имеются различные точки зрения. Я ни с кем не вступаю в полемику, а излагаю только впечатления и идеи, возникшие у меня в ходе полевой работы.

Из Магадана я вылетел в Сеймчан, а оттуда — в бассейн р. Рассохи, притока Коркодона, правого притока Колымы, в самую северную часть Среднеканского района. Там находится отделение Омолонского оленеводческого совхоза, в котором работают эвены, наиболее полно сохранившие свой язык и традиционную культуру.

Моим проводником оказался заведующий «красной ярангой» Дмитрий Петрович Березкин, анадырский эвен. Мы шли пешком по горам и тундре, изредка делая привалы для отдыха. И вот, наконец, бригада № 6. Я с любопытством гляжу на вместительные эвенские юрты, на аккуратные ряды выючных сум, накрытые шкурами, на пушистых, почти квадратных лаек, выбежавших нам навстречу. А вот и сами пастухи в национальной одежде.

Пастухи называют себя *эвен*; официально они также считаются эвенами. «Но лет тридцать назад, когда мы кочевали на морском побережье у Гижики, мы были *орочи*», — сказал мне через переводчика старый пастух Андрей Афанасьевич Болдухин.

Постепенно истина вырисовывалась передо мной...

Почти в каждом районе у эвенков и эвенов существует свой говор. Но где бы они ни жили, они всюду называют себя почти одинаково: *эвенки*, *эвен*. Последнее самоназвание характерно не только для эвенов: оно было записано и от енисейских эвенков. До революции все эвенки и эве-



Рис. 2. Стадо пасущихся оленей

ны в литературе обычно именовались тунгусами, но северо-восточную их группу называли ламутами. После революции жителей северо-восточной части этого обширного ареала стали называть эвенками. В районах смежного расселения эвенки и эвены не отделяют себя друг от друга. Об этом мне говорили в 1955 и 1965 гг. эвенки Аяно-Майского района Хабаровского края, живущие по соседству с эвенками Охотского района. Якутский этнограф С. И. Николаев также отмечал, что оймьконские эвены не признают эвенков другим, отличным от них народом. «Они считают их всего-навсего дальним эвенским родом», — писал он<sup>1</sup>.

Разграничение эвенков и эвенов в научной литературе обосновывается определенными этнографическими различиями: например, эвены строили юрты чукотско-корякского типа («чорама-дю»), не доили оленей и т. д. Эти различия возникли исторически, по-видимому, вследствие культурного взаимодействия тунгусов с аборигенами северо-востока — юкагирами и коряками.

Как известно, юкагиры еще в XVII в. встречались между Леной и Анадырем. Именно в этой области теперь обитает значительная часть эвенов. На западе их отделяет от эвенков нижняя Лена.

Как нам с Березкиным удалось выяснить у рассохинских эвенов, «их юрта (которую они называют однако же не «чорама-дю», а просто «дю») имела лет двести назад совсем иной вид: это был обычный конический чум без всяких «чѳра»<sup>2</sup> и именовался он так же, как и чум: «дю». До сих пор эвены ставят на могилах сородичей три главных шеста, составляющие основу чума. Черты «чорама-дю» тунгусский чум приобрел именно в результате контактов с коряками и чукчами. Те же рассохинские эвены сообщили мне, что доение оленей им *известно* и что раньше бедные, плохо обеспеченные оленями эвены доили важенков, потерявших своих телят.

Наконец, у эвенов принят тот же архаический календарь, что и у эвенков: они делят год на 13 лунных месяцев и считают их «по голове и рукам»: начало года — макушка головы, следующий месяц — левое пле-

<sup>1</sup> С. И. Николаев, Эвены и эвенки юго-восточной Якутии, Якутск, 1964, стр. 28.

<sup>2</sup> Короткие шесты, из которых составляется каркас вертикальной стенки юрты «чорама-дю».



Рис. 3. Пастухи-эвены в национальной одежде. На втором плане — эвенская юрта

чо (год «спускается»), последний месяц — правое плечо (год «поднялся») и т. д.

На наш взгляд, тунгусы двигались на Крайний Север к востоку от Лены двумя волнами: первая, возможно, относится к XIII—XIV вв., когда на среднюю Лену пришли якуты, и вторая — к XVII—XVIII вв., когда в Якутию и на Охотское побережье пришли русские. Уклоняясь от уплаты ясака, на восток двинулись отдельные тунгусские роды.

Вероятно, тунгусов из первой «волны», которые испытали на себе наибольшее влияние юкагиров и оседлых коряков, тунгусы, жившие южнее и западнее их, называли ламутами (от эвенкийского *лам* — море). Тунгусы, попавшие в междуречье Лены и Анадыря со второй «волной», так и оставались «тунгусами». Это вызвало известную путаницу в понятиях окружающего населения, не видевшего особых различий между теми и другими.

В Москве мне встретился отчет статистика Приполярной переписи 1926/27 гг. К. Бауэрмана. Он пытался подразделять тунгусоязычное население северной части Охотского побережья и Камчатки на «тунгусов» и «ламутов», но не сумел преодолеть путаницу в этнонимах и, в конце концов, решил называть этих аборигенов двойным этнонимом: ламуты-тунгусы<sup>3</sup>. Между тем, судя по родовым названиям, речь шла о современных эвенах.

Д. П. Березкин, родившийся в районе озера Красное на Анадыре, говорил мне, что «для себя» его сородичи употребляют в качестве самоназвания термин *эвен* или *эвэсэл* (мн. число), а «для других» — ламут. «Другие» — это юкагиры, чуванцы, местные русские, чукчи. Так название народа начинает играть роль самоназвания, и это порой сбивает с толку даже опытных исследователей. Тунгусов-оленьеводов называли сначала орочи, орочелы (эвенкийское «орон» означает «домашний олень»). Это название отличало их от малооленных и безоленных соплеменников с Охотского побережья. «Для себя» эти оленеводы употребляли в виде самоназвания, разумеется, не термин орочи, а эвен, «для других» использовали первый термин, ибо под этим названием их знали «другие».

<sup>3</sup> ЦГАДА, ф. 3977, д. 306.





Рис. 4. Женщины-эвенки в национальной одежде

Примечательно при этом, что если какая-то часть оленеводов лишалась оленей и оседала на время или навсегда, эти люди продолжали называть себя *орочи*. К. Бауэрман пишет в своем отчете: «орочами называли себя «поглощено все тунгусы, включая горных». Упоминание о «горных» звучит несколько забавно: они-то, конечно, могли с достаточным основанием употреблять по отношению к себе данный этноним, а вот «береговые» безоленные тунгусы такого права по существу не имели!

В Северо-Эвенском районе я посетил колхоз «Путь Ленина» в пос. Гарманда на одноименной реке, впадающей в море северо-восточнее Магадана. Там я познакомился с эвенкой Марфой Ивановной Хардани. Между нами состоялся такой разговор:

— Кто такие *орочи*? — спросил я.

— *Орочи*?... Так нас называют русские, — ответила она.

— Но ведь вы, кажется, *эвены*?

— Да, но наши раньше не могли сказать о себе *эвен*: не знали по-русски и говорили — *орочи*.

То есть название *орочи* существовало для русских, знакомых с этим этнонимом, но не знавших самоназвания эвен.

Проходит время, и все меняется. В документах 1920-х и даже 1930-х годов этноним тунгусы, как мы видели, был обычным. Современные же эвены даже не знают этого слова, а если знают, то только из книг. Многие неизвестны также со словом *ламуты* и путают это название с неудачным нововведением *лоураветланы* (так в 1930-х годах пытались называть чукчей).

Эвен С. П. Аруев из того же колхоза на вопрос о его национальной принадлежности лаконично ответил: «*Ороч*». А когда его спросили, не эвен ли он, пожав плечами отвечал: «*Ороч, эвен — все равно*».

Итак, круг замкнулся, все встало на свои места. У эвенского народа не одно, а много названий, и все они появились не случайно, каждое имеет свой смысл, каждое вызвано к жизни особыми историческими обстоятельствами.

## РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1969 ГОДУ

Работа Института этнографии АН СССР в прошедшем году протекала в обстановке творческого подъема всего коллектива, вызванного стремлением достойно встретить знаменательную дату в жизни советского народа — 100-летний юбилей со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В преддверии юбилея Институтом был подготовлен ряд капитальных трудов, в которых нашли отражение наиболее актуальные проблемы этнографии и антропологии. Важные теоретические вопросы поднимались на страницах журнала «Советская этнография», а также в докладах и выступлениях сотрудников Института на научных сессиях, пленумах и конференциях.

Особое внимание Институт уделил проблемам, важность научной разработки которых была подчеркнута в Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В частности были усилены исследования этнических процессов, протекающих у народов СССР и зарубежных стран на современном этапе.

Научно-исследовательская работа Института в истекшем году включала следующие основные группы проблем:

1. Преобразование культуры и быта народов СССР в период построения социализма и коммунизма; история национального строительства в СССР; этнические процессы у народов СССР.

2. Закономерности современных культурных и национальных процессов у народов мира.

3. Этническая история человечества на различных этапах его социально-экономического развития.

4. Этногенез народов мира в свете новейших данных этнографии, антропологии и других наук.

5. Возникновение человека и человечества; закономерности развития первобытного общества; особенности перехода к классовому обществу у различных народов.

Ряд исследований, осуществлявшихся в Институте, был посвящен вопросам палеоэтнографии, этногеографии, этнодемографии и т. д. Заметное место в работе коллектива Института занимали также исследования по систематике и типологизации фольклора славянских народов. В Ленинградском отделении Института продолжалась разработка проблем африканского языкознания, тесно связанных с этнографическим изучением народов Африки.

Печатная продукция Института за истекший год составила 38 книг (из них 31 книга общим объемом 617 а. л. вышла в издательстве «Наука») и свыше 250 статей.

Заметным событием в советской этнографической науке следует считать выход в свет книги В. И. Козлова «Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы» (23 а. л.), в которой обобщен большой материал по этническому развитию народов всего мира. В работе намечается решение ряда важных теоретических вопросов этнографии, анализируется сложный механизм этнических процессов (особенно — процессов консолидации и ассимиляции) и оценивается их роль в изменении численности отдельных народов. На конкурсе лучших работ Института, изданных в 1969 г., книга В. И. Козлова была удостоена первой премии.

Столь же высокую оценку заслужила монография В. П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование» (28 а. л.). В этой работе на основе громадного краниологического материала подробно освещены проблемы формирования современных этнических групп Европейской части СССР.

Второй премией на конкурсе Института отмечена книга Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма» (20 а. л.), посвященная одному из наименее исследованных вопросов религиоведения — пережиткам домусульманских верований, в какой-то мере сохранившихся до настоящего времени у народов Средней Азии. Написанная на основании полевых материалов, книга не только дает четкое

представление об истоках многих пережитков в быту, но и вооружает необходимыми знаниями для антирелигиозной работы.

Семь книг, вышедших в 1969 г., посвящены вопросам этнографии современности — социалистическим преобразованиям хозяйства, культуры и быта отдельных народов Советского Союза, а также протекающим в нашей стране этническим процессам. Все эти работы написаны главным образом на основе экспедиционных материалов авторов.

В труде «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии» (20 а. л.) обобщены результаты экспедиционной полевой работы коллектива ученых. В книге детально показаны традиционные и новые черты в материальной культуре (жилище, характере поселений, одежде) русских, живущих на юге Сибири (в Алтайском крае) и в Казахстане.

Другая коллективная работа, опубликованная по этой тематике, — «Этнографические очерки узбекского сельского населения» (20 а. л.) содержит материалы, собранные в результате многолетнего обследования колхозного населения одного из интереснейших с этнографической точки зрения районов современного Узбекистана. В работе исследуются процессы культурного взаимовлияния и сближения народов, показаны черты, характеризующие духовную жизнь современного узбекского крестьянства.

В монографии Я. Р. Винникова «Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР» (22 а. л.) рассматривается обширный круг вопросов: история формирования этнического состава Туркменистана, социалистические преобразования, происшедшие в хозяйстве, культуре и быту сельского населения республики за годы Советской власти, этнические процессы, протекающие на территории республики в настоящее время.

По своей тематике к этой работе примыкает монография Г. П. Васильевой «Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане» (20 а. л.). В ней описываются изменения в хозяйстве, быту, духовной и материальной культуре сельского населения Северного Туркменистана за период социалистического строительства.

Одному из национальных меньшинств Туркменистана — белуджам, переселившимся в 1923—1928 гг. из Афганистана, посвящена книга Э. Г. Гафферберг «Белуджи Туркменской ССР» (18 а. л.). В монографии освещаются хозяйство и быт белуджей Туркмении, особенности их традиционной культуры, а также показаны преобразования, которые произошли в быту белуджей за время их жизни в Советском Союзе. Особое внимание уделено исследованию этнических процессов у современных белуджей.

В книге К. В. Вяткиной «Очерки культуры и быта бурят» (15 а. л.) показано развитие национальных форм культуры и быта бурятского народа.

Большой интерес представляет монография Г. М. Василевич «Эвенки. Историко-этнографический очерк» (21 а. л.), которая является первым обобщающим трудом по этнографии этого народа. Автор тщательно исследует генезис материальной культуры эвенкинского народа. В книге также нашли отражение хозяйственные и культурные преобразования, происшедшие в жизни эвенков в советское время.

Несколько книг, изданных в 1969 г., посвящено исследованию традиционной культуры и быта народов нашей страны.

Органическим продолжением историко-этнографического атласа «Русские» является работа «Из истории русского народного жилища и костюма (середина XIX — начало XX вв.)». Книга эта посвящена архитектурным украшениям русского крестьянского жилища и украшениям крестьянской одежды.

По тематике к названной выше работе примыкает книга С. В. Иванова «Скульптура народов Севера Сибири» (25 а. л.). В этом труде с этнографических позиций рассматривается бытовая и религиозная скульптура обских угров, ненцев, кетов и эвенков.

Большой круг проблем поднят в монографии Н. А. Кислякова «Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана» (20 а. л.). Автор поставил перед собой задачу проследить стадии развития семьи, выявить зависимость форм семьи от социально-экономических условий.

Вопросам генезиса некоторых форм материальной культуры народов Средней Азии, в частности проблеме происхождения орошаемого земледелия, посвящена монография Б. В. Андрианова «Древние оросительные системы Приаралья» (28 а. л.).

Исследованию одного из интереснейших жанров народного творчества русского народа — былин, посвящена монография Р. С. Липец «Эпос и древняя Русь» (16 а. л.). Автор широко привлекает археологические, исторические и лингвистические данные, анализ которых позволяет приурочить сложение былин как жанра к эпохе становления раннеклассового общества.

Другой жанр русского фольклора — сказки — явился темой исследования Э. В. Померанцевой, выступившей в качестве составителя интересного сборника сказок («Русские народные сказки, записанные от А. Н. Козьмова» — 17 а. л.).

Проблеме происхождения современных народов посвящены исследование В. Р. Кабо, а также работа С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева.

Книга В. Р. Кабо «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии» (25 а. л.) представляет собой первое в советской и зарубежной науке фундаментальное исследование, посвященное доколониальной истории аборигенов пятого континента. Монография основана на комплексном использовании новейших данных антропологии, археологии, геологии, геоморфологии, палеогеографии, этнографии и лингвистики.

В работе С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева «Древнейшие культуры азиатских эскимосов» (24 а. л.) рассматриваются древнейшие этапы заселения северо-востока Евразии, пути сложения культуры эскимосов — аборигенов восточного побережья Чукотки.

Исследованию проблем этнической истории, материальной и духовной культуры фракийских племен, живших в древности на территории юго-западных областей нашей страны, посвящен изданный совместно с Институтом археологии сборник «Древние фракийцы в Северном Причерноморье» (20 а. л.).

Значительный интерес представляет книга В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах» (16 а. л.), имеющая особую политическую актуальность. В ней воссоздается картина хозяйственного освоения русскими переселенцами Приамурья и Забайкалья в XVII в. и прослеживается история борьбы Русского государства за сохранение в своем составе этих областей в период агрессивного вторжения в пределы России военных отрядов Цинской империи.

Ряд книг, опубликованных Институтом в 1969 г., посвящен проблемам этнического и национального развития народов зарубежных стран, а также их борьбе за национальную и политическую независимость.

В числе таких работ прежде всего следует назвать сборник «Нет! — расизму» (15,5 а. л. Отв. ред. А. В. Ефимов, члены редколлегии И. Р. Григулевич, Э. Л. Нитобург). В статьях этого сборника исследуется проблема расы как социальной категории, освещается понятие о расе в современной антропологии, а также рассказывается о сегрегации и дискриминации негритянского населения США, о расизме в Южной Африке и т. д.

Другая коллективная работа — «Гвиана» (15 а. л. Отв. ред. И. Р. Григулевич. Члены редколлегии — С. А. Гонионский, Э. Л. Нитобург, Л. А. Файнберг) — первая в советской науке книга, посвященная этнографии, истории и современному политическому положению трех частей Гвианы (Гайана, Суринам, Французская Гвиана).

Процессы, происходящие в экономике, общественных отношениях и культуре современного Ирана, освещаются в книге М. С. Иванова «Иран сегодня» (11 а. л.).

В своей другой работе, «Рабочий класс современного Ирана» (17 а. л.), М. С. Иванов рассматривает широкий круг проблем, важных для уяснения современного положения рабочего класса в странах Ближнего Востока, в частности Ирана.

Юрюкам — своеобразной этнической группе в составе турецкого народа — посвятил свое исследование Д. Е. Еремеев («Юрюки», 6 а. л.). В работе подробно описаны расселение юрюков, их хозяйство, социально-экономические отношения, быт и культура.

В 1969 г. вышли также 3 сборника из числа серийных изданий института: «Кавказский этнографический сборник», IV (25 а. л.), «Африканский этнографический сборник», VII (25 а. л.) и «Сборник МАЭ», т. XXV (32 а. л.).

Четвертый выпуск «Кавказского этнографического сборника» включает статьи по исторической и современной этнографии народов Кавказа, основанные на архивных документах, литературных источниках и полевых материалах.

В очередном выпуске «Африканского этнографического сборника» — «Africana», VII (отв. редактор Д. А. Ольдерогге) продолжается публикация работ по истории, языку и культуре народов этого континента.

Как известно, «Сборник МАЭ» призван знакомить читателя с уникальными коллекциями Музея антропологии и этнографии. В очередном, 25-м томе, выпущенном под названием «Культура народов зарубежной Азии и Океании», дается публикация музейного материала по дархатам, бирманцам, китайцам. В этом же томе описаны коллекции предметов материальной культуры горных народов Филиппин, маньчжуров, тибетцев, айнов, населения Цейлона, острова Таити.

В 1969 г. продолжалась публикация трудов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Вышел в свет VI том (41 а. л.), включающий материалы двух секций конгресса — «Устное народное творчество», «Народный театр и хореография» и двух симпозиумов — «Классификация устно-поэтических жанров» и «Рабочий фольклор».

Сотрудниками Института написано и выпущено в свет также несколько книг научно-популярного характера. Весьма актуальна работа И. А. Кривелева «Атеистические заветы Ленина» (4 а. л.), где в популярной форме рассказывается о том новом, что внес В. И. Ленин в теорию научного атеизма, а также о том, какое значение он придавал освобождению трудящихся от пут религии.

Тому же автору принадлежат еще две книги: «Что знает история об Иисусе Христе?» (16 а. л.) и «Почему не следует верить в бога?» (4 а. л.). Все работы И. А. Кривелева имеют большое значение для пропаганды научного атеизма.

В. А. Туголуков опубликовал книгу «Следопыты верхом на оленях» (11 а. л.), рассказывающую об истории, материальной и духовной культуре одного из народов Сибири — эвенков. В. П. Алексеев издал работу «От животных к человеку» (12 а. л.), повествующую об эволюционном развитии человека.

В Токио на японском языке вышла книга А. А. Зубова «Человек заселяет планету» (перевод с русского издания). О национальном герое Мексики Бенито Хуаресе рассказывает в своей книге «Хуарес», (12 а. л.) И. Р. Григулевич.

Ряд работ сотрудников Института опубликован вне плана или по издательским планам других учреждений. Это книга В. В. Пименова (написанная совместно с

Е. Эпштейном) «Карелия глазами путешественников и исследователей». (15 а. л.), изданная в Петрозаводске, сборник статей «Ономастика Поволжья» (20 а. л.), подготовленный в основном силами Группы ономастики Института и опубликованный в Ульяновске и т. д.

Важные теоретические проблемы этнографии, антропологии, социологии были подняты на страницах журнала «Советская этнография» в статьях Ю. В. Бромляя и О. И. Шкаратана «О соотношении истории, этнографии и социологии» (№ 6), В. В. Покшишевского «Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения» (№ 5), Л. Н. Терентьевой «Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях» (№ 3), В. П. Алексеева «О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования» (№ 1). «О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования» (№ 6) и др.

На страницах журнала продолжались дискуссии по проблемам типологии этнических общностей и специфике этнических процессов в СССР, а также по вопросу о соотношении рода и патрионимии. Были подведены итоги дискуссии по проблемам происхождения белорусов и сравнительного изучения наскальных изображений.

Важное теоретическое и практическое значение имеет всестороннее изучение процессов консолидации и сближения социалистических наций. Институт этнографии придает этой проблеме очень большое значение. Его коллектив готовит обобщающий труд «Этнические процессы в СССР» (20 а. л.), который намечается завершить в 1971 г. Это исследование призвано раскрыть на обширном фактическом материале диалектическую взаимосвязь процессов расцвета наций и их сближения.

В Институте активно идет подготовка исследований регионального характера (по Кавказу, Сибири, Дальнему Востоку и другим районам). В 1969 г. завершены два сборника: «Этнические процессы на Крайнем Севере» (20 а. л.) и «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера» (20 а. л.).

В работе «Этнические процессы на Крайнем Севере», написанной коллективом авторов, освещается этническое развитие ненцев, хантов, манси, селькупов, юкагиров, чукчей, эскимосов, эвенов и других народов Крайнего Севера в период социалистического строительства.

В статьях сборника «Осуществление ленинской национальной политики на Крайнем Севере», подготовленного Институтом к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, исследуются пути осуществления ленинской национальной политики на Севере, особенности некапиталистического развития малых народов Севера, процесс социалистического переустройства хозяйства и культуры отсталых в прошлом северных народов: хантов, манси, ненцев, эвенов, нганасан и др.

Одной из важнейших задач советской этнографической науки продолжает оставаться исследование специфики культурно-бытовых процессов у народов СССР, изменений в соотношении традиционных и заимствованных форм культуры, культурно-бытовых заимствований, а также изучение новых традиций и новых общесоветских черт культуры и быта.

Для исследования культурно-бытовых процессов у различных народов СССР, наряду с методом непосредственного этнографического наблюдения, все шире практикуется метод этносоциологического обследования, предполагающий использование массовых статистических и анкетных данных. В связи с этим в Институте продолжало успешно развиваться этносоциологическое направление. В 1969 г. завершена коллективная монография «Этносоциологическое изучение сельского и городского населения Татарии» объемом 25 а. л. В числе других работ, завершенных по этой теме, следует отметить монографии С. Б. Рождественской «Жилище рабочих Горьковской области» (12 а. л.) и А. Е. Тер-Саркисянц «Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР)» объемом 17 а. л.

С каждым годом все более значительное место в работе Института занимает исследование городского населения, которое проводится в Поволжье, на Урале и в средней полосе РСФСР. В отчетном году было продолжено этносоциологическое обследование городского и сельского населения Удмуртской АССР, начатое в 1968 году. По переходящей теме «Изучение культуры и быта населения городов РСФСР» проводились полевые исследования в городах Калуге и Козельске. Продолжалось также изучение преобразовательной культуры и быта народов СССР по отдельным регионам (Кавказ, Прибалтика, Средняя Азия, Европейский Север и Сибирь и т. д.).

Изучение закономерностей национально-освободительного движения и национальных процессов у народов мира, особенно у народов развивающихся стран, также входит в круг ведущих проблем, которые разрабатываются специалистами Института, занимающимися этнографией зарубежных стран.

В 1969 г. завершены две работы: Мартин Лютер Кинг «Есть у меня мечта» (12 а. л.) и сборник «Народы против расизма» (22 а. л.). Книга «Есть у меня мечта» включает впервые публикуемые на русском языке 13 работ (фрагменты из книг, статей и выступлений) видного борца против расизма лауреата Нобелевской премии мира Мартина Лютера Кинга. Сборник «Народы против расизма» посвящен одному из наиболее жгучих вопросов современности — разоблачению теории и практики расизма в наше время, а также показу борьбы народов и международных организаций против расизма и всех других форм расовой дискриминации.

Вопросы формирования и развития наций, положения различных национальных групп, процессов ассимиляции и т. д. рассматриваются и в переходящих коллективных работах, посвященных народам США, Канады («Национальные проблемы Канады», 15 а. л., «Национальные процессы США», 25 а. л.), и Латинской Америки («Проблемы формирования и развития наций Латинской Америки» 20 а. л.). Историко-этнографический очерк по Колумбии готовит С. И. Гонимский (объем работы 20 а. л.).

Теоретические проблемы национального развития в зарубежных странах занимали ведущее место и в тематике методологического семинара по национальному вопросу, работающего в Институте уже в течение нескольких лет.

Среди круга проблем, разрабатываемых Институтом, следует отметить и антропологические исследования. В рамках этой проблематики продолжалась работа по созданию обобщающего труда «Факторы расообразования у человека по исследованиям современного человечества» (рук. В. В. Бунак, объем 20 а. л.).

Большое мировоззренческое значение имеют исследования в области истории первобытного общества. К 150-летию юбилею со дня рождения Ф. Энгельса Институтом подготовлен сборник «Охотники, собиратели, рыболовы (хозяйственные коллективы, социальные организации и этнические общности на доземледельческой стадии)» объемом 30 а. л. Продолжается работа над монографией «Закономерности развития первобытного общества» (рук. А. И. Першиц, объем 20 а. л.).

С изучением истории первобытного общества тесно смыкается и разрабатываемое Институтом направление, исследующее зарождение классового общества, особенности развития и смены формаций. По этой проблеме завершена монография Т. Д. Златковской «Племенные союзы и ранние государства у древних фракийцев» (15 а. л.).

По теме «Генезис и развитие феодализма у народов Азии и Африки» завершены две работы: сборник «Община и ее роль в современной жизни стран Зарубежного Востока» (25 а. л.) и монография А. И. Першица «Особенности феодализма у кочевников-скотоводов» (12 а. л.).

Одно из ведущих мест в деятельности Института занимает разработка проблем этногенеза. Этим проблемам посвящены 9 работ, завершенных в 1969 г. Это монографии И. С. Вдовина «Очерки этнической истории коряков» (25 а. л.), М. А. Итиной «История степных племен Юго-Восточного Приаралья в эпоху бронзы» (20 а. л.), С. И. Вайнштейна «Историческая этнография тувинов и проблемы этнокультурной истории кочевников Азии» (25 а. л.), О. А. Вишневской «Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.» (15 а. л.), М. Г. Воробьевой «Дингильджи. Усадьба I тысячелетия до н. э. в Древнем Хорезме» (15 а. л.), Н. Н. Грацианской «Этнографические группы Моравии» (11 а. л.), Р. Ш. Джарылгасиновой «Роль когуресцев в этнической истории корейского народа» (15 а. л.), Д. Е. Еремеева «Происхождение турецкого народа» (20 а. л.), С. Г. Федоровой «Русское население Аляски и Калифорнии» (15 а. л.) и сборник «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана» (25 а. л.).

Разработке проблем этногенеза посвящен также ряд переходящих трудов. Средних заслуживают особого внимания антропологические исследования по восстановлению облика древнего человека. Эти вопросы рассматриваются в работе Г. В. Лебединской и Т. С. Сурниной «Метод восстановления лица по черепу (закономерности в строении мягких тканей лица и черепа человека)» объемом 8 а. л.

Большая работа ведется также по обработке материалов археологических и этнографических исследований в Средней Азии. В частности готовится коллективный труд «Проблемы палеографии, этнической истории и освоения низовьев Сырдарьи» (рук. С. П. Толстов, объем 25 а. л.). Продолжается работа по созданию коллективной монографии «Памятник Хорезмийской античности — городище Топрак-Кала» (два пол тома общим объемом 45 а. л.). Сельским поселениям Древнего Хорезма будет посвящена работа, которую готовит Е. Е. Неразик (20 а. л.), ранние этапы этногенеза народов Средней Азии предполагает осветить А. В. Виноградов в своей монографии «Вопросы древнейшего заселения внутренних Кызылкумов» (17 а. л.), подготавливаемой при участии преподавателя Ташкентского государственного университета Э. Д. Мамедова.

Проблемам этнической истории зарубежных народов посвящена монография А. И. Мухлинова «Этническая история вьетнамцев» (15 а. л.). Большое значение для научной разработки проблем этногенеза имеет подготовка таких капитальных трудов, как региональные историко-этнографические атласы (Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана).

Советские этнографы принимают активное участие в подготовке «Историко-этнографического атласа Европы», создаваемого учеными разных стран под руководством международной «Постоянной комиссии этнографического атласа» (в СССР эту работу возглавляют С. И. Брук и С. А. Токарев). В 1969 г. для этого атласа сотрудниками Института подготовлены три пробные карты.

Институт этнографии уделяет большое внимание изучению культуры народов СССР и зарубежных народов. Различным аспектам материальной и духовной культуры народов нашей страны посвящено пять работ, завершенных в 1969 г. Это коллективный труд «Опыт исследования культуры русского колхозного села» (15 а. л.), монография Т. В. Лукьяненко «Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв.» (14 а. л.) и Н. В. Новикова «Русская сказка в ранних записях и публикациях» (20 а. л.), а также три сборника статей: «Кавказский

этнографический сборник» (25 а. л.), «Этнография и фольклор Европейского Севера» (20 а. л.), «Этнография имен» (15 а. л.).

Исследованию культуры зарубежных народов посвящены три работы, законченные в 1969 г.: сборник «Зимний цикл народных календарных обычаев и обрядов в странах Западной Европы» (25 а. л.) и монографии Н. А. Красновской «Фриулы» (12 а. л.) и Н. Н. Садомской «Галисийцы» (14 а. л.).

К числу работ, завершение которых отнесено на 1970 г., принадлежит труд «Индейцы Северной Америки» (20 а. л.), подготавливаемый Ю. П. Петровой-Аверкиевой. В работе на большом фактическом материале рассматриваются изменения в культуре и общественном строе индейцев.

По проблеме изучения исторических систем письма завершена подготовка сборника статей «Эпиграфика Восточной и Южной Азии» (20 а. л.). В сборнике представлены исследования, посвященные эпиграфическим памятникам народов Китая, Кореи, Монголии, Индонезии и Цейлона. Продолжается также работа по расшифровке древнеиндийского письма и письменности майя, киданей и чжурчженей. Лингвистическая группа сектора Африки под руководством члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге продолжала работу над «Очерками по грамматике языка мандинго (бомана)».

Лаборатория этнической статистики и картографии Института уже в течение многих лет ведет разработку этногеографических аспектов проблемы народонаселения. Работы, выполненные этой лабораторией, давно получили мировую известность. Основной коллективный труд, который готовится в настоящее время лабораторией, — «Атлас населения мира» — крупная обобщающая этногеографическая и этнодемографическая работа, состоящая из большого числа карт, пояснительного текста и статистических таблиц. К концу 1969 г. были составлены авторские оригиналы более 300 карт по следующим основным разделам атласа: «Естественное движение населения» (В. И. Козлов), «Плотность населения. Города» (Б. В. Андрианов), «Миграции населения», «Обслуживание населения» (В. В. Покишевский, М. Я. Берзина), «Языковый и религиозный состав населения» (П. И. Пучков), «Культура и просвещение» (Я. Р. Винников). Продолжается работа над большой картой «Плотность населения мира» в масштабе 1 : 15 000 000, которая должна выйти в свет в конце 1970 г. По тематике лаборатории завершена также монография М. Я. Берзиной «Формирование этнического состава населения Канады» (15 а. л.).

По проблеме «История религии и атеизма» продолжалась работа над монографиями «Религия в Латинской Америке» (автор И. Р. Григулевич, объем 25 а. л.) и «Очерки истории религий» (автор И. А. Кривелев, объем 25 а. л.).

\* \* \*

В 1969 г. сотрудники Института этнографии приняли участие в работе более 30 научных сессий, конференций, совещаний и симпозиумов. Ими было подготовлено и прочитано свыше 150 докладов по этнографии, социологии, антропологии, фольклористике, ономастике и другим смежным научным дисциплинам.

В апреле прошлого года в Ленинграде проходила сессия Отделения истории АН СССР, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Как и в прошлые годы, она была организована Отделением истории, Институтом археологии и Институтом этнографии АН СССР<sup>1</sup>.

В июне в Ленинградском отделении Института состоялась третья ежегодная научная сессия, посвященная исполняющемуся в 1970 г. 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса. На сессии было заслушано 29 докладов по различным проблемам этнографической науки, из которых значительная часть была посвящена анализу общественного строя у разных народов, а также раскрытию вклада Ф. Энгельса в изучение социально-экономических отношений. Материалы сессии были опубликованы в виде тезисов<sup>2</sup>.

В мае была проведена II Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов, организованная Институтом совместно с Институтом востоковедения АН СССР и Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации. На этой конференции Институт этнографии был представлен 5 докладчиками — Н. А. Бутиновым, В. Р. Кабо, П. И. Пучковым, А. М. Решетовым, Д. Д. Тумаркиным<sup>3</sup>.

Институт этнографии принимал активное участие в работе научной сессии по этногенезу башкир, организованной Отделением истории и Башкирским филиалом АН СССР. Материалы сессии будут изданы отдельным томом в серии «Археология и этнография Башкирии». На алтаистической сессии Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Институт этнографии был представлен докладами Г. М. Василевич и В. С. Старикова. На сессии Совета по комплексному изучению человека при Отделении физиологии АН СССР, состоявшейся в январе в Ленинграде, был заслушан доклад

<sup>1</sup> Е. В. Иванова, А. М. Решетов (Ленинград), Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 года, «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 119—126.

<sup>2</sup> А. М. Решетов, Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 131—134.

<sup>3</sup> Д. Д. Тумаркин, Вторая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов, «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 126—129.

сотрудника Института этнографии В. В. Бунака «Место антропологии в комплексном изучении человека и основные задачи антропологической науки».

Сотрудники Института этнографии принимали участие в четырех всесоюзных конференциях, организованных различными научными учреждениями: Всесоюзной конференции арабистов, II Всесоюзной конференции оружейников, I Всесоюзной конференции африканистов, Всесоюзной конференции по проблеме двуязычия и многоязычия.

Сотрудники Института участвовали также в XI сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Одессе, а также в 12 других научных конференциях и совещаниях, проходивших в разных городах и республиках Союза.

\* \* \*

Сотрудники Института этнографии принимали участие в 19 международных и национальных конгрессах, конференциях и симпозиумах, 15 из которых созывались за рубежом и 4 — в Советском Союзе.

Участие в работе этих конгрессов, конференций и симпозиумов, выступления с докладами, дискуссии и беседы с зарубежными учеными способствовали пропаганде за рубежом советской этнографической и антропологической науки и фольклористики. В этом отношении особенно эффективным было участие Института в VIII Международном конгрессе ИНКВ (Международный союз по изучению четвертичного периода) и симпозиуме под эгидой ЮНЕСКО по проблеме «Изменение природной среды и появление человека», проводившихся в Париже, в V Конгрессе Международного общества по исследованию народной словесности, состоявшемся в Румынии, в Генеральной ассамблее и конференции Международного союза по изучению народонаселения, созывавшихся в Лондоне, в V Международном фольклорном фестивале в Болгарии, в симпозиуме по проблемам этнографии Северных стран, проводившемся в Швеции и Норвегии, и др.

Весьма успешно прошел в Москве организованный Институтом советско-венгерский симпозиум по теоретическим и методологическим вопросам современной этнографии и фольклористики. На симпозиуме было обсуждено около 15 докладов ведущих советских и венгерских этнографов и фольклористов<sup>4</sup>.

Сотрудники Института участвовали также в полевых исследованиях за рубежом. Важное значение для выяснения антропологического состава населения Финляндии и решения вопросов происхождения финно-угорских народов имело продолжение совместных советско-финских антропологических обследований населения Финляндии, которые проводились при участии сотрудников Института А. А. Зубова и Н. В. Шлыгиной<sup>5</sup>.

Развитию международных связей весьма способствовала стажировка в Институте этнографии зарубежных ученых. В соответствии с соглашениями о научном сотрудничестве между АН СССР и академиями социалистических стран Институт был принят учеными из МНР, Болгарии, ГДР, Венгрии, Чехословакии и Югославии. Аспирантскую подготовку при Институте проходили этнографы из ДРВ и Ганы.

В 1969 г. было проведено 20 заседаний Ученого совета Института. На заседаниях рассматривались насущные проблемы этнографической и антропологической наук. В частности, были заслушаны доклады о современном состоянии этнографической науки во Франции (С. А. Токарев) и США (Ю. П. Петрова-Аверкиева).

В 1969 г. на заседаниях Ученого совета Института было защищено 6 докторских и 8 кандидатских диссертаций. Кроме того, 9 кандидатских диссертаций были защищены на секции Ученого совета в Ленинградском отделении Института.

Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили сотрудники Института С. И. Вайнштейн, Б. А. Калоев, В. И. Козлов; на соискание ученой степени кандидата исторических наук — М. Я. Берзина, А. И. Кузнецов, В. П. Курyleв, К. М. Мешков, С. Г. Федорова, М. А. Членов.

\* \* \*

Активно продолжалась в 1969 г. научно-популяризаторская работа коллектива Института. Наряду с публикацией популярных этнографических и антропологических работ, сотрудники Института читали лекции, выступали по радио и телевидению, участвовали в создании фильмов, давали консультации и т. п.

Выдающуюся роль в пропаганде этнографической науки и этнографических знаний играет Музей антропологии и этнографии (МАЭ) при Ленинградском отделении Института. Этот музей обладает уникальными коллекциями по многим народам мира. За прошедший год музей посетило около 50 тыс. человек. В Музее проводится большая научная, методическая и культурно-просветительная работа.

МАЭ участвовал в экспозициях, организованных во многих других музеях: Государственном Эрмитаже, Государственном музее искусства народов Востока, Государственном музее народов СССР, Музее истории религии и атеизма и т. д.

<sup>4</sup> См. И. Н. Гроздова, Венгеро-советский симпозиум, «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 166—171.

<sup>5</sup> См.: А. А. Зубов, Н. В. Шлыгина, Антропологическая экспедиция в Финляндию, «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 171—173.



## ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОРДОВСКОЙ АССР

5—6 марта 1970 г. в столице Мордовской АССР Саранске проходила Первая республиканская краеведческая конференция Мордовской АССР, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 40-летию образования Мордовской АССР. Организаторами ее были Московский филиал и Мордовский отдел Географического общества СССР. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, а также краеведческий музей республики.

На первом пленарном заседании с приветствием к участникам конференции обратился заместитель председателя Совета Министров Мордовской АССР А. О. Пиксаев, который сообщил, что в работе конференции принимают участие не только краеведы республики, но и ученые Москвы, Горького, Пензы, Ульяновска, Саранска. Во время этого заседания с большим интересом был заслушан доклад председателя Госплана Мордовской АССР С. Г. Есина (Саранск) «Подъем экономики и культуры в Советской Мордовии — яркий пример осуществления ленинской национальной политики». Докладчик дал подробную экономико-географическую характеристику Мордовской АССР, а также рассказал о развитии экономики и культуры республики за годы Советской власти и о перспективах их дальнейшего роста. Затем с докладом «Распространение ленинских идей в Мордовском крае» выступил директор Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики М. В. Дорожкин, который рассказал о том, как в период подготовки и проведения революции 1905 г. а также в последующие годы на территории волостей и уездов, вошедших затем в состав Мордовской АССР, велась пропаганда идей ленинской «Искры», работали члены РСДРП.

Большой интерес присутствующих вызвал доклад В. А. Никонова (Москва) «Советское краеведение». Докладчик подчеркнул в своем выступлении мысль о том, что советские краеведы должны изучать родной край в неразрывном единстве со страной в целом, не игнорируя местные интересы, но и не противопоставляя их общим. Он рассказал о задачах, стоящих перед краеведами Мордовии, и указал на недостатки их работы.

После докладов развернулись оживленные прения. Все три доклада получили положительную оценку. Ректор Мордовского государственного университета А. И. Сухарев сообщил, что при университете создана Комплексная группа, в задачи которой входит изучение современного состояния материальной и духовной культуры Мордовской АССР, с тем чтобы в дальнейшем использовать полученные данные для практических целей. Он говорил также о необходимости овладения учеными современными методами исследования, в частности методами количественного анализа, без которых невозможно сделать фундаментальных обобщений.

На заседаниях секции истории и археологии, природы и хозяйства, этнографии и ономастики, проходивших 5 и 6 марта, было прочитано 52 доклада, из них 18 на секции этнографии и ономастики (руководитель Н. Ф. Мокшин). Остановимся подробно на работе этой секции, в которой приняло участие свыше 30 человек.

На вечернем заседании 5 марта было прочитано семь докладов. Интересным был доклад «Деятельность музеев России по сбору мордовских этнографических коллекций». Его автор Н. Ф. Мокшин (Саранск) подробно охарактеризовал мордовские коллекции, собранные до Великой Октябрьской социалистической революции.

Т. П. Федянович (Москва) в докладе «Мокшанская свадьба в XX в.» на материале двух мокшанских районов Мордовской АССР рассказала об изменениях, происшедших в свадебных обрядах мокши в XX в., о причинах, вызвавших эти изменения и о локальных вариантах в свадебных обрядах. Доклад В. Н. Мартынова (Саранск) «Новые материалы по резному орнаменту мордвы» был посвящен характеристике орнамента на парях (пары — кадушки, в которых мордовские женщины хранили свое приданое), найденных автором в мордовских селах Горьковской области.

В. Н. Куклин (Саранск) выступил с докладом «Изучение домашнего производства мордвы». Основная мысль его сводится к тому, что следует серьезно заняться изучением сельских промыслов, существовавших ранее у мордвы. Это позволит возродить эти промыслы, а также организовать труд в сельской местности на научной основе, что,

в свою очередь, будет способствовать более полному и равномерному использованию трудовых ресурсов и местных источников сырья.

В. А. Балашов (Саранск) в докладе «Культурно-бытовые процессы в жизни мордовского колхозного крестьянства» отметил, что изменения в общественной жизни Мордовии привели к преобразованиям в материальной и духовной культуре мордовского колхозного крестьянства. Автор подтверждает это положение убедительными примерами. Далее он говорит о том, что, несмотря на большие изменения, материальная и духовная культура мордовских крестьян сохранила наиболее ценные национальные элементы. Докладчик указал также на недочеты культурно-воспитательной работы на селе и подчеркнул, что совершенствование быта колхозной деревни, преодоление существующих недостатков в бытовом обслуживании является неотложным делом и условием дальнейшего переустройства деревни. Э. Н. Таракина (Саранск) прочитала доклад «Отражение жизни народа в мордовских колыбельных песнях», В. П. Тумайкина — доклад «О пчеловодстве у мордвы».

На состоявшихся 6 марта утреннем и вечернем заседаниях секции было заслушано 14 докладов. С большим интересом был встречен доклад Л. Л. Трубе (Горький) «Развитие городских поселений и рост городского населения Мордовской АССР». Автор отметил, что, несмотря на большой рост в Мордовской АССР в послевоенные годы городских поселений и городского населения, перед республикой все еще стоят задачи укрупнения городских поселений и развития промышленности в глубинных районах республики. Г. И. Лесов (Саранск) в докладе «О некоторых дохристианских верованиях мордвы» говорил о пережитках христианских и дохристианских верований в погребальных и поминальных обрядах мордвы. Автор указал, что в целях борьбы с этими пережитками необходимо активизировать работу по распространению новых гражданских обрядов.

И. К. Орфанов (Горький) в интересном докладе «Районные центры автономных республик РСФСР в системе обслуживания» высказал мысль о том, что центры районов должны выполнять функции города. Это способствовало бы выравниванию уровня жизни в городе и деревне. С большим интересом присутствующие выслушали доклад В. А. Никонова (Москва) «Мордовские фамилии». Автор говорил о том, что фамилии у мордовских крестьян появились довольно поздно и широко стали распространяться среди населения только после реформ 60-х годов XIX в. В. А. Никонов остановился также на характеристике особенностей мордовских фамилий и способов их образования.

Интересными были доклады В. И. Трофимова (Москва) «Отражение истории трудящихся масс в скульптурных произведениях С. Д. Эрзы», Т. Ф. Тонковой (Саранск) «Долгожители Мордовии», И. К. Инжеватова (Саранск) «Топонимия Дубенского района Мордовской АССР», Д. В. Цыганкина (Саранск) «Мордовская микропонимия», Л. С. Кавтаськина (Саранск) «Отражение в народных песнях истории некоторых городов и селений», Ф. А. Карягина (Горький) «Одноименные мордовские топонимы Мордовии и Чувашии», Н. И. Панина (с. Желанное, Рязанской обл.) «Топоним Рязань».

Вечером 6 марта после работы секций вновь состоялось пленарное заседание конференции, на котором были подведены итоги ее работы и приняты рекомендации. Выступавшие отметили, что несмотря на некоторые организационные недостатки, конференция прошла успешно и принесла большую пользу. Было высказано пожелание, чтобы подобные конференции собирались чаще и не только в Саранске, но и в других городах республики. Единогласно было принято предложение издать доклады, заслушанные на конференции.

Участникам конференции показали два прекрасных фильма о Мордовии и ее замечательных сынах: скульпторе С. Д. Эрзе, композиторе Л. И. Воинове, художнике Ф. В. Сычкове. Делегаты конференции посетили юбилейную выставку произведений Ф. В. Сычкова, посвященную 100-летию со дня рождения художника.

Т. П. Федянович

## МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭТНОГРАФОВ-СЛАВИСТОВ

С 31 мая по 5 июня 1970 г. по инициативе словацких этнографов, прежде всего кафедры этнографии и фольклористики Университета им. Яна Коменского в г. Братиславе (зав. кафедрой Я. Подолак) состоялась Международная конференция этнографов-славистов. Конференция происходила в ЧССР, в северо-восточной части Словакии (регион Орава). В работе конференции приняли участие делегации этнографов Болгарии, Польши, СССР, Югославии, чехословацкие ученые, отдельные представители из стран Западной Европы и США — всего около ста человек. Среди ее участников были такие видные ученые, как Х. Гандев и Х. Вакарельский (Болгария), И. Буршта и М. Гладыш (Польша), Б. Братанич и М. Баряктарович (Югославия), руководители этнографических научных учреждений Чехословакии — директор Этнографического института Словацкой Академии наук Б. Филова (Братислава) и директор Института этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук Я. Ех (Прага), американский этнограф Р. Лессер и др. Советская делегация состояла из директора Института этнографии АН СССР

Ю. В. Бромлея, сотрудников этого Института В. А. Александрова (Москва) и Б. Н. Путилова (Ленинград), а также заместителя директора Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР В. Т. Зинича (Киев).

Одновременно в рамках конференции Братиславский университет проводил специальный семинар для большой группы студентов-этнографов из многих стран Европы.

Работа конференции была подчинена широкой проблеме «Общее и особенное в народной культуре славян»; представительность конференции свидетельствовала о глубокой заинтересованности этнографической научной общественности в обсуждении указанной проблемы, в упрочении и развитии творческих контактов и совместных работ. Участниками конференции было прочитано более 30 докладов, разнообразных по тематике, но имевших общую направленность, и это лучше всего показало давно назревшую необходимость созыва подобной конференции и обсуждения основных проблем этнокультурной общности славянских народов.

Конференция заслушала ряд докладов, посвященных общеметодологическим вопросам, вопросам сравнительно-исторического изучения культуры славянских народов, архаическим формам общественных отношений и современным этническим процессам. Научные заседания были открыты докладом организаторов конференции — словацких ученых Я. Подолака и Я. Мяртана «Славика и этнография». Затем в кратком, но весьма содержательном докладе «Этногенез болгарского народа и его этнографическая специфика» Х. Гандев изложил итоги новейших исследований процесса формирования болгарского народа. Специфика указанной проблемы, как было подчеркнуто в докладе, объясняется тем, что в этногенезе болгар с древнейших времен прослеживаются различные этнические компоненты.

Ю. В. Бромлей поставил на обсуждение вопрос о понятии «этнос», его специфике и применимости. Этот доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой участники конференции, главным образом болгарские и польские ученые, высказали свои суждения об исторических рамках применения данного понятия.

Наибольшее число докладов было посвящено сравнительно-историческому изучению культуры славянских народов. Среди них были доклады на общие темы — Б. Н. Путилова «Славянская этническая общность в свете современных историко-сравнительных исследований» и Я. Коморовского (Чехословакия) «Историко-сравнительный метод в изучении народной духовной культуры славян». В прениях по докладу Б. Н. Путилова живейшему обсуждению подверглись возможности и пути выявления общеславянских основ эпического творчества, а также проблема эпического историзма. На сравнительно-исторической основе были рассмотрены отдельные явления и их взаимосвязи в материальной и духовной культуре различных народов. Т. Колева (Болгария) свой доклад посвятила сравнительно-типологическому изучению некоторых балканских и кавказских обычаев, Б. Тумангелов (Болгария) — сравнительному изучению болгарских и чешских календарных обрядов, М. Маркуш (Чехословакия) — проблемам и задачам изучения народной пищи у славян Центральной Европы. Д. Климова (Чехословакия) в своем докладе рассмотрела значение фольклорного материала при изучении миграционных движений.

Проблемам изучения народной культуры и ее особенностей в отдельных регионах с учетом специфики их социально-экономического развития были посвящены доклады В. А. Александрова «Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири в XVII—XIX вв.» и Я. Штика (Чехословакия), «Исторический анализ как основа сравнительного изучения народной культуры в Карпатах», получившие в ходе прений благоприятные отзывы. В докладе В. А. Александрова исследование народной культуры русского населения Сибири ставилось в прямую связь с изучением направлений колонизационных движений и происхождения переселенцев, истории заселения ими сибирских земель, различных в почвенно-климатическом отношении, и приспособления к местным условиям основных отраслей хозяйства, прежде всего пахотного земледелия.

С проблемами сравнительно-исторического изучения культуры славянских народов были связаны доклады, посвященные работе над историко-этнографическими атласами. Б. Братанич в обширном докладе рассмотрел ряд вопросов, связанных с применением картографирования при изучении культуры славянских народов, а С. Ковачевича (Чехословакия) познакомила участников конференции с работой над словацким этнографическим атласом и его связью с атласами других славянских народов. К этой проблематике примыкал и доклад А. Прайды (Чехословакия), посвященный доказательству автохтонного происхождения у славянских народов вертикальных кроссов.

Целый раздел в работе конференции составили доклады, посвященные изучению культуры и отчасти этническим процессам у славянских меньшинств, населяющих зарубежные страны. Особое внимание этим проблемам уделили этнографы многонациональной Югославии — Б. Русич («О необходимости этнологического изучения славянских меньшинств в других славянских землях»), Д. Доляпа («Этнографическое исследование западнославянских и восточнославянских народностей в Югославии»), А. Копчок («Информация о деятельности словацкого народного музея в Бачском Петровце»). Этот же вопрос привлек внимание чехословацких ученых — С. Швегла («Специфика традиционного быта словацких меньшинств в славянской культурной среде») и Я. Серадского, рассказавшего об изучении культуры словаков, проживающих за пределами ЧССР.

Проблемы историографии были рассмотрены в большом докладе И. Буршты, посвященном многогранной деятельности О. Кольберга в области изучения народной культуры восточных и южных славян, в докладе В. Т. Зинича «Традиции украинской этнографии в изучении славян карпатского региона», вызвавшим значительный интерес у участников конференции.

Наконец, отдельный цикл составили доклады об архаических формах общественных отношений и культуры, представленные югославскими и болгарскими учеными. Х. Вакарельский прочитал доклад «Древнейшие корни некоторых календарных обычаев у болгар», а М. Баряктарович — О некоторых этнических характеристиках черногорцев». В докладе Р. Пешевой (Болгария) были охарактеризованы особенности родовых и патронимических пережитков у болгар. И. Георгиева (Болгария) рассмотрела некоторые аспекты изменения родственных связей, Е. Колева (Болгария) рассказала о древянных календарях в Болгарии, а Н. Пантелич (Югославия) — о происхождении снохачества в Сербии.

При всем разнообразии заслушанных докладов у участников конференции сложилось отчетливое представление о единстве научных интересов этнографов-славистов и националистических стран. Недаром в оживленных прениях, проходивших в непринужденной обстановке, подчеркивалась необходимость совершенствования методики исследований, особенно касающихся вопросов современности. Конференция подтвердила целесообразность систематического проведения подобных совещаний. На заключительных заседаниях М. Гладыш закономерно поднял вопрос о выделении на международных съездах славистов особой секции этнографии славянских народов.

Конференция проходила в атмосфере дружеского и творческого сотрудничества всех ее участников. Организаторы конференции и руководители местных музеев проявили исключительное радушие и внимание и сделали все возможное, чтобы за короткий срок гости максимально ознакомились с деятельностью этнографических учреждений кафедры этнографии и фольклористики Университета им. Я. Коменского, Словацкого национального музея в г. Мартине, Народного музея в Левоче, музея в Оравски замке, с традиционными элементами культуры, бытующими поныне в сельских поселениях, а также с бурной перестройкой быта в ходе социалистического строительства. Следует особенно отметить большую работу, проводимую в Словакии по реставрации памятников народной культуры и созданию в окрестностях г. Мартина музея под открытым небом.

В. А. Александр

## СИМПОЗИУМ ПО ЦИРКУМПОЛЯРНЫМ ПРОБЛЕМАМ

В сентябре 1969 г. Северный совет антропологических (этнографических) исследований, объединяющий ученых Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, созвал Международный симпозиум этнографов, социологов, археологов и историков, занимающихся различными проблемами циркумполярной зоны. В симпозиуме, кроме представителей указанных стран, приняли участие ученые из США и СССР.

Работа симпозиума проходила в городах Лулео и Кируна (Швеция) и в Тромсё (Норвегия). В этих городах участников симпозиума познакомили с работой местных промышленных предприятий. Переезд из Кируна в Тромсё через территорию Финляндии был совершен на автобусе. По дороге были сделаны остановки в ряде поселков. Участники симпозиума, ранее работавшие здесь, выступили с краткими информационными сообщениями о развитии экономики этих поселков, проблемах миграции населения, о состоянии оленеводства, о состоянии просвещения саамов в Норвегии и др.

Доклады, представленные на симпозиум и распространенные среди участников в переводе на английский язык, затрагивали исторические, этнографические и социологические проблемы. Вопросы заселения человеком Севера Скандинавии и древней истории лапландцев (саамов) были посвящены доклады О. Уоррена (Норвегия), Е. Баудо, М. Бьернстад (Швеция), Г. М. Керта (СССР). Значительная часть докладов была посвящена современному положению лапландцев, гренландских эскимосов, коренного населения Аляски. Так, Р. Ельстрем (Швеция) в докладе «Миграция из кочевых районов в городские в северной Швеции» охарактеризовал трудное положение лапландцев, вынужденных в связи с развитием в северных районах промышленности и туризма покидать места традиционных пастбищ для оленей и охотничьих угодий. М. Линкола (Финляндия) показал в своем докладе, что применение мотонарта внесло радикальные изменения в быт лапландцев. В докладе Х. Клейвена (Дания) была критически рассмотрена политика Дании в Гренландии. Доклад Т. Аггерснапа и А. Бентсон (Дания) был посвящен вопросам изменения форм семьи в Гренландии в связи с индустриализацией. Значительный материал о борьбе аляскинских эскимосов, алеутов и индейцев за свои права содержался в докладе «Современное туземное движение на Аляске», сделанном М. Лантис (США). Докладчик считает, что если проблемы, волнующие аборигенов Аляски (вопрос о земле и т. д.), не будут разрешены или будут разрешены неблагоприятно, то протест местного населения может вылиться в такие же формы, как и в негритянских гетто. Экономическое положение индейцев и эскимосов Канады было освещено в докладах Н. Чанса

Дж. Хонигман (США). И. С. Гурвич (СССР) посвятил свой доклад социалистическим преобразованиям на Крайнем Северо-Востоке Азии и современным этническим процессам, протекающим в этих районах. Л. В. Хомич (СССР) представила доклад на тему «Формы бытования традиционной культуры у ненцев». В докладе показано, как в современной культуре ненцев сочетаются традиционные и новые формы.

Всего было представлено около 30 докладов.

На первом заседании симпозиума в качестве основных историко-археологических вопросов, требующих обсуждения, были намечены проблемы влияния экологической среды на культуру народов Севера и проблема культурных влияний. В качестве основных социально-антропологических вопросов были выделены современное экономическое и этническое развитие народов Севера, проблемы помощи этим народам, модернизация традиционных культур, технический прогресс и его влияние на традиционные культуры, причины и следствия миграций населения.

В дискуссии о влиянии экологической среды на человека Г. Иессинг (Норвегия), в частности, указал на необходимость выявления психологического влияния среды на разных этапах развития человеческого общества на Севере. Т. Аггерснап отметил, что влияние экологической среды часто преувеличивается. П. Симонсен (Норвегия) подчеркнул, что влияние экологической среды на культуру прослеживается на археологическом материале, но в разных районах и в условиях разных типов хозяйства это влияние различно. В обсуждении этих вопросов участвовали также Х. Клейвен, Дж. Хонигман, Х. Ларсен (Дания), Р. Петерсен (Дания). В ходе дискуссии выступил И. С. Гурвич, который остановился, в частности, на том, как понимают советские ученые вопрос о влиянии экологической среды на культуру и быт народов: не сбрасывая со счетов этого влияния, они не считают его определяющим. Влияние географической среды, однако, повышается в арктической зоне по сравнению с умеренными широтами, причем, на высокоразвитые культуры природная среда влияет меньше, чем на примитивные. Что касается культурных влияний с Юга (вопрос о них глубоко исследуется советскими специалистами), их нельзя толковать упрощенно. Следует говорить не о прямом влиянии китайской и корейской культуры на народы Севера, а о влиянии промежуточных местных культурных центров раннего железа, в частности о влиянии Приморья. За последние годы здесь открыта земледельческая культура железного века, которую следует отнести ко II тыс. до н. э.

Дискуссия в г. Тромсё 19 сентября была посвящена современному развитию малых народов Севера и касалась главным образом процессов этнического развития, в частности изменений в области этнического самосознания. Исследователи (М. Линкола и др.) отмечали, что саамы, поселяющиеся в городах или переходящие от оленеводства к земледелию и животноводству, нередко утрачивают свой язык и начинают считать себя норвежцами, финнами или шведами; норвежские саамы, хотя и говорят на своем языке, но усвоили культуру норвежцев. Д. Хонигман указал на научную значимость исследования вопроса о том, как отдельные малые этнические группы отстаивают свою культуру и самобытность. Х. Клейвен подчеркнул важность научного анализа государственных и других планов реконструкции экономики и общественных институтов народов Севера. Консультации социантропологов по этим вопросам весьма полезны. М. Лантис в своем выступлении остановилась на некоторых аспектах этнического развития коренного населения Аляски. Она, в частности, отметила особенности самосознания коренных жителей — индейцев, эскимосов, алеутов.

При встрече с американцами они называют не свою истинную этническую принадлежность, а именуют себя «гуземцами». Это объясняется принижением положением коренных жителей. В последние десятилетия среди аборигенов активизировалось общественное движение за свои права. М. Лантис рассказала также о том, что на Аляске в связи с нехваткой преподавателей, знающих язык населения, учителю помогает переводчик, не имеющий специального педагогического образования. На Аляске разработаны программы для обучения на эскимосском языке. Выяснено, что дети, обучающиеся на родном языке, лучше усваивают школьную программу. Т. Аггерснап отметил, что в классовом обществе легко выявить самосознание большого народа, самосознание же малых групп выявляется значительно труднее. Самосознание отражает экономическое и политическое положение. И. С. Гурвич в своем выступлении рассказал об исследованиях этнических процессов советскими этнографами и ответил на ряд вопросов. Н. Чанс высказал мнение, что преподавание у народов Севера необходимо вести на родном языке, и остановился в связи с этим на недавней конференции в Монреале, в которой участвовала и советская делегация.

О преподавании на языках народов Севера в СССР рассказала Л. В. Хомич. Она отметила, что в Советском Союзе к этому вопросу подходят дифференцированно, в зависимости от степени сохранности родного языка и рассказала о социолого-лингвистических исследованиях, проводимых на Севере Сибирским отделением Академии наук СССР.

Вечернее заседание было посвящено вопросам государственной помощи народам Севера. Острой критике подверглась политика Дании в Гренландии.

20 сентября на борту парохода состоялись два заседания симпозиума, посвященные освоению Крайнего Севера, миграциям населения, последствиям индустриализации и урбанизации. Норвежская общественность озабочена все увеличивающимся запустением малых северных островов, исчезновением небольших рыбацких поселков. В связи

с развитием промышленности молодежь, получившая образование, переселяется в род и крупные поселки, где находит для себя более высокооплачиваемую работу, чем в своих родных местах. Ряд социологов (О. Брокс из Дании и др.) предлагали сдаться на Севере более крупные поселки, благоустроить их. Между социологами, присутствовавшими на симпозиуме, разгорелся спор о методах использования статистических материалов и путях освоения северных районов.

На вечернем заседании выступил И. С. Гурвич с сообщением об индустриальном освоении Севера СССР и вопросах трудовых ресурсов. Он отметил, что освоение Севера рассматривается как большая государственная задача, так как открытые здесь полезные ископаемые (нефть, газ, золото, полиметаллы, алмазы и др.) имеют важное значение для народного хозяйства. Чтобы привлечь рабочих, инженеров и центральных районов страны, применяются поощрительные меры — надбавки к зарплате, удлиненные отпуска, увеличенные пенсии и т. д. Освоение Севера считается в Советском Союзе всенародным делом. Вопросами преобразований на Севере занимаются экономисты, экономико-географы, статистики, а также этнографы, поскольку эти процессы влияют на хозяйство и быт коренного населения.

Заключительное заседание симпозиума состоялось 21 сентября в Музее г. Тромсё. Г. Иессинг и А. Вилкуна (Финляндия) отметили, что симпозиум был весьма полезен, так как удалось обменяться мнениями по ряду проблем, интересующих все страны, имеющие в своем составе северные районы. Был обсужден вопрос об издании материалов симпозиума и принято решение опубликовать материалы на английском языке. Были высказаны пожелания относительно проведения следующего симпозиума (привлечь к нему представителей народов Севера, провести выезды к народам Севера и т. д.).

Работа симпозиума вызвала интерес общественности и прессы. Участников симпозиума принимали Консульский совет — управление департамента Норботтен (Швеция), Управление музеями этого департамента, Городское управление г. Лулео, Управление предприятий г. Кируна, Муниципалитет г. Тромсё и др. В газете «Nordeys» от 20 сентября была опубликована статья «Советские профессора на симпозиуме в г. Тромсё».

Представленные доклады и выступления советских ученых неизменно привлекали к себе внимание участников симпозиума и вызывали много вопросов. Между советскими участниками симпозиума и зарубежными учеными состоялся ряд бесед (о формах оленеводства, о развитии образования, о возможностях обмена выставками, научными изданиями и т. д.).

Развернувшийся на симпозиуме широкий обмен мнениями по целому ряду циркулирующих проблем несомненно полезен и будет способствовать дальнейшему углублению исследований этой зоны, а также взаимопониманию и сотрудничеству ученых-оленеводов разных стран.

И. С. Гурвич, Л. В. Хомь

## ШВЕДСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

(К 90-ЛЕТИЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ)

Среди этнографических музеев мира самый крупный по числу хранящихся в нем предметов — Шведский этнографический музей. Так, по крайней мере, утверждают все шведские справочники. Но, к сожалению, ни о богатствах Шведского этнографического музея, ни даже о существовании его как отдельного научного учреждения не знают нередко даже специалисты-этнографы. Хотя всем хорошо известны несравненно менее значительные по научным масштабам музеи, такие, как Музей кораблей викингов, Музей «Фрам» или Музей «Кон-Тики».

Шведский этнографический музей возник из небольших частных собраний, полученных в разное время и от разных лиц и характеризующих быт многих народов Земли. Его основателем был профессор Ялмар Стоппе.

Следует сказать, что в Швеции возникновение этнографии как науки (а эта наука находится там в образцовом состоянии) тесно связано с зарождением Шведского этнографического музея, точнее — с историей собирания его коллекций в течение последних двух столетий. Имена тех ученых, моряков, военных и миссионеров, кто собирал эти коллекции, нередко известны в своей области не менее чем имена Нансена, Амундсена и Хейердала.

Старейшая опись коллекции, хранящейся ныне в музее, датирована 1736 г. Священник шведского церковного прихода в Делавэре (США) магистр Самуэль Хессе-лиус после возвращения в Швецию передал собранные им предметы быта индейцев покровителю Академии «Его Высочайшему превосходительству Карлу Гилленборгу для Академии в Упсале».

Двое наиболее знаменитых учеников великого шведского естествоиспытателя Карла Линнея — Карл Петер Тюнберг («Линней Япония», как его называют в Швеции) и Андерс Спаррман — подарили свои этнографические коллекции «кабинету» Академии наук в Стокгольме. Тюнбергу принадлежала коллекция японской утвари, а Спаррману

ну — уникальные вещи теперь давно вымершей группы готтентотов из Капланд (Южная Африка), где он жил в 1787—1788 гг. Кроме того, Спаррман подарил различные предметы быта островитян Тихого океана (с Маркизских островов, Таити, Тонга, Новой Зеландии, Новой Каледонии и Новых Гебрид), собранные им в 1772—1775 гг., когда он сопровождал знаменитого Джемса Кука в его втором плавании. Большой вклад в фонды музея внесли коллекционеры из числа служащих Ост-Индской компании. Статейный их дар датирован 1748 г. Это модель китайского храма, вырезанная из слоновой кости, привезенная капитаном Брёмсом. В 1786 г. бывший служащий конторы Ост-Индской компании в Кантоне Андерс Аридссон подарил Академии наук коллекцию китайских музыкальных инструментов. Священник прихода шведских переселенцев в Пенсильвании Карл Магнус Врангель в 1783 г. подарил Академии наук индейский томагавк и трубку мира. Самая старая коллекция предметов индейского быта из Вест-Индии поступила в Академию наук в 1797 г. Ее подарил бывший врач и чиновник шведской колонии в Вест-Индии — острова Сан-Бартоломе — Самуэль Фалберг.

В XIX в. поток этнографических коллекций, передаваемых Академии наук, а потом — до создания этнографического музея — Государственному музею Швеции, значительно возрос. С 1841 г. отдельные предметы этнографических коллекций стали выставлять в Стокгольме в старых зданиях Академии наук и Государственного музея на улицах Валинггата и Дротнинггата. В 1845 г. известный исследователь природы и не менее известный охотник на слонов Е. А. Валберг привез и подарил не только богатую коллекцию для зоологического отдела, но и немало бытовых вещей кафров. Граф Арманд Фуше, сын известного министра полиции в правительстве Наполеона I, подарил Академии наук предметы быта индейцев племени черноногих, обитавших вблизи фор-та Маккензи.

В 1865—1866 гг. доктор Франсиско де Сильва Кастро подарил Академии наук большую коллекцию из Бразилии, украшением которой было богатое индейское облачение из перьев. Ценные этнографические коллекции были получены после первого кругосветного плавания шведов на фрегате «Евгений» (1851—1853 гг.) и знаменитого плавания «Веги» (1878—1880 гг.). Эрика Норденшельда вдоль северных берегов Азии.

С 1880 г., отчасти в связи с этими новыми поступлениями и в пору, когда по всей Европе стали возникать многочисленные этнографические музеи, временные экспозиции в старых постройках Академии наук и Государственного музея стали постоянными выставками. Именно эту дату шведы считают датой основания своего этнографического музея, хотя он все еще оставался филиалом одного из пяти отделений Государственного музея Швеции.

Крупнейшую и разнообразнейшую этнографическую коллекцию привез из кругосветного путешествия на фрегате «Ванадис» (1883—1885 гг.) Ялмар Столле. Он был специально командирован для сбора этнографической коллекции. Хотя денег для покупки коллекций было выделено относительно мало, все же Столле удалось собрать более 7500 вещей в Южной Америке, на островах Тихого океана и в Восточной и Южной Азии. Среди них были и находки самого Столле, сделанные им при раскопках в Перу. Именно этот вклад Столле в сокровищницу музея (1000 вещей с островов Тихого Океана, 1500 — из Японии, 500 — из Таиланда, 3000 из Индии и т. д.) сделал этого ученого одним из известнейших этнографов Швеции того времени и способствовал назначению его на должность первого штатного директора Шведского этнографического музея (1903—1905 гг.), ставшего с тех пор равноправным среди прочих пяти музеев-отделений при Государственном музее Швеции.

С 1913 г. музей пополнился богатыми этнографическими коллекциями Эрланда Норденшельда и Эрика фон Росена (из Южной Америки и Африки), что побудило правительство Швеции расширить экспозиционные площади, передав музею новые помещения в другом районе Стокгольма — Фрекати. В последующие годы поступили коллекции Свена Гедина, Т. Вульфа, С. Бергмана, Г. Мoberга, Г. Болиндера, Р. Бломберга и др. В начале 1953 г. в этнографический музей был передан по завещанию Свена Гедина большой дар, состоящий из обширного архива этого ученого, его личной библиотеки и предметов искусства. Хотя в 1930 г. этнографическое Отделение Государственного музея получило просторные, но мало пригодные помещения бывших казарм драгунского полка в Стокгольме, разместить все или хотя бы наиболее важные предметы из коллекций все же оказалось невозможным. В 1935 г. этнографическое Отделение было преобразовано в самостоятельный институт — Государственный этнографический музей.

Вопросом улучшения работы Этнографического музея в 1965—1966 гг. занималась специальная правительственная комиссия. Среди прочих мер было предложено пригласить на должность директора музея всемирно известного шведского ученого, писателя и путешественника, участника плавания на плоту «Кон-Тики» Бенгта Даниельссона.

В июле 1967 г. Бенгт Даниельссон стал директором Шведского этнографического музея. По его мнению, для того, чтобы музей мог эффективно функционировать, экспонируя все лучшее из своих коллекций, ему необходима экспозиционная площадь в 7 тыс. кв. м вместо нынешних 1 тыс. кв. м. И лишь в этом случае можно рассчитывать, что музей не только привлечет больший поток посетителей, но и превратится в подлинный центр этнографических исследований в Швеции.

Г. И. Анохин



## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

### НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОСЛЕВОЕННОЙ ИММИГРАЦИИ В КАНАДУ

После второй мировой войны в канадской историографии появилось немало работ, посвященных различным аспектам иммиграции. Интерес ученых Канады к этому сложному и важному социальному явлению не случаен. Он определяется огромной ролью, которую всегда играла и продолжает играть иммиграция в жизни страны. Кроме того, в связи с кризисом конфедерации в 60-х годах и ростом национального движения франкоканадцев усилился интерес исследователей к этническим процессам и в частности к роли этноса в современном обществе. Изучение подобных проблем в Канаде неизбежно связано с изучением иммиграции.

К иммиграционным проблемам обращаются историки, экономисты, этнографы, этносоциологи, социологи. Так, например, канадскими этносоциологами и социологами написан ряд работ о социальной мобильности различных этнических групп, о переходе их представителей из одного социального класса в другой, о вхождении новых членов в социальную или этническую группу. В той или иной мере эти процессы затрагивают и послевоенных иммигрантов.

Особое место в такой литературе занимает работа профессора социологии Карлтонского университета Джона Портера<sup>1</sup>. Монография является плодом десятилетнего труда. Уже само название книги — «Вертикальная мозаика. Анализ социального класса и власти» — отражает широко распространенное представление о канадском народе как о «мозаике», состоящей из различных этнических групп. Оно предупреждает также читателя и о намерении автора, не ограничиваясь исследованием национальных отношений, показать нынешнее канадское общество в вертикальном разрезе, вскрыть его социальную структуру снизу доверху. Автору в известной мере удалось осуществить свое намерение. Нарисованная им картина, не похожая на привычное изображение Канады как страны «всеобщего благоденствия» и «равных возможностей», оказались неожиданностью для многих даже в самой Канаде. Книга Портера вызвала в стране большой резонанс, тираж ее быстро разошелся, и сейчас готовится новое издание. Успех книги объясняется также тем, что в связи с обострением конфликта двух наций современные социальные и национальные проблемы глубоко волнуют всех канадцев.

Главная задача книги Д. Портера — исследовать место и роль отдельных социальных групп и слоев населения в структуре канадского общества, а также влияние этих слоев на экономику. Однако специфика Канады, страны с пестрым этническим составом, заставила автора обратить самое пристальное внимание и на изучение национальных проблем. Первоначально автор ставил своей целью вскрыть природу связей и взаимного влияния «этноса и общественного класса». Но в ходе исследования он обнаружил, что между различными этническими группами существуют «иерархические отношения». Более того, оказалось, что эти иерархические отношения определяются «проблемой класса и власти», без анализа которой невозможно понять причину существования социального неравенства различных этнических групп.

Однако неверное представление Портера о природе буржуазного государства, ложное понимание им «общественного класса» как профессиональной группы или слоя помешали автору показать истинную суть отношений между классами современного канадского общества и характер связи классов с этносом.

Положительное значение работы Портера — в глубоком, основанном на богатом и крайне интересном материале, анализе скрытых от поверхностного взгляда процессов и тенденций капитализма. В то же самое время, как и многие другие буржуазные ученые, Портер утверждает, что реальная действительность якобы не подтвердила истинности классовой теории Маркса.

И хотя работа Портера изобилует рассуждениями о проблеме социального неравенства при капитализме, эти рассуждения то и дело перемежаются с заявлениями о том, что Марксова теория классовой борьбы якобы устарела и что капитализм будто бы «прошел свой путь гораздо менее насильственным способом, чем полагал Маркс»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> J. Porter, *The Vertical mosaic. An Analysis of social class and power*, Toronto, 1965.

<sup>2</sup> J. Porter, Указ. раб., стр. 19.



Автор книги настроен весьма скептически относительно перспектив рабочего движения в странах Северной Америки. Более того, Портер склонен вообще отрицать право на существование в настоящее время таких понятий, как «пролетариат» и «буржуазия». Он готов допустить, что в XIX в. могла сложиться ситуация, при которой две группы, классифицируемые по критерию собственности, можно было признать определенными социальными категориями. Сегодня же, по мнению Портера, общественные классы представляют собой не более, чем статистические понятия, поскольку изменились как условия труда, так и окружающая среда. Портер полагает, что пролетариат меняет свою сущность, так как непрерывно растет количество и качество квалифицированного труда, а буржуазия в свою очередь оказывается под усиливающимся контролем общества. Капитализм из предпринимательского, каким он был в прошлом веке, превратился ныне в «корпоративный». Таков конечный итог рассуждений Портера.

Несмотря на несостоятельность общей теоретической схемы книги, автор не смог пройти мимо опасных последствий развития «корпоративного капитализма». Портер предупреждает канадского читателя об угрожающей концентрации экономической мощи в руках относительно небольшого числа крупнейших компаний и трестов, тесно связанных друг с другом и с ведущими банками страны.

Изучая положение различных этнических групп страны, Портер показывает статус этих групп в обществе и изменение его на протяжении нескольких десятилетий, если оно происходило. Исследование строится на сравнительном анализе материалов переписей и статистических справочников. Частично учитываются также сведения о «заявленной специальности» иммигрантов.

Работа Портера проливает свет на такой важный вопрос, как структурная ассимиляция иммигрантов. Под структурной ассимиляцией он понимает «движение вверх от статуса въезда к равенству»<sup>3</sup>. «Статус въезда», по Портеру, означает низкий профессиональный уровень, который был предопределен в Канаде менее привилегированным этническим группам иммигрантов. Автор устанавливает пропорцию каждой этнической группы в профессиональных категориях и определяет динамику изменения этих пропорций.

Движение национальных групп по социальной, вернее профессиональной, лестнице прослеживается в книге путем сравнения и сопоставления материалов переписей за несколько десятилетий, в частности за 1931, 1951, 1961 гг.

С точки зрения занятий отдельных национальных групп современное канадское общество представляется автору в виде вертикальной мозаики, вернее мозаичной пирамиды. Согласно разработанной им схеме, доля англоканадцев в каждой профессиональной группе возрастает по мере продвижения от низшей группы к высшей, в то время как у франкоканадцев и почти у всех остальных этнических групп это движение происходит в обратной последовательности. Ближе всех к вершине пирамиды, на которой расположены канадцы британского происхождения, находятся немцы, скандинавы, голландцы; низшие ступени занимают, не считая аборигенов и цветного населения, итальянцы, поляки, украинцы и другие выходцы из стран Юго-Восточной Европы. Франкоканадцы, одна из двух наций Канады, занимают в этой шкале Портера далеко не почетное место: между выходцами из Северной и Восточной Европы. По мнению Портера, такая ситуация существует уже долгое время.

Этническое неравенство, отчетливо проявляющееся в мозаичной пирамиде занятости и профессий, Портер склонен объяснять предрасположенностью той или иной национальной группы к определенному виду социальной и экономической деятельности, традиционностью занятий. Но не следует забывать, что эта «традиционность» часто является вынужденной и возникает под давлением внешних факторов.

Кроме того, социальные различия между этническими группами в Канаде Портер связывает со «статусом въезда» иммигрантов. По его мнению, именно национальная принадлежность предопределяет, какое место в социальной структуре займет иммигрант при въезде в страну. Весьма важен вывод автора о том, что национальные различия внедряются в структуру классового устройства и социального механизма, конструируя тем самым социальное неравенство этнических групп и разделение их на «высшие» и «низшие».

Однако в книге недостаточно учитывается расовая и национальная дискриминация иммигрантов в процессе их интеграции.

Книга Портера, несмотря на ошибочность ряда его теоретических положений, по своему фактическому материалу несомненно представляет интерес для всех, кто изучает современное канадское общество.

Канадские марксисты — проф. С. Райерсон, Э. Бьярнсон и др. — дали высокую оценку монографии Портера. Вместе с тем они подвергли критике методологические взгляды автора, а также его позицию по ряду принципиальных проблем канадской действительности<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> J. Porter, Указ. раб. стр. 74.

<sup>4</sup> S. Ryerson, Questions in dispute, «The Marxist Quarterly», autumn, 1965, N 19; E. Bjarnason, Class and elite in Canadian society, «The Marxist Quarterly», winter, 1966, N 16.

А. Ричмонд в статье «Социальная мобильность иммигрантов в Канаде»<sup>5</sup> пытается выяснить пути и степень социальной мобильности переселенцев, обосновавшихся в Канаде после окончания второй мировой войны. Метод анкетного опроса автор сочетает с использованием материалов статистики. Анкета учитывает первую работу иммигранта по прибытии в Канаду, должность, которую он занимал ко времени заполнения анкеты, а также сведения о профессии и занятиях его отца в том же возрасте на родине. Кроме того, Ричмонд проводит интересное сравнение мобильности двух групп иммигрантов — британской и континентально-европейской. Оказывается, что 43% иммигрантов последней группы находились на низших ступенях социальной лестницы. К соответствующей социальной прослойке относились всего 14% британцев. С другой стороны, 18% британцев и только 8,5% остальных европейцев принадлежали к категории специалистов высшей квалификации и менеджеров. Ричмонд показывает далее, что улучшение социального положения при переходе от старшего поколения к младшему происходит у британцев чаще, чем у остальных европейцев. Например, сыновья служащих из Великобритании, эмигрировав в Канаду, улучшили или сохранили свои социальные позиции, а у иммигрантов из других европейских стран в этом случае наблюдалось явное падение социального статуса. Преимущество первых перед вторыми проявляется также и в том, что большинство британцев, покинувших по разным причинам категорию высококвалифицированных рабочих, перешло в разряд служащих, а большинство остальных европейцев в такой ситуации становилось полуквалифицированными или неквалифицированными рабочими<sup>6</sup>.

Автор считает, что беднейшие слои британского населения неохотно эмигрируют в Канаду. Иммиграция же из континентальной Европы является более пролетарской по своему характеру. По мнению Ричмонда, рабочие физического труда в Англии испытывают более сильную, чем другие жители Британских островов, привязанность к родине. Если же они решаются покинуть родину, их больше привлекает Австралия, куда доступ для них почти не ограничен. Однако предположения Ричмонда относительно причин этого явления недостаточно убедительны. Ближе к истине его дальнейшие пояснения. «Канадские иммиграционные чиновники, находящиеся в Соединенном королевстве,— пишет он,— не слишком поощряли въезд рабочих, не имеющих специальной альности или квалификации. В других же странах они, наоборот, вербовали именно таких иммигрантов».

Ричмонд утверждает, что канадское правительство установило весьма строгие ограничения на въезд иммигрантов с низким уровнем образования. Но якобы несмотря на все усилия правительства, неквалифицированные рабочие, особенно из Италии, пользуясь поддержкой своих канадских родственников, продолжали прибывать в страну. Вместе с тем известно, что в первые послевоенные годы иммиграционные власти сознательно привлекали в страну неквалифицированных рабочих из Италии и других стран для обеспечения дешевой рабочей силой сельского хозяйства и промышленности.

Некоторые выводы автора противоречат материалу и результатам исследования. Ричмонд неоднократно подчеркивает, что переселенцы из Великобритании по сравнению с другими иммигрантами начинали свое пребывание в Канаде «с очень большим преимуществом, поскольку им в меньшей мере приходилось преодолевать языковые преграды, а их профессиональная квалификация была более приемлемой для канадских предпринимателей»<sup>7</sup>. Однако, считает он, британские иммигранты с течением времени, а также по мере аккультурации переселенцев из континентальной Европы, теряли свое первоначальное преимущество. Факты, в том числе и приведенные в работе самого Ричмонда, опровергают его утверждение о постепенной нивелировке различий между двумя группами. Красноречивый пример тому — разительный контраст в социальной мобильности английских и итальянских иммигрантов.

Что же касается общности языка и сходства профессиональной подготовки специалистов в Канаде и Англии, то они несомненно имеют известное значение, особенно на первых порах пребывания иммигрантов в стране. Однако нельзя упускать из виду и такой фактор, непосредственно влияющий на социальную мобильность, как национальная дискриминация. Нельзя забывать и того, что Ричмонд ограничивает свой анализ кругом «экономически независимых лиц» (т. е. людей, получающих доход или заработную плату), исключая тем самым безработных.

Послевоенным иммигрантам посвящена также статья А. Ричмонда «Реэмиграция из Канады в Англию», опубликованная в том же журнале в 1968 г.<sup>8</sup> В основе исследования лежат данные министерства пенсий и государственного страхования Великобритании, где регистрировались трудоспособные реэмигранты. Другим источником сведений о британских иммигрантах, вернувшихся из Канады на родину, автор не располагал, так как ни в Канаде, ни в Англии не ведется учет иммигрантов подобного рода. Полученные данные о численности реэмигрантов за период 1956—1965 гг. срав-

<sup>5</sup> A. H. Richmond, Social mobility of immigrants in Canada, «Population Studies», 1964, vol. XVIII, N 1.

<sup>6</sup> Там же, стр. 58.

<sup>7</sup> Там же, стр. 67.

<sup>8</sup> A. H. Richmond, Return migration from Canada to Britain, «Population Studies», 1968, vol. XII, N 2. Эта статья является исправленным вариантом доклада на заседании Канадской ассоциации социологии и антропологии в Оттаве в июне 1967 г.

ниваются со сведениями о трудоспособных британских иммигрантах, приехавших в Канаду в эти же годы.

Число реэмигрантов с 1956 г. постепенно увеличивалось и достигло максимума в 1961 г. Характерно, что в те годы, когда в Канаду переселилось наибольшее число иммигрантов из Великобритании (в 1957—1958 гг.), реэмиграция была очень незначительной. В 1961—1965 гг. английская иммиграция в Канаду сократилась, а число реэмигрантов возросло. Рекорд был достигнут в 1961 г., когда на родину вернулось 66% трудоспособных британских иммигрантов, прибывших в Канаду в течение этого же года. В целом же за период с 1956 по 1960 г. зарегистрированные в Англии для получения пособия реэмигранты из Канады составляли 12,5% от числа трудоспособных британских эмигрантов в Канаду за эти же годы<sup>9</sup>. В 1961—1965 годах соответствующий показатель составил — 31,5%. К сожалению, автор не касается причин таких резких перемен в динамике реэмиграции.

Однако при исследовании одной из групп иммигрантов Ричмонд убедился, что экономические факторы, а также трудности интеграции в канадском обществе побуждают к возвращению на родину, в Англию, более чем треть иммигрантов. Он провел анкетный опрос 400 реэмигрантов и подразделил их на три группы. Наибольший интерес представляет та обследованная группа, которую Ричмонд называет «постоянными репатриантами» (permanent repatriates). Никто из них не собирается возвращаться в Канаду, хотя первоначально они покинули Англию с твердым намерением остаться за океаном. Чаще всего это мужчины старше 35 лет, женатые, с двумя детьми или более, прожившие в Канаде свыше трех лет. Иммигрант этого типа, пишет автор, «испытал безработицу и его возвращение в Англию было вызвано экономическими причинами»<sup>10</sup>. Он пришел к решению вернуться в Англию, осознав невозможность достичь в Канаде того же профессионального статуса, что и на родине. Кроме того, ему было трудно интегрироваться в канадском обществе.

Две другие группы реэмигрантов — так называемые «квази-иммигранты», не сбавившиеся с самого начала селиться в Канаде надолго, а также «транзитные иммигранты», путешествующие из одной страны в другую, — значительно отличаются от первого типа. Представители обеих групп относятся к категории служащих. В Канаде они достигли того же статуса, который они имели в Англии, либо даже улучшили его и легко интегрировались в обществе принимающей страны. Тем не менее из «транзитных иммигрантов» 28% вернулись в Англию по экономическим причинам, а 15% потому, что они были неудовлетворены условиями жизни в Канаде.

Статья А. Ричмонда представляет определенный интерес, поскольку возвращение иммигрантов на родину из Канады — нередкое явление. Интересна также попытка автора показать, как влияет на степень социально-экономической и культурной интеграции профессия иммигранта. Однако статья не лишена противоречий, особенно в заключительной части, где делается несколько неожиданный вывод в том, что главные причины реэмиграции — не экономические, хотя вся работа свидетельствует именно об этом.

Из работ, посвященных отдельным национальным группам иммигрантов, заслуживает внимания статья А. Рис-Пауэлла «Различия в процессе интеграции голландских и итальянских иммигрантов в Эдмонтоне»<sup>11</sup>. В Эдмонтоне, столице провинции Альберта, где каждый четвертый житель является иммигрантом, живет много голландцев и итальянцев. Они представляют в Канаде два различных типа (автор пишет более решительно — «два крайних типа») иммигрантов как по уровню и условиям жизни в стране, так и по степени социального продвижения и интеграции. По терминологии историков иммиграции, голландцы принадлежат к «старым», а итальянцы — к «новым» иммигрантам.

Различия в процессе интеграции исследовались автором на примере послевоенных иммигрантов, не получивших гражданства. Правда, с этой целью было опрошено довольно незначительное число лиц: 60 голландцев и 90 итальянцев.

Рис-Пауэлл утверждает, что «тип приспособления иммигрантов в современной Канаде» отличается от американских образов прошлого. Более того он отвергает точку зрения ученых, рассматривающих международные миграции и связанные с ними процессы как процессы ассимиляции этнических общностей. Аргументируя это положение, Рис-Пауэлл подчеркивает, что за некоторым исключением мигрируют не социальные общности или группы, а индивидуумы или отдельные семьи и что идеология самого канадского общества характеризуется больше культурным плюрализмом, чем ассимиляцией<sup>12</sup>.

В статье содержится интересный материал по истории иммиграции двух рассматриваемых групп, о численности послевоенной итальянской и голландской иммиграции, об особенностях интеграции и ассимиляции итальянцев и голландцев, о роли церкви

<sup>9</sup> A. Richmond, Return migration..., p. 264.

<sup>10</sup> Там же, стр. 268.

<sup>11</sup> I. A. Rees-Powell, Differentials in the integration process of the Dutch and Italian immigrants in Edmonton, Canada, «International Migrations», Geneva, 1966, vol. 4, N 2.

<sup>12</sup> Там же, стр. 101.

и национальных организаций в этом процессе. В статье дается также профессиональная характеристика обеих групп иммигрантов.

Главный вывод исследования сводится к тому, что «этнос оказывает влияние на степень интеграции» и что голландцы к моменту обследования были более интегрированы, чем итальянцы<sup>13</sup>. Вместе с тем автор признает связь между принадлежностью к определенному «общественному классу» и степенью интеграции.

К сожалению, в статье Ринса-Пауэла нет достаточно четкого разъяснения причин глубоких различий в приспособлении этих двух групп иммигрантов к условиям жизни в Канаде.

Голландским иммигрантам посвящена и статья А. Кавелаарса «Интеграция группы голландских поселенцев в Британской Колумбии»<sup>14</sup>. В ней сообщаются результаты обследования 12 голландских семей, прибывших в Канаду в начале 50-х годов и обосновавшихся затем в местечке Фрэзер-Вэлли у Ванкувера. Изучение интеграции и социальной мобильности этой группы иммигрантов опровергает широко распространенное в литературе мнение о легкости интеграции выходцев из Нидерландов, а также представление о голландских иммигрантах как о «процветающих» фермерах.

Голландцы, обследованные Кавелаарсом, приехали в Канаду в надежде обзавестись собственной фермой. Но действительность, как свидетельствует автор, обманула их ожидания. Им пришлось столкнуться с тяжелыми условиями труда, с низкими заработками, с безработицей. Расставшись с мечтой о покупке фермы, почти все они были вынуждены наняться в качестве рабочих на торфоразработки в Фрэзер-Вэлли.

Несмотря на то, что в Канаду эти голландцы прибыли в разное время и поодиночке, здесь они поселились вместе. Такое поселение автор называет «гравитационным». Оно характерно, по его мнению, для иммигрантов, говорящих на одном языке имеющих общую религию и испытывающих экономические трудности. Хотя это объединение временное, оно тем не менее оказывает большое влияние на процесс интеграции, затрудняя и замедляя социальную интеграцию группы в целом и ослабляя зависимость иммигрантов от внешнего мира. Постепенный переход голландцев на другую работу вызвал к концу пятилетнего периода распад «гравитационной группы». Ликвидация обособленности поселения сократила путь к социально-экономической интеграции.

Значительно более медленными темпами идет здесь процесс «культурной интеграции». Автор рассматривает роль семьи, языка и религии в этом процессе. В некоторых случаях выделение из старых семей новых сопровождается ослаблением связей с родными в Голландии, что стимулирует культурную интеграцию.

Языком первого поколения иммигрантов как в семье, так и в общении между соотечественниками продолжает оставаться голландский язык, который, однако, претерпевает известную эволюцию, вбирая в себя английские термины, идиомы, иногда целые фразы и конструкции. Родным же языком их детей уже с самого начала становится английский, причем ничем не отличающийся от языка канадских детей.

Важное значение в работе придается роли церкви. Церковь, по мнению автора, задерживает культурную интеграцию голландских иммигрантов, поскольку в период их тесных контактов между собой и в условиях совместного поселения, посещение церкви, будучи нормой их социального поведения, способствует этническому обособлению. В то же время Кавалаарс утверждает, что церковь «поощряет социальную интеграцию» тем, что привлекает иммигрантов к «общественной» работе в различного рода голландских церковных ассоциациях и школьных советах. Успешной интеграции иммигрантов помогает отсутствие в районах их расселения других сплоченных национальных меньшинств. В этом автор видит преимущество «молодых провинций» вроде Британской Колумбии.

Работа Кавалаарса показывает, что процесс интеграции в канадском обществе даже для таких «предпочтительных» иммигрантов, какими считаются выходцы из Нидерландов, сопряжен со значительными трудностями.

Кризис конфедерации и обострение англо-франкоканадских отношений находят отражение в том, что в работах различных авторов даются весьма разные оценки как иммиграции и ее последствий, так и иммиграционной политики Канады. Проявляющиеся в таких работах англосаксонский шовинизм или же франкоканадский национализм и его крайняя разновидность — квебекский сепаратизм, несмотря на различие и противоположность их выводов и оценок, имеют общие корни — идеологию буржуазного национализма.

Поскольку англоканадская буржуазия имела и имеет возможность определять иммиграционную политику государства, а тем самым ход, содержание и характер переселенческого движения, буржуазия Квебека, лишенная таких возможностей, естественно, должна была занимать по отношению к иммиграционной политике Оттавы резко отрицательную позицию. Такой подход особенно характерен для ряда работ, авторы которых принадлежат к лагерю крайних националистов.

<sup>13</sup> I. A. Rees - Powell, Указ. паб., стр. 108.

<sup>14</sup> A. Cavelaars, Integration of a group of Dutch settlers in British Columbia, «International Migration», Geneva, 1967, vol. 5, N 1.

К их числу относится Р. Морен, автор книги «Иммиграция в Канаду»<sup>15</sup>, выпущенной в свет квебекской организацией «Аксон насьонал» в 1966 г. Иммиграцию в Канаду, особенно начиная с XX в., автор уподобляет троянскому коню, введенному оттавским правительством в страну для того, чтобы сломить сопротивление франко-канадской нации, чей легендарный «реваниш люльками»<sup>16</sup> оказался, по его словам, столь успешным в прошлом. Сознательно проводимой политикой объясняет он и численный перевес иммигрантов британского происхождения над французами за последние пятьдесят лет (почти 3 млн. против 112 тыс.)<sup>17</sup>.

Не подлежит сомнению, что негативный подход квебекского общественного мнения к иммиграции является в значительной мере реакцией на стремление господствующих классов использовать иммиграцию в качестве орудия укрепления англосаксонской гегемонии в Канаде. В качестве подтверждения можно сослаться хотя бы на публичное выступление министра иммиграции в 50-х годах Харриса, заявившего весьма откровенно: «Мы делали все возможное, чтобы увеличить число иммигрантов британского происхождения...»<sup>18</sup>.

Р. Морен обвиняет правительство в том, что в своей иммиграционной политике оно руководствовалось не канадскими, а британскими интересами, о чем, в частности, свидетельствует заявление министра иммиграции Никольсона, назвавшего в 1965 г. Англию «центром Содружества» и подчеркнувшего, что именно в Англии «берет свое начало канадская нация»<sup>19</sup>.

Со своей стороны, Р. Морен не скрывает, что к оценке иммиграционных проблем он подходит не с общеканадской точки зрения, а с франкоканадской, квебекской. Сущность его концепции сводится к следующему. Квебек является «национальным государством канадских французов». Его задача — создать мощную национальную экономику, развивать «христианскую общественную жизнь и воссоздать на американской земле французскую действительность»<sup>20</sup>. Однако первым и важнейшим элементом этой «программы национальной эмансипации» является количественный рост франкоканадского населения. Между тем, несмотря на абсолютные цифры роста, относительная доля франкоканадцев в общеканадском демографическом балансе непрерывно падает. На октябрь 1965 г. 5 млн. 692 тыс. квебеков составляли всего 28,8% населения. А «для того, чтобы восстановить влияние», — пишет Морен, — которое мы имели в 1871 г., следовало бы увеличить нашу долю до 40%»<sup>21</sup>.

В то же время, отмечает автор, подавляющее большинство переселенцев, прибывающих в Квебек, «из-за плохого отбора иммигрантов» покидают провинцию. Автор негодует по поводу того, что из всех послевоенных иммигрантов, поселившихся в Квебеке, 25,6% были британского происхождения и лишь 13,4% — французского<sup>22</sup>. Наиболее трагичным Морен считает то обстоятельство, что с начала века из Квебека эмигрировало в США и другие страны свыше миллиона франкоканадцев<sup>23</sup>.

Морен с горечью констатирует, что в иммиграционном управлении министерства гражданства и иммиграции, в котором занято около 2 тыс. чиновников, осуществляющих руководство всей иммиграционной политикой страны, «не пользуется влиянием ни один француз»<sup>24</sup>. Самое же главное, по его мнению, заключается в том, что политика и практика в области иммиграции постоянно нарушают демографическое равновесие двух наций в рамках федерации. Это происходит путем массовой иммиграции британцев и частично путем ассимиляции англоканадцами других этнических групп. Автор требует, чтобы для восстановления «этнического равновесия» иммиграция в течение ближайших 50 лет осуществлялась в пропорции четыре к одному в пользу франкоязычных переселенцев. В другом месте он ратует за то, чтобы 80 тыс. из каждых 100 тыс. иммигрантов, прибывающих в Канаду, были французского происхождения. Такова программа-максимум квебекских экстремистов. «Французская Канада не хочет больше такой иммиграции, которая ее разрушает»<sup>25</sup>, — восклицает Морен.

Судя по книжке Морена, в Квебеке в настоящее время совершается переход от традиционного отрицания иммиграции к признанию возможности использования ее в качестве эффективного оружия в борьбе против англоканадской гегемонии. Работа Р. Морена — свидетельство определенной эволюции части общественного мнения Квебека в сторону проведения активной иммиграционной политики, причем еще более целенаправленной и националистической, чем та, которая проводилась до сих пор Оттавой в интересах англоканадской буржуазии.

<sup>15</sup> R. Morin, *L'immigration au Canada*, Montreal, 1966.

<sup>16</sup> Имеется в виду лозунг, выдвинутый в Квебеке в конце XVIII в. и призывавший к увеличению численности франкоканадцев в противовес английской гегемонии.

<sup>17</sup> R. Morin, Указ. раб., стр. IX.

<sup>18</sup> Там же, стр. 14.

<sup>19</sup> Там же, стр. 15.

<sup>20</sup> Там же, стр. 66.

<sup>21</sup> Там же, стр. 69.

<sup>22</sup> Там же, стр. 77.

<sup>23</sup> Там же, стр. 71.

<sup>24</sup> Там же, стр. 88.

<sup>25</sup> Там же, стр. 123.

Впрочем в иммиграции фанцузов в Канаду в самые последние годы наметились некоторые существенные сдвиги. В 1966—1967 гг. число иммигрантов из Франции почти удвоилось (в 1967 г. их было свыше 10 тыс.). Этот факт связывается комментаторами не только с ухудшением в эти годы экономической конъюнктуры во Франции, но и с особыми мерами стимулирования франкоязычной иммиграции. Среди иммигрантов, прибывающих в Квебек, постепенно растет доля французского элемента: в 1962 г. французы составляли 11,2% всех иммигрантов, в 1966 г.—15,7%, в 1967 г.—17,5%<sup>26</sup>. Однако с точки зрения квебекских националистов этого недостаточно.

Как уже отмечалось, франкоканадцы ревниво следят за изменением «этнического баланса»: численным соотношением двух соперничающих наций. Определенный интерес в этом плане представляет статья «Новые данные о рождаемости в Канаде», опубликованная в журнале «Попюласьон» в начале 1967 г.<sup>27</sup> В этой работе анализируются данные о росте населения и рождаемости в Канаде в двух основных ее провинциях (франкоязычный Квебек и англоязычный Онтарио) с середины прошлого и до 60-х гг. нашего века. Сравнивая динамику роста населения Французской Канады (Квебек) и провинции Онтарио, автор показывает изменения в показателях рождаемости в обеих провинциях в послевоенные десятилетия. В течение длительного времени Квебек неизменно опережал по рождаемости Онтарио. Однако начиная с 1953 г. разница между провинциями постепенно начала нивелироваться, а в 1963 г. и вовсе исчезла. Анализируя столь заметный рост рождаемости в английской Канаде, а также некоторое ее падение в Квебеке, автор считает одной из главных причин этого явления иммиграцию «Многочисленные иммигранты, осевшие в Канаде, преимущественно в Онтарио, способствуют такой эволюции» — таков основной вывод исследования<sup>28</sup>.

В данном обзоре рассмотрены лишь некоторые работы, отражающие определенные тенденции в изучении канадской иммиграции после второй мировой войны.

*Л. Н. Фурсов*

<sup>26</sup> L'immigration française, «Europe outremer», Paris, 1968, vol. 45, № 464, p. 47

<sup>27</sup> «Population», Paris, 1967, № 2.

<sup>28</sup> Там же, стр. 257.

## НАРОДЫ СССР

**Л. П. Потапов.** Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, 401 стр.

Имя Л. П. Потапова, крупного исследователя истории и этнографии народов Южной Сибири, широко известно. Его перу принадлежит большое число монографий, очерков, статей, посвященных как комплексной историко-этнографической характеристике отдельных народов, так и разнообразным вопросам истории, хозяйства, социальных отношений, быта и культуры. Работы Л. П. Потапова отличаются глубоким знанием предмета, широтой взглядов и суждений, убедительностью аргументации.

«Очерки народного быта тувинцев» не представляют в этом отношении исключения. Автор посвятил изучению истории и исследованию быта тувинского народа свыше десяти лет, в результате чего накопился огромный материал, который лег в основу настоящей работы. Несмотря на то, что тувинцами занимались и другие исследователи (В. И. Дулов, С. И. Вайнштейн), издавшие ряд трудов, Л. П. Потапову есть что сказать нового: весь богатейший материал, привлеченный в данном исследовании, совершенно оригинален (ранее разработанных тем автор как правило, не касается, отсылая читателя к опубликованным работам). Книга написана живо и интересно и читается легко, несмотря на то, что в ней поднимаются нередко очень сложные вопросы, такие, например, как проблема феодальной собственности, характеристика хозяйственной деятельности и т. п. Вся совокупность очерков дает ясную, хорошо документированную картину народного быта, четкое представление о тувинской народной культуре с ее специфическими особенностями.

Остановимся более детально на отдельных очерках, вошедших в работу. В первом из них «Исторические сведения о тувинских племенах XVII—XVIII вв.» автор кратко излагает историю тувинцев, находившихся сначала под властью калмыков и китайцев, а затем под владычеством царской России. Здесь Л. П. Потапову пришлось проделать большую аналитическую работу по отождествлению исторических наименований тувинских племен с их современными названиями. Этот анализ продолжен, по существу, и во втором очерке («Этнический состав и расселение тувинцев в XIX—начале XX в.»). Приводя административное деление, существовавшее при китайском владычестве, автор показывает как старинное кровнородственное родоплеменное деление сложно переплеталось с административным, введенным китайцами. Терпеливо распутывая этот сложный узел, Л. П. Потапов отмечает смешанность этнического состава, которая хорошо прослеживается по этнонимам, начиная со времен тюркского каганата, далее тяготеющих к средневековым уйгурам, монголам, кирги-

зам. Среди них встречается и много родо-племенных названий, сходных с таковыми у современных алтайцев. Автор делает интересную попытку установить расселение отдельных родо-племенных групп, независимо от искусственно созданных китайцами объединений — хошунов и сомонов. Научную ценность первых двух очерков хотелось бы подчеркнуть особо, так как содержащийся в них материал и ряд обобщений и соображений автора имеют немаловажное значение и для этнической истории некоторых других тюркоязычных народностей Сибири и Средней Азии.

В очерке «Хозяйство» автор раскрывает, что вкладывается им в понятие «лесные народы». Сложное хозяйство этих народов укладывается в следующую триаду: а) пастбищное табунное скотоводство, б) охота на лесного и пушного зверя (верховая и пешая зимняя на лыжах) и в) мелкое, иногда мотыжное земледелие. Л. П. Потапов справедливо усматривает одну из причин такого сложного хозяйства в том, что тувинцы жили на грани тундры и степи. Он дает сжатую, но весьма насыщенную фактическим материалом характеристику каждой из перечисленных отраслей хозяйства, а также описывает технические средства — орудия производства. Выводы, к которым приходит автор, могут быть сформулированы следующим образом. Тувинцы принадлежали к категории отсталых племен с весьма низким уровнем развития производительных сил, о чем свидетельствуют их орудия труда. Большой опыт и сложившиеся навыки ведения комплексного хозяйства сочетались у них с низким уровнем культурного развития и слабой хозяйственной техникой, что приводило к огромной затрате физических и духовных сил. Примитивность орудий труда вела, с другой стороны, к тому, что они не могли быть средством эксплуатации, и частная собственность на орудия труда не играла сколько-нибудь решающей роли в расслоении общества; однако к этому расслоению приводили некоторые другие факторы. Следует особенно отметить новый историко-этнографический подход Л. П. Потапова к изучению натурального хозяйства тувинцев. Кроме того, он дает новую классификацию и характеристику хозяйства.

Расслоение общества базировалось на наличии феодальной собственности на землю, о чем говорится в начале очерка, посвященного «аальной общине». Феодалы (и в первую очередь верховный собственник земли — богдыхан при владычестве китайцев) распоряжались всей землей, а непосредственный производитель мог пользоваться кочевыми угодьями, величина которых в лучшем случае допускала лишь воспроизводство хозяйства, но препятствовала ведению его на расширенной основе. Сохранность своеобразной аальной общины, очень подробно и обстоятельно описанной автором, обуславливалась бессилием единоличного хозяйства в борьбе с природой. В основе аальной общины тувинцев лежали родственные связи, она имела много общего с семейно-родственными группами, зарегистрированными у ряда кочевых и полукочевых народов Средней Азии. Помимо хозяйственной взаимопомощи, иногда вплоть до совместного ведения хозяйства, мы наблюдаем у тувинцев солидарность членов общины и в других аспектах, в частности в совместном отправлении религиозных культов, семейных праздников и т. п.; одной из черт такой общины была также экзогамия — жен брали из других общин. Очерк об общине представляет большой научный интерес и имеет значение для решения проблемы общины у кочевых народностей.

Очерки, посвященные быту (жилище, пища, одежда<sup>1</sup>), невелики, но насыщены интересным и оригинальным материалом.

В очерке «Свадебный обряд» дается подробное описание различных вариантов свадебных церемоний. Этим описаниям предпослана общая характеристика семьи у тувинцев, сохраняющей многочисленные пережитки архаичных семейно-родовых институтов, таких как материнтет, авункулат, левират и т. п. Охарактеризована система родства, имеющая в значительной степени классификаторский характер. Очень любопытен зарегистрированный автором обычай сохранения особой личной собственности новобрачных, которая остается за каждым из супругов на всю жизнь; интересны также и другие обычаи — дарение лошади, переезд новобрачной к месту жительства мужа со своей юртой (в чем автор справедливо усматривает пережиток матрилокальности) и ряд других. Очень живо написан подраздел об обычаях, связанных с рождением детей. Автор описывает также тувинский обычай, связанный с появлением близнецов. Здесь Л. П. Потаповым, по-видимому, зарегистрирован факт, до сих пор неизвестный в этнографической литературе.

С большой обстоятельностью и глубиной разработан также и очерк «Народные знания». Значительное место в нем уделено описанию 12-летнего животного цикла и народного сельскохозяйственного календаря (деление на месяцы и сезоны, деление суток, наблюдение времени по скользящему солнечным лучам по юрте и т. п.). Характерно, что календарь этот тесно увязан с хозяйственными работами годового цикла, с производственными нуждами. В этом же очерке приводятся данные о народных мерах длины; особенно интересны меры глубины, достаточно подробно разработанные народом в связи с часто случающимися паводками горных рек. Весьма интересен и материал о названиях животных. Автор отмечает две системы классификации животных — одна из них связана с возрастом домашних животных, другая отражает появление

<sup>1</sup> Очерк «Одежда», написан В. П. Дьяксовой; ей же принадлежит разделы «Шаманский погребальный обряд» и «Похороны по-ламаистски» в очерке «Религиозные верования» (см. «Введение», стр. 13).

и рост зубов у животного. В очерке даются также некоторые сведения по народной медицине.

В последнем очерке «Религиозные верования» рассмотрены шаманские и ламанские культы и воззрения, причем много места отведено церемониям, связанным с называемыми «посвященными» животными. Даны также описания погребальных обрядов и церемоний.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что книга содержит обильный оригинальный материал по культуре и быту, хозяйству и социальным отношениям тувинцев, материал тем более ценный, что с каждым днем он исчезает, уходит безвозвратно из жизни тувинского народа, строящего новую культуру в братской семье советских народов. Книга, несомненно, будет встречена с интересом не только специалистами, но и широкими кругами советских читателей.

Положительной чертой ряда очерков о дореволюционном быте тувинцев нужно признать и отдельные сопоставления с современным бытом. Это в известной мере позволяет представить реальную картину жизни тувинцев в настоящее время.

Н. А. Кисляков

### Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.

Автор рецензируемой работы Г. П. Васильева — опытный, способный и неутомимый исследователь этнографии народов Средней Азии, и прежде всего туркменского народа<sup>2</sup>. В книге обобщены результаты ее многолетних исследований в Северном Туркменистане. Все интересующиеся этнографией Средней Азии найдут в этой книге много интересного. Особенно рады выходу этой давно ожидаемой книги историки и этнографы Туркменской ССР.

Ожидание не обмануло нас. Несмотря на то, что в работе имеется ряд положений, с которыми, возможно, не согласятся некоторые специалисты по истории и этнографии Туркменской ССР, каждый из них должен будет признать, что по обилию добротного фактического материала, по обоснованности и глубине выводов эта книга представляет крупное событие в этнографии Туркменистана. Вряд ли нужно подробно говорить об отличном знании Г. П. Васильевой литературы вопроса. Но хотелось бы сказать не сколько слов об источниковедческой базе исследования.

Главным источником сведений о хозяйстве, культуре и быте населения Северного Туркменистана для автора стали полевые исследования, в частности многолетние стационарные работы в Тахтинском районе. Кроме полевого материала при подготовке монографии широко использовались данные периодической печати на туркменском русском языках, а также данные местных архивов. Широта источниковедческой базы разнообразие привлекаемых источников обеспечивают исследованию Г. П. Васильевой надежную фактическую основу.

Однако приходится признать, что автор недостаточно использовал имеющиеся возможности для более конкретной и обстоятельной характеристики хозяйства и культуры населения Северного Туркменистана к началу осуществления там социалистических преобразований, т. е. к середине 20-х годов. Недостаточно полно использованы богатые и интересные материалы статистических обследований Ташаузского округа в 1925–1926 гг., частично опубликованные в сборнике «Туркменская ССР в цифрах» (Ашхабад, 1930) и в Бюллетенях ЦСУ ТССР. Вследствие этого характеристика исследуемого объекта получилась чрезмерно общая, что может помешать читателю полностью понять и оценить значение результатов исторического развития в описываемый период.

Основной части исследования, охватывающей период с середины 20-х до середины 60-х годов, предпослан исторический очерк, в котором дается глубокий анализ процессов развития туркменского народа и его взаимоотношений с другими народами данного региона. Г. П. Васильева разделяет мнение преобладающего большинства советских историков и этнографов, признающих наличие у туркмен древних земледельческих традиций и прямых этнических связей с дотюркским населением Северного Хорасана и Хорезма. Автор пишет о том, что, как и большинство туркменских племен северные туркмены не были чистыми кочевниками, а вели полуседлое хозяйство в границах земледельческих и скотоводческих районов западной половины Хорезмского

<sup>1</sup> В этой книге глава «Общественная и культурная жизнь» написана В. Н. Басиловым.

<sup>2</sup> Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, М., 1954; см. также этнографические разделы статьи «Туркмены» в сб. «Народы Средней Азии и Казахстана», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», Нов. серия, т. XXXVII, М., 1958, и др.



оазиса. Противники этой точки зрения пока не смогли представить убедительных доводов в свою пользу.

Многие страницы работы посвящены описанию коренного преобразования хозяйства в Северном Туркменистане. Г. П. Васильева, оперируя богатейшим фактическим материалом, дает подробную характеристику современному крупному, механизированному сельскому хозяйству, которое сменило существовавшее всего 40 лет назад патриархально-натуральное хозяйство северных туркмен. Впервые в нашей литературе дается такое подробное и яркое описание труда туркменских чабанов — подлинного искусства, впитавшего тысячелетние традиции скотоводов Арало-Каспийских степей.

Наиболее интересны и содержательны главы, посвященные материальной культуре, семье и общественной жизни населения Северного Туркменистана. Читатель получает четкое представление о коренных изменениях, происшедших за годы Советской власти в жилище, одежде, пище населения Северного Туркменистана, узнает о современном состоянии семейно-брачных отношений и положении женщины в семье и обществе, о традиционных и новых обрядах, об общественных организациях современного села и многих других сторонах семейной и общественной жизни.

Процессы преобразования быта и этнических отношений показаны в развитии. Выводы, сделанные Г. П. Васильевой на основе многолетних исследований, помогают понять значение новых, социалистических отношений в деле преобразования быта. Кроме того, автор проследживает различные остатки и пережитки старого, самым причудливым образом влетающие в новый быт. При этом обращается внимание на то, что многие старые формы, наполняясь новым содержанием, теряют прежнее качество и успешно «врастают» в социалистическое общество. Так, традиционные мужские собрания «гуррун» и «денгене», объединявшие ранее мужчин одного возраста, превратились в вечера отдыха людей одной профессии, хотя и не всегда одного возраста.

Но сложность исследуемых автором процессов не только в этой многоплановой борьбе наступающего нового с уходящим, но еще цепляющимся за жизнь старым, но и в том, что происходят они в многонациональной среде, на основе двух тенденций национальных отношений в социалистическом обществе — расцвета и сближения наций. Г. П. Васильева на богатом фактическом материале показывает, что в Северном Туркменистане, где живут представители равноправных социалистических наций, идет непрерывный процесс сближения и взаимопроникновения национальных культур. Подлинно интернационалистское направление книги — одна из самых сильных ее сторон. Монография Г. П. Васильевой несомненно наносит сильный удар антинаучному «творчеству» идеологов антикоммунизма, пытающихся делать ставку на тщетно ожидаемое ими обострение национальных отношений в СССР.

Следует отметить, что автор приводит материалы по ряду тем, органически входящих в проблематику рецензируемой книги, но имеющих и самостоятельное значение.

Таковы, например, материалы о большесемейной туркменской общине и ее пережитках в настоящее время, о языковых проблемах в Северном Туркменистане и т. д. В частности, важен вывод о том, что языком межнационального общения туркмен, узбеков, казахов и каракалпаков Северного Туркменистана обычно служит туркменский язык.

Очень интересен краткий исторический очерк о развитии туркменского жилища. Собранные Г. П. Васильевой данные должны положить конец утверждениям, что северные туркмены в прошлом не знали иного жилья, кроме юрт и шалашей. Убедительно говорит автор о взаимопроникновении культуры южных и северных туркмен в ходе консолидации туркменской социалистической нации, о выдающейся роли татарской интеллигенции на первых этапах развития туркменской социалистической культуры, о передовой роли городской культуры, где наиболее активно идут процессы интернационального сближения, о постепенном преодолении существенных различий между городом и селом и т. д.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе — вопросе формирования и консолидации туркменской нации. В заключительной главе своего исследования Г. П. Васильева отмечает следующее: «Первый этап сложения туркменской нации, начавшийся еще задолго до революции, но завершившийся в первые годы существования Советской власти, заключался в сплочении вокруг одного из крупных племен более мелких этнических групп туркмен, живущих рядом с этим крупным племенем или в его окружении» (стр. 375).

Ассимиляция крупным племенем мелких этнических групп, оказавшихся в сфере его влияния, — процесс, известный с давних времен. У туркмен эти процессы привели еще в средние века к тому, что более крупные племена инкорпорировали более мелкие племенные группы (например, группы газак, гарамугал, кипчак, мукры и т. д.), которые полностью усвоили их быт и культуру и сохранили лишь свое племенное имя. Накануне Октября в Туркменинии были четыре крупных племенных группировки: текинцы на юге, эрсари на востоке, прикаспийские йомуды на западе и хорезмские йомуды на севере Туркменистана. Сравнительную обособленность при этом сохранили човдуры, сарыки, голкены и некоторые мелкие племена и этнические группы.

Ассимиляция мелких племен способствовала дальнейшей консолидации туркменской народности, что было условием для последующего сложения туркменской буржуазной нации: особенно явно элементы этого процесса проявились до Октября только в наиболее развитом южном районе.

Из-за политико-административной разобщенности Туркменистана и крайне слабой степени советизации хорезмских и бухарских туркмен процесс ассимиляции малых племен продолжался здесь вплоть до национального размежевания Средней Азии (1924 г.), после чего он сменился качественно новым процессом сложения туркменской социалистической нации, который на юге и западе Туркменистана начался несколько раньше, сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В целом монография Г. П. Васильевой чрезвычайно ценное и интересное исследование, которое будет очень полезно всем интересующимся современными этническими социальными процессами, происходящими не только в Туркменистане, но и на всем Советском Востоке. Нельзя при этом не высказать сожаления по поводу отсутствия указателей и чрезвычайной краткости оглавления, что очень затрудняет пользование книгой.

А. А. Росляк

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) М., 1969, 205 стр.

В современном североведении общепринятой является точка зрения, что предки эскимосов пришли в Америку из Азии. Поэтому для выяснения происхождения этого народа особое значение имеют археологические исследования на северо-востоке Азии, там, где когда-то начинался берингоморский мост, по которому люди могли беспрепятственно перейти на Аляску. Между тем древнеэскимосские культуры на азиатском побережье Берингова пролива до сего дня остаются менее изученными, чем родственные им культуры американского берега. Именно поэтому и для советских, и для зарубежных исследователей Севера столь большой интерес представляет только что вышедшая монография С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева об Уэленском могильнике, замечательно по своему богатству памятнике эскимосской культуры на Чукотке.

Уэленский могильник был открыт в 1955 г. Д. А. Сергеевым, а в 1957—1960 гг. подробно исследован Чукотским отрядом Северной экспедиции под руководством М. Г. Левина, а позднее Д. А. Сергеева. Здесь было раскопано 76 погребений и вскрыта общая площадь свыше 500 м<sup>2</sup>. Рецензируемой публикацией вводится в широкий научный оборот весь обширный материал, собранный за время раскопок. Уже одно это делает монографию С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева ценнейшим источником по древней истории Северо-Восточной Азии. Кроме того, в работе рассматриваются и некоторые общие вопросы развития эскимосской культуры, а также ее историография.

Монография состоит из введения, девяти глав (гл. I — Русская историография проблемы эскимосской культуры; гл. II — Вопросы хронологии и соотношения древнеэскимосских культур района Берингова моря; гл. III — Уэленский могильник. Общая характеристика; гл. IV — Комплекс зверобойного снаряжения из Уэленского могильника; гл. V — Проблема крылатых предметов; гл. VI — Характеристика орудий подсобных промыслов древних эскимосов; гл. VII — Предметы быта, домашнего обихода и вспомогательного охотничьего снаряжения; гл. VIII — Орудия обработки дерева, кости и камня; гл. IX — Изобразительное искусство) и трех приложений.

Приложения посвящены исследованию антропологических материалов Уэленского и также Эквенского могильников и включают «Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Уэленского могильников» А. А. Зубова, «Патологические изменения на скелетах из Эквенского и Уэленского могильников» Г. В. Лебединской и «Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки» Т. С. Сурминой.

Во введении авторы сообщают некоторые общие сведения об эскимосах, о Чукотке и о крупнейших могильниках, Уэленском и Эквенском, обнаруженных на этой территории.

В первой главе подробно рассматривается вклад русских дореволюционных и советских ученых в решение эскимосской проблемы. Думается, что ограничение историографии отечественными исследованиями вполне оправдано, так как она освещена в существующей литературе значительно менее полно, чем история зарубежных исследований по эскимосской проблеме. Авторы подробно разбирают и критически анализируют взгляды каждого из русских ученых.

Большой интерес представляет вторая глава, посвященная историческому соотношению древнеэскимосских культур. В ней, в частности, убедительно доказывается ошибочность широко распространенной точки зрения, что оквикская культура предшествует древнеберингоморской, и развивается мысль, что оквик представлял собой локальный вариант древнеберингоморья или же сосуществовал с ним, но никоим образом не предшествовал ему.

В третьей главе описывается каждое из погребений Уэленского могильника. Заключается она тщательно разработанной таблицей, дающей статистическую характеристику элементов конструкций могил и найденного в них инвентаря.

В главе четвертой привлекает особое внимание разработанная авторами типология наконечников гарпунов. Это оказалось необходимым, так как значительная часть этих предметов, найденных в Уэленском могильнике, не укладывается в известную класси-

фикацию Г. Коллинза. Авторам рецензируемой книги удалось создать классификацию, включающую любые из известных типов наконечников.

Анализируя последние, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев рассматривают их в тесной связи с условиями зверобойного промысла в разных районах расселения эскимосов.

Интересны и высказываемые здесь же соображения о падении роли боковых вкладышей и возрастании значения концевых копей по мере совершенствования наконечников гарпунов. Глава завершается многочисленными таблицами с рисунками найденных в Уэленском могильнике наконечников, а также таблицей конструкций наконечников, выраженных в гарпунных формулах.

Глава пятая посвящена так называемым крылатым предметам, несколько десятков которых было найдено в Уэленском и Эквенском могильниках. Назначение этих предметов вызвало много споров. Их считали и прототипами реалистических изображений чайки, и навершиями шаманских жезлов, и крылатыми наконечниками неизвестного типа гарпуна.

Д. А. Сергеев и С. А. Арутюнов высказывает интересную мысль о том, что крылатый предмет служил связующим звеном — брештуком — между боковыми стрингерами и мидельвейсом каяка и одновременно являлся украшением. Свое предположение авторы основывают как на археологических, так и на этнографических материалах, и оно представляется обоснованным.

В главе шестой, где характеризуются орудия подсобных промыслов, найденные в Уэленском могильнике, наибольшее внимание уделяется наконечникам стрел. Авторы проводят интересные параллели между некоторыми наконечниками из Уэленского могильника и рыбовидными каменными наконечниками, распространенными в прошлом в Северной Америке.

В главе седьмой подробно описываются такие предметы домашнего обихода и вспомогательного охотничьего снаряжения, как женский нож — уляк, сохранивший свою форму со времени древнеберингоморской культуры до сегодняшнего дня, каменные скребки, шилья, костяные иглы, карабины для транспортировки убитых животных, снеговые очки и т. д. Авторы подчеркивают, что многие из этих предметов одновременно со своей основной функцией имели и культовое значение. Так, зооморфные карабины для транспортировки кита должны были примирить убитое животное с охотниками.

Интересны также содержащиеся в этой главе данные об изменении функций некоторых предметов бытового обихода. Так, штампы для нанесения орнамента на керамику позднее, с развитием торговли и заменой глиняной посуды металлической, стали применяться как терки для растирания листового табака.

В главе восьмой наибольший интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о времени появления железа и характере его использования в древнеэскимосских культурах. Как известно, в 1959 г. Д. А. Сергеевым был найден гравировальный инструмент с железным лезвием. Эта находка наряду с выявленными С. А. Семеновым признаками следов работы металлическими орудиями на изделиях из кости древнеберингоморского времени свидетельствует, что «металлические орудия достаточно широко применялись при обработке моржового клыка... Однако, несмотря на использование железа на древнеберингоморско-оквикском этапе эскимосской культуры, в целом эта культура является неолитической» (стр. 169).

Богатому и сложному искусству древнеберингоморья посвящена глава девятая рецензируемой работы.

В ней, в частности, доказывается, что искусство древнеберингоморцев, так же как их хозяйственный и культурный комплекс, нельзя рассматривать как привнесенные извне, хотя на нем и сказались отдельные влияния, пришедшие из района северной части Тихого океана, откуда были привнесены некоторые элементы орнамента, с восточного побережья того же океана, откуда, по-видимому, пришли некоторые формы культуры, и наконец, — из материальной культуры чукчей.

Заслуживают внимания также соображения авторов об основных тенденциях в творчестве древнеберингоморцев, например о мистическо-магическом осмыслении их искусства, особенно при украшении предметов зверобойного промысла, и в то же время о постоянно чувствующемся стремлении выработать для орудий труда и предметов быта наиболее удобную и красивую форму.

Антропологические приложения, насколько мы можем судить, также представляют значительный интерес и содержат ряд общих выводов об антропологическом типе серий из Уэленского и Эквенского могильников, об общем происхождении этих серий древнеберингоморцев и их возможных причинах и, наконец, об особенностях зубочелюстной системы этих людей.

Оценивая рецензируемую книгу, надо еще раз подчеркнуть, что она не только вводит в научный оборот большой новый археологический материал. Не менее важно то, что для осмысления этого материала привлекаются данные этнографии, полученные при расспросах информаторов эскимосов и чукчей. Последовательное применение этого метода позволило авторам дать убедительную трактовку, например, таких загадочных явлений материальной культуры, как крылатые предметы.

Вместе с тем такая большая и сложная работа не может не вызвать и некоторых критических замечаний.

На наш взгляд, надо было бы четче сказать о месте древнеберингоморской культуры в ряду древних эскимосских культур. Как отмечалось выше, сейчас практически в североведы единодушно считают, что предки эскимосов пришли в Америку из Азии. И одновременно столь же бесспорным является и тот факт, что древнейшие из ныне известных эскимосских культур найдены пока только на американской стороне Берингового пролива, на азиатском же побережье мы знакомы лишь с такими сравнительно поздними культурами, как древнеберингоморская. Иными словами, более древние культуры открыты там, где они появились позднее.

Констатация этого обстоятельства нужна не только в интересах точности, но и в том, чтобы указать на действительную необходимость поисков на Чукотке эскимосских культур, предшествовавших древнеберингоморской. Правда, в главе второй приводятся хронологические таблицы культур Берингоморья, составленные Ларсеном и Рейни, Рейни и Ральфом, Гиддингсом. Но остается не вполне ясным, какие из фигурирующих в этих таблицах культурных комплексов авторы рецензируемой монографии считают эскимосскими, а какие нет.

Имеются в книге и отдельные неудачные или неточные формулировки, например на стр. 19, 20, но их немного. В целом же монография С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева представляет собой крупный вклад в изучение истории народов Севера, ее появление — свидетельство больших успехов советского эскимосоведения.

Л. А. Файнбе

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ernő Tárkány Szűcs. Eingetragene Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographica, Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XVII, Fasciculi 3—4, Budapest, 1968.

Исследование различных систем знаков собственности дает новые ключи для решения ряда важных проблем исторической науки. Советские ученые О. Акчокраклы, И. И. Мещанинов, Б. А. Рыбаков<sup>1</sup>, а в последнее время Э. Соломоник<sup>2</sup> опубликовали ряд ценных трудов, посвященных знакам.

Автор данной рецензии также написал ряд статей на эту тему<sup>3</sup>.

В рецензируемой работе обобщены результаты изучения знаков на скоте. В первой главе «Понятие знака собственности» (стр. 225—229) излагаются исходные данные, положенные в основу работы. Их суть заключается в следующем: 1) кроме знаков собственности, на скот наносились и знаки для различения пород скота, его происхождения, для опознания в случае потери или в санитарных целях; 2) тамги на скоте выжигались, тагуировались, наносились краской и т. д.; 3) обычай метить животных зародился в период приручения диких животных и появления скотоводства, а первым в истории тамгами были родовые и племенные тамги. Эти положения представляют нам совершенно правильными.

Во второй главе «Исторические следы выжиганий тамг на скоте в Венгрии» (стр. 229—233) автор выделяет три исторических периода применения тамг для тагуирования скота в Венгрии: 1) От возникновения тамг по XV в. включительно; 2) с конца XV в. по 1794 г., когда, с одной стороны, местные власти стали настаивать на обязательном тагуировании скота, а, с другой, шел процесс обособления семей, в связи с чем появилось большое количество близких по форме тамг; 3) с 1794 г. и далее, когда был издан государственный указ об учете скота, и на домашних животных, помимо прочих знаков, наносилось еще и территориальное клеймо магистрата.

<sup>1</sup> О. Акчокраклы, Татарские тамги, Симферополь, 1927; И. И. Мещанинов, Загадочные знаки Причерноморья, «Изв. Государственной Академии материальной культуры» (далее ЦГАИМК), вып. 62, Л., 1933; Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, «Сов. археология», VII, 1940.

<sup>2</sup> Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1969.

<sup>3</sup> В. С. Драчук, До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, «Науковий збірник Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка за 1956 рік» (далее НШ), Київ, 1957, стр. 126—128; его же, Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, «Студентські наукові праці Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка» (далее СНП), XXIII, Київ, 1958, стр. 165—174; его же, Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдовії (До питання про сферу вжитку загадкових знаків), СНП, XXVII, Київ, 1961, стр. 19—25; его же, Родові тамги на предметах побуту, «Народна творчість та етнографія» (далее НТЕ), № 1, Київ, 1968, стр. 39—46; его же, Про вивчення загадкових знаків в вітчизняній та зарубіжній історичній літературі, «Український історичний журнал» (далее УІЖ), Київ, 1969, № 12.

В третьей главе «Собрание рисунков выжженных тамг и их географическое распространение» (стр. 234—249) опубликовано 4000 тамг из более чем 100 000 изученных образцов. Кроме того, сделан очень ценный вывод географического порядка: тавренные скота зародилось в тех местностях Венгрии, где преобладало древнейшее кочевое скотоводство с круглогодичным выпасом скота; в областях загонного животноводства тамги на скоте встречались гораздо реже (стр. 246—248).

Результаты исследований типичных черт тамг на скоте изложены в четвертой главе «Выжигание тамг (возникновение и распространение выжженных знаков собственности)» (стр. 249—256). Тамга собственности ставилась обычно на левом, а территориальная тамга — на правом боку животного, хотя бывали и исключения из этого правила. Пастух наносил клейма владельцев на специальные бирки. При передаче или продаже скота клеймо нового собственника ставилось или рядом, или на другом месте и оба клейма заносились в «паспорт» животного, образуя разновидность тамги нового владельца. При передаче скота наследникам один из сыновей получал отцовское клеймо, а остальные добавляли к этому клейму новые штрихи. Иногда два брата пользовались одной тамгой, которая ставилась, соответственно, на разных частях тела.

Последняя — пятая глава «Характерные черты выжженных знаков собственности» (стр. 256—264) является своеобразным итогом исследования.

Отдельные положения работы Таркань Сюча представляются нам не совсем правильными. Так, целью клеймения, по его мнению, является отделение вещи индивидуума от вещей коллектива (стр. 226). Между тем вначале клеймо служило обозначению вещей коллектива (родового)<sup>4</sup>. Нельзя согласиться и с выводом о том, что владелец сам выбирал себе тамговый знак (стр. 226). Источником первоначальной родовой тамги было, по нашему мнению, изображение родового тотема<sup>5</sup>. Позднее из родового знака развиваются передававшиеся по наследству тамги сочленов родового коллектива<sup>6</sup>, в основе которых лежит изображение общеродовой тамги<sup>7</sup>.

Впоследствии тамги начали давать правители. У татар долго бытовало предание, что Чингис-хан, объединив монголов, каждому племени дал свою отдельную тамгу<sup>8</sup>.

Наиболее важными системами классификации тамг автор рецензируемой работы считает группировку по юридическому или техническому принципу и месту нанесения тамг (стр. 227). Нам кажется, что в основе классификации лежит разделение на тамги-рисунки и тамги графических форм, ибо первые из них — пережитки древнейших родовых тамг<sup>9</sup>, а вторые возникли уже после разложения родового строя<sup>10</sup>.

В I и V главах перечислены далеко не все знаки, которые не являлись тамгами собственности владельца. Так, Плутарх сообщает о таврении быков знаком, изображающим светильник богини<sup>11</sup>. Аристотель упоминает о таврении знаком в виде круга лошадей, плохо обученных военному делу<sup>12</sup>. Игнорировались оленей тамгой хозяина — духа животных<sup>13</sup>. В древнем Египте существовал обычай клеймить животных освящающей тамгой<sup>14</sup>. Кстати, о клейме из храма Аммон у пишет и Таркань Сюч (стр. 228). При этом сделан вывод, что обычай таврения скота пришел в Европу и Азию из Египта еще в древние времена. Между тем таврение животных появилось у всех народов на определенном этапе социально-экономического развития, хотя нельзя, конечно, полностью исключить взаимовлияния<sup>15</sup>.

В рецензируемой работе высказывается недоумение по поводу отсутствия исторического объяснения наложения тамг на левую часть тела (стр. 250—251). Сразу же скажем, что найти эти исторические корни невозможно, ибо археологические находки свидетельствуют о нанесении тамг различными племенами и народами Европы, Азии и Африки не только на левой, но и на правой стороне тела животных<sup>16</sup>.

<sup>4</sup> В. С. Драчук, До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, стр. 126.

<sup>5</sup> И. И. Мещанинов, Указ. раб., стр. 45.

<sup>6</sup> Там же, стр. 72—73.

<sup>7</sup> H. Jänichen, Bildzeichen der königlichen Hochheit bei den iranischen Völkern, «Antiquitas, Reihe 1, Abhandlungen zur alten Geschichte», Bd. 3, Bonn, 1956, S. 37—38.

<sup>8</sup> О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 7.

<sup>9</sup> В. С. Драчук, Родові тамги на предметах побуту, стр. 40.

<sup>10</sup> П. С. Ефименко, Юридические знаки. Опыт исследования по обычному праву, «Журнал Министерства народного просвещения», 1877, ч. CLXXVI, стр. 286—287.

<sup>11</sup> См.: Э. И. Соломоник, О таврении скота в Северном Причерноморье (По поводу некоторых загадочных знаков), Киев, 1956, стр. 216.

<sup>12</sup> Там же, стр. 217.

<sup>13</sup> В. С. Драчук, Рецензия на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья», «Сов. археология», 1962, № 4, стр. 255; его же, Родові тамги на предметах побуту, стр. 39; С. Е. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., М.—Л., 1954, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXII, стр. 81.

<sup>14</sup> «Die Papyri als Zeugen antiker Kultur», hrsg. vom Generaldirektor der Staatlichen Museen zu Berlin, 1938, S. 42.

<sup>15</sup> О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 13.

<sup>16</sup> Э. И. Соломоник, О таврении скота в Северном Причерноморье рис. 1, 2, 3; В. С. Драчук, Родові тамги на предметах побуту, рис. 2, 3, 4; H. Jänichen, Указ. раб., табл. 29, 30.

Таркань Сюч пишет, что главными историческими этапами развития тамговых знаков были знаки-рисунки, знаки-буквы, знаки-цифры и их комбинации. Между тем, как кажется, что на основании многочисленных данных можно выделить следующие этапы: 1) родовые знаки-рисунки, изображающие животных или птиц — прародителей родов; 2) родовые знаки в виде частей этих животных или птиц, появившиеся с выделением из рода первых семей; 3) родовые знаки, формы которых происходили от изображений предметов обихода; 4) наконец, тамги-буквы, тамги-цифры и т. д.<sup>17</sup>

Не совсем прав автор, утверждая, будто тамговые знаки в виде круга восходят к солнечным символам северных и восточных народов (стр. 259). У всех племен и народов со времен эпохи бронзы это изображение связано с солнечным диском<sup>18</sup>. Утверждения требует и утверждение о том, что древнейшими можно считать те тамги, у которых есть названия, имена (стр. 258). Это далеко не так. Древнейшие названия тамг исчезали в ходе исторического развития по мере разветвления родов; впоследствии тамги стали называть по имени тех предметов обихода, которые они изображали<sup>19</sup>. В большинстве случаев сохранились эти новые названия<sup>20</sup>.

По-видимому, нельзя утверждать, что изображение «журавлиных лапок» имеет один и тот же смысл (стр. 259). Еще в средние века этот же тамговый мотив имелся и «гусиной лапой», и «куриной грудной костью»<sup>21</sup> и «сорочьей лапой»<sup>22</sup> и т. п. Это говорит о том, что владельцы тамг связывали их происхождение с разными источниками. И это неудивительно, ибо в числе тотемов — прародителей многих родов — были и разные птицы. Общее явление — изображение частей этих птиц в качестве тамг, когда они с выделением семей из рода становились самостоятельными тамгами, «выделявшимися» из общеродовой тамги<sup>23</sup>.

В. С. Драчук

<sup>17</sup> В. С. Драчук, Родовые тамги на предметах быта, стр. 40—42; П. С. Ефименко, Указ. раб., стр. 272, 286—287, 292 — табл. тамг, №№ 361—365; О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 13; В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских уртов, «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 158—185.

<sup>18</sup> J. D'Echelette, Le culte du soleil au temps prehistoriques RA, 4 ser., t. XIII, Paris, 1909, p. 314.

<sup>19</sup> В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 158—185, рис. 12—15.

<sup>20</sup> См. например: О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 14; Г. Н. Анпилогов, Бортные знамена как исторический источник, «Сов. археология» 1964, № 4, стр. 167—168 и др.

<sup>21</sup> О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 14, №№ 26, 27.

<sup>22</sup> Г. Н. Анпилогов, Указ. раб., стр. 168, рис. 319, 320, 321, 323.

<sup>23</sup> В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 138—185, рис. 12—2, 3, 4.

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. В. Крюков. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. 201 стр.

Пожалуй, трудно найти в истории Китая другой период, который привлекал бы внимание столько исследователей и по которому было высказано такое большое число точек зрения, как эпоха Инь-Чжоу. В то же время приходится отметить, что в исторической науке пока еще не сложилось единого мнения относительно того, когда древнекитайское общество завершило переход от первобытнообщинного строя к классовому, и было ли это классовое общество по своему характеру рабовладельческим или феодальным. Нерешенными остаются и многие вопросы периодизации древнекитайской истории. Между тем проблема характеристики социально-экономического строя Инь-Чжоу, вопросы периодизации древнейшей истории Китая не только имеют серьезное значение для понимания всей последующей истории самих китайцев, но и самым тесным образом связаны с изучением древнейшего периода этнической, социально-экономической и политической истории ряда других народов Восточной Азии.

Очевидно, ответы на эти вопросы надо искать в изучении различных форм социальной организации древних китайцев. Именно этой актуальной теме посвящена книга М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев».

Прекрасное знание мировой литературы по исследуемому вопросу, глубокий анализ уникальных по своему характеру эпиграфических памятников, изучение сложнейших нарративных источников позволили автору не только воссоздать картину развития социальной организации древних китайцев, но и поставить ряд теоретических проблем общей этнографии.

Будучи специалистом в области древнекитайской палеографии, М. В. Крюков впервые в советской литературе дает всестороннюю характеристику эпиграфических памят-

тинок периода Инь-Чжоу, выделяя иньские надписи на черепашьих щитах и коровьих лопатках, а также надписи на бронзовых сосудах. В работе не только содержится описание этих своеобразных памятников, но также подробно излагается история их изучения, что непосредственно связано с вопросом использования этих памятников в качестве исторических источников. Автор с большим уважением относится к достижениям своих предшественников (Дун Цзо-бинь, Ван Го-вэй, Жун Гэн, Лю Шн-пэй, У Ци-чан, Тан Лань, Э. Шавани, Б. Карлгрен и др.), вклад каждого из них показан ярко и выпукло. Вообще этот раздел, написанный на основе огромного источниковедческого и историографического материала, выходит далеко за рамки простого обзора источников и представляет собой самостоятельное, законченное исследование. Теоретические положения автора подкреплены тщательным комментарием памятников Инь-Чжоу. Характеризуя письменные источники по изучаемой теме, автор совершенно справедливо обращает внимание на проблему их аутентичности. Подробно описаны в книге привлекаемые автором археологические источники.

Во введении М. В. Крюков следующим образом определил основное направление своей книги: «Настоящая работа не ставит своей целью дать полное изложение истории социальной организации в древнекитайском обществе. Ее главная задача — на основании изучения древнекитайских источников XIV—IV вв. до н. э. попытаться решить вопрос о сущности организации *цзунцзу* и выяснить ее соотношение с другими социальными институтами» (стр. 19).

Однако круг вопросов, охваченных исследованием, значительно шире. Так, большое внимание в работе уделено оценке чжоуского завоевания (XI в. до н. э.), которое положило конец гегемонии Инь в бассейне Хуанхэ. Средневековые китайские авторы называли это событие «революцией У-вана». И в наши дни многие историки и этнографы связывают с падением Инь существенные этнические и социально-экономические сдвиги в китайском обществе (а возможно, и вообще в Восточной Азии). Анализ обстановки в Иньском Китае накануне Чжоуского завоевания, когда не одни только чжоусцы претендовали на гегемонию в бассейне Хуанхэ, исследование сущности «наследственных пожалований», а также системы взаимоотношений между ванами и чжухоу позволили М. В. Крюкову прийти к выводу о том, что «на грани эпох Инь и Чжоу не было революции „У-вана“, которая могла бы сколько-нибудь существенно изменить структуру общества» (стр. 75). Соглашаясь с основным положением автора, нам хотелось бы отметить, что порой в пылу полемики он склонен совершенно отрицать то, что чжоуское завоевание было определенным рубежом в древней истории Китая. В то же время в других разделах своей книги автор приводит довольно красноречивые данные о различиях, имевших место в иньском и чжоуских обществах (например, при характеристике системы наследования в Инь и Чжоу) (стр. 97—105). Нельзя, на наш взгляд, также забывать о том, что события, связанные с падением Инь, не только вызвали значительные сдвиги населения в бассейне Хуанхэ, но и несколько позже, подобно расходящимся кругам от брошенного в воду камня, отразились на этническом составе сопредельных территорий<sup>1</sup>.

Центральное место в книге М. В. Крюкова уделено характеристике *цзунцзу*. Реконструкция различных форм социальной организации китайцев неразрывно связана с трактовкой тех или иных терминов, сохранившихся в источниках. Так, для понимания социальной структуры древнекитайского общества периода раннего Чжоу огромное значение имеет трактовка термина *цзя*, который, по мнению ряда исследователей (Ян Куань и др.), якобы свидетельствует о существовании в раннем Чжоу категории «семейных рабов». Между тем лингвистический анализ источников позволил М. В. Крюкову убедительно показать, что термин *цзя* пережил значительную эволюцию: первоначально, в эпоху Инь, этот термин обозначал место принесения жертв общему предку (стр. 80), а позднее, в эпоху Западного Чжоу, он служил для обозначения коллектива людей, приносящих жертвы общему предку, т. е. для обозначения родственной группы (стр. 82). Даже в период Чуньцю *цзя* представляло гораздо более широкую родственную группу, чем «семья». Наряду с термином *цзя* для обозначения крупных родственных групп в чжоуское время употреблялись также термины *цзун* и *цзу*. С начала нашей эры в источниках прочно закрепляется термин *цзунцзу*, который вошел и в современный китайский язык.

М. В. Крюков считает *цзунцзу* организацией, представляющей собой не группу кровных родственников, а группу родственных семей, между которыми существовало строгое иерархическое соподчинение. По мнению автора, основные черты *цзунцзу* позволяют отнести ее к числу социальных форм патронимического типа. В своих последующих работах М. В. Крюков, исходя из многозначности термина патронимия, предложил употреблять для обозначения социальной организации типа *цзунцзу* термин клан<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Р. Ф. Итс, М. В. Крюков, А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Народы КНР, Исторический очерк, в кн. «Народы Восточной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, стр. 136.

<sup>2</sup> М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 84—94.

Понимание сущности *цзунцзу* было бы невозможно без установления соотношения между родом и *цзунцзу*. Эта проблема исследуется автором на основе анализа родового имени *син* и патронимического имени *ши*.

Страницы, посвященные критике «матриархальной теории» *син*, на наш взгляд принадлежат к числу лучших в этой книге. «Матриархальная теория» *син*, основанная на анализе структуры этого иероглифа, состоящего из двух компонентов («женщина» и «рождать»), имела много сторонников. Среди них мы встречаем и древних авторов (например, составители словаря «Шовэнь», II в. н. э.), и многих современных ученых, как синологов, так и специалистов по сопредельным странам. Между тем как это впервые в нашей литературе показывает М. В. Крюков, современное понимание иероглифа *син* установилось только в последние века до нашей эры, и, следовательно, присутствие элемента «женщина» не имеет никакого отношения к идее матриархальности (стр. 113), а сам термин *син* представляет собой родовое имя, восходящее к тотему. В отличие от *син ши* имело не тотемное, а эпонимическое происхождение.

Убедительным представляется вывод автора о том, что в чжоуское время основной социальной организацией древнекитайского общества была *цзунцзу*, которая существовала с патриархальным родом *син*. Причем *син* в эпоху Инь-Чжоу выполнял роль регулятора брачных отношений. Основным достоинством исследования М. В. Крюкова является глубокий историзм в подходе к рассматриваемым им явлениям. Автор пишет, что «существование родовой и патронимической организаций — явление историческое. Возникнув на стадии разложения патриархального рода, *цзунцзу* переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей. Этот этап истории патронимической организации также отчетливо прослеживается на данных древнекитайских источников. К VI—V вв. до н. э. род *син* окончательно распадается. Родовые имена *син* утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются; патронимия *ши* постепенно превращается в фамилию» (стр. 153—154).

Древнекитайская *цзунцзу* рассматривается автором на фоне широких этнографических параллелей. Думается, что дальнейшие историко-этнографические и полевые исследования дадут новые доказательства в пользу социальной организации типа *цзунцзу*.

Несомненно заслугой автора является глубокое изучение экзогамных запретов в древнем Китае, основных особенностей древнекитайской системы родства, пережитков дуальной организации. Анализ источников позволил М. В. Крюкову выделить на основе древнекитайского материала три исторические формы экзогамии. Первая форма означала не только запрещение вступать в брак в пределах своего рода, но и требование осуществлять это в другом, строго определенном роде. Вторая форма экзогамии запрещала браки в пределах своего рода, но не определяла строго другого рода с членами которого можно заключать брачные союзы. Наконец, третья форма — экзогамия внутри патронимии *цзунцзу* (стр. 146—149).

Вскоре после выхода в свет монографии М. В. Крюков опубликовал ряд работ, как бы продолжающих и развивающих основные положения книги<sup>3</sup>. Особенно хочется отметить статью М. В. Крюкова «Социальная дифференциация в древнем Китае», которая, пожалуй, наиболее тесно связана с рецензируемой монографией. В этой статье М. В. Крюков, тщательно проанализировав социально-экономические институты эпохи Инь-Чжоу и широко привлекая этнографические параллели по другим народам, выдвинул гипотезу о том, что период господства патронимической организации *цзунцзу* представляет собой переходный исторический этап на грани родового и классового общества.

Теоретические положения, выдвинутые М. В. Крюковым в его монографии, а также в статье, опубликованной на страницах журнала «Советская этнография», способствовали разрыву широкой дискуссии по проблемам общей этнографии и истории первобытного общества, которая сама по себе свидетельствует о важности поставленных М. В. Крюковым вопросов<sup>4</sup>.

В заключение хочется отметить еще одну особенность этого интересного исследования: в книге М. В. Крюкова использован широкий историографический материал.

<sup>3</sup> М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации; его же, Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики), в кн.: «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 190—249.

<sup>4</sup> См. статьи в журн. «Сов. этнография»: Н. А. Кисляков. По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», 1968, № 2; Н. А. Бутинов, Община, семья, род, 1968, № 2; С. И. Вайнштейн, Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.), 1968, № 3; Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, 1968, № 4; А. И. Робакидзе, Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи), 1968, № 5; Ю. М. Рапов, Была ли вервь «Русской правды» патронимией, 1969, № 3; А. И. Першин, К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности, 1970, № 2.



излагаются точки зрения ученых разных эпох, разных стран, а порой и разных мировоззрений, гипотезы и теории, предлагаемые этими учеными нередко прямо противоположны точке зрения автора, но это не мешает последнему с должным тактом и уважением освещать позиции своих оппонентов; там же, где это необходимо, автор аргументированно возражает им.

Выход книги М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев» — значительное событие в развитии синологии<sup>5</sup> и исторической этнографии Восточной Азии. Приведенный в этой работе фактический материал, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке теоретических проблем общей этнографии и истории первобытного общества.

Р. III. Джарылгасинова

<sup>5</sup> R. Felber, Neue Forschungen zur sozialen Organisation im alten China, «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd. XV, Heft. 1, 1969, SS. 151—158.

## НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Herbert Wotte. Kaaram Tamo — Mann vom Mond. Leben und Reisen Miclucho-Maklais. Leipzig, 1969, 334 S.

Скоро исполняется 100 лет с того знаменательного в истории этнографии дня, когда Н. Н. Миклухо-Маклай впервые прибыл на Новую Гвинею. Вполне понятен поэтому тот интерес, который проявляет сейчас мировая наука к изучению жизни и деятельности великого русского путешественника, ученого, гуманиста, страстного борца за права угнетенных народов.

«Каарам тамо» — «человек с луны», «тамо русс» — «русский человек», «тамо Маклай» — так звали папуасы побережья залива Астролябии первого белого человека, поселившегося среди них. Сам же Миклухо-Маклай называл себя «белым папуасом». Его теоретические выводы и собранный им фактический материал, каждая крупница которого добыта с огромными трудностями и часто с риском для жизни, имеют огромную научную ценность.

После выхода в свет полного, пятитомного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, в котором опубликованы дневники его путешествий, научные статьи по зоологии, антропологии, этнографии, лингвистике, а также его письма и некоторые письма его корреспондентов<sup>1</sup>, стало отчетливо видно, что одни периоды в жизни и деятельности ученого отражены довольно полно, а другие, наоборот, весьма скудно. Так, все еще нет достаточных сведений о его студенческих годах (Петербург, Гейдельберг, Лейпциг, Иена, 1863—1868 гг.), о втором пребывании на берегу Маклая (1876—1877 гг.), о жизни в Австралии (1878—1886).

Поэтому мы с большим интересом встречаем выход в свет книг о Миклухо-Маклае в надежде, что найдем там новые, еще не опубликованные материалы.

Книга Герберта Вотте «Каарам тамо — человек с луны» посвящена описанию жизни и путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая, начиная со студенческих лет (1864—1868 гг.) и вплоть до его смерти (1888 г.) Автор обстоятельно изучил сочинения самого Н. Н. Миклухо-Маклая и хорошо знаком с литературой о нем.

Книга носит научно-популярный характер, что видно из самих названий глав (их 22): «С Геккелем на Счастливые острова», «Переодетый арабом», «Грандиозный план — и никаких средств», «Приключение начинается», «Возвращение в каменный век», «У людоедов острова Андра», «Борьба „белого папуаса“», «Ученый, борец, романтик» и т. д.

В книге помещены отрывки из неопубликованных ранее писем Миклухо-Маклая к Геккелю. Так, 2 октября 1868 г. Миклухо-Маклай пишет из Неаполя о своем пребывании в различных местах Италии (стр. 48, 49). Попутно он отмечает: «С глазами у меня стало хуже — я хотел бы поэтому быстрее поехать в Гонолулу или еще куда-нибудь» (стр. 49). 10 мая 1869 г. Миклухо-Маклай, застрявший в Суэце из-за карантина на пять дней, пишет: «Дорогой профессор! Я был очень удивлен, узнав, что Вы изучаете губки. Результаты Ваших исследований представляют для меня большой интерес, так как я также изучал губки в Мессине и главным образом из-за губок поехал на Красное море... Я добыл много интересного и надеюсь написать работу о губках Красного моря... В Суэце я пробуду несколько дней. Отсюда вдоль берега Малой Азии направляюсь в Константинополь — а куда дальше, еще не знаю. Но нахожусь в конце июля или августа прибыть в Иену, по крайней мере на несколько

<sup>1</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., тт. I—V, 1950—1954.

дней. Так как основная масса губок Красного моря — это Kalkschwammten, и так как моя поездка потребовала от меня немалых усилий, и так как я специально ради изучения губок отправился на Красное море, то не требуйте от меня, чтобы я посылал Вам губки, не изучив их поближе, тем более что мне неизвестно, одинаковы ли наши взгляды на многие морфологические проблемы. Пожалуйста, пришлите мне быстрее оттиск Вашей статьи в Петербург» (стр. 64, 65). Прочитав это письмо (к сожалению, с пропусками), Герберт Вотте справедливо отмечает, что Миклухо-Маклай отстаивает в нем свое право иметь собственную точку зрения в науке (стр. 65).

Когда Миклухо-Маклай вернулся из поездки по берегам Красного моря в Россию он в Самаре заболел малярией и слег в постель на несколько недель. Отсюда 27 июня 1868 г. он пишет Геккелю: «Работать я могу крайне мало, и когда я это делаю, я изчаю мозг губок, которые здесь довольно богато представлены» (стр. 66).

Весьма любопытно также сообщение о том, что Миклухо-Маклай, во время поездки в 1870 г. по Западной Европе, целью которой было посещение музеев и установление научных контактов, заявил в Стокгольме Норденшельду о своем желании участвовать в экспедиции на Шпицберген в качестве зоолога, но получил отрицательный ответ (стр. 44).

Автор совершенно прав, утверждая, что ни одно лицо, ни один разговор в этой книге не выдуманы. Когда, например, он пишет о беседе Миклухо-Маклая с коммодором Вильсоном, он излагает, с небольшими сокращениями, рассказ самого Миклухо-Маклая<sup>2</sup>. Но не всегда источники, на которые ссылается Герберт Вотте, столь достоверны. Так, он воспроизводит беседу Миклухо-Маклая с Мещерским (стр. 23) о происхождении его двойной фамилии (отец путешественника носил фамилию Миклухо), ссылаясь при этом на научно-популярную и даже, можно сказать, художественную книгу М. Колесникова<sup>3</sup>. Автор же этой книги, отнюдь не претендуя на достоверность, приводит подчас эпизоды, которых в действительности не было (например, встреча Миклухо-Маклая с Н. Г. Чернышевским и т. п.).

В письме ко мне, отвечая на заданный мной вопрос, Герберт Вотте, в частности пишет: «В архиве дома Эрнста Геккеля в Иене имеются еще некоторые небольшие письма и короткие сообщения Миклухо-Маклая Геккелю, которые я не использовал последнее по времени письмо — это названное выше от 27 июня 1869 г. Есть также некоторые короткие сообщения Геккеля Миклухо-Маклаю, частично без дат, и письмо вдовы Миклухо-Маклая к Геккелю, датированное „Ayroo Waverley, Sydney, N. S. Wales, Australia, 10 Sept. 1893“».

В целом книга Герберта Вотте о Миклухо-Маклае производит весьма положительное впечатление. Она написана хорошим языком, читается с интересом. Автору удалось воссоздать некоторые ранее неизвестные черты этого сподвижника науки, великого страшного человека, страстного защитника угнетенных народов.

Н. А. Бутинов

<sup>2</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 571—573.

<sup>3</sup> М. Колесников, Н. Н. Миклухо-Маклай, М., 1965, стр. 33, 34.



### **МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГЕРАСИМОВ**

Советская наука понесла тяжелую, невозместимую утрату. 21 июля 1970 г. в возрасте 63 лет, в расцвете творческих сил скончался выдающийся антрополог и археолог Михаил Михайлович Герасимов. Имя доктора исторических наук, лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки М. М. Герасимова известно самым широким кругам в нашей стране и за рубежом, главным образом как создателя метода пластической реконструкции лица человека по черепу.

Свою научную деятельность М. М. Герасимов начал пятнадцатилетним подростком как археолог. Уроженец Ленинграда, он приехал в 1912 г. в Иркутск, где в 1922 г. начал производить археологические исследования под руководством Б. Э. Петри. С 1932 по 1941 годы М. М. Герасимов работал в Ленинграде, а с 1941 г. в Ташкенте. В 1944 г. Михаил Михайлович переехал в Москву и в 1950 г. создал лабораторию пластической реконструкции при Институте этнографии АН СССР.

Наиболее выдающимися работами Герасимова в 1924—25 гг. были раскопки, которые он провел на Кайской горе (Переселенческий пункт) под Иркутском. Здесь открыто новое палеолитическое поселение с каменным инвентарем и архаической фауной. Еще большую известность получили блестящие исследования Герасимова в селе Мальта на реке Белой, притоке Ангары под Иркутском, которые он проводил с 1928 по 1937 гг. По своему значению Мальта не уступает крупнейшим мировым памятникам позднего палеолита. Здесь была обнаружена богатая фауна — северные олени, шерстистые носороги, мамонты, пещерные львы и др. В поселении было найдено около 2000 обработанных камней, остатки жилища, которые позволили Герасимову в более поздней работе 1941 года различить три разных типа жилых сооружений. Инвентарь мальтинской стоянки дал ученому возможность реконструировать технику и приемы обработки кости в период палеолита. Чрезвычайно обильно представлены в Мальте разнообразные украшения и типы орнамента. Исключительно интересны двадцать фигурок, в том числе воспроизводящих образы женщин. Не менее важны скульптурные изображения летящих птиц с вытянутыми шейками и распростертыми крыльями, представляющие поразительную аналогию с птицами из палеолитического стойбища в селе Мезине Черниговской области. Одних только работ Герасимова по мальтинской стоянке было бы достаточно, чтобы его имя навсегда сохранилось в науке о человеке. Однако заслуги Герасимова выходят далеко за пределы этого открытия. Большой вклад им был внесен в разработку относительной хронологии сибирского неолита, главным образом в Прибайкалье. Он был участником очень многих археологических экспедиций и стал одним из лучших знатоков археологии каменного века и более поздних эпох в нашей стране.

Первые опыты реконструкции лица по черепу были сделаны Герасимовым в 1927 году. Для Иркутского краеведческого музея он восстановил облики древнейших и древних гоминид — питекантропа и неандертальца. По словам автора обеих этих реконструкций, они имели значение только как определенный этап в его работе. В 1938 г. — как писал Герасимов — ему удалось впервые чисто эмпирическим путем разрешить проблему портретной реконструкции на краниологической основе. Применение этого метода в криминалистической практике позволило подтвердить правильность найденных

приемов и закрепить достигнутые результаты. В предисловии к труду «Основы восстановления лица по черепу» (1949 г.), Герасимов охарактеризовал процесс создания скульптурной портретной реконструкции на краниологической основе, разделив его на четыре этапа: 1) описание и анализ морфологии черепа, 2) графическое (плоскостное) решение реконструкции, 3) скульптурное воспроизведение схемы головы путем восстановления основных мышц, нанесение гребней толстых мягких частей, зависящих в частности, от рельефа черепа, и, наконец, 4) окончательная отделка бюста с учетом «исторических» данных, т. е. костюма и прически. М. М. Герасимов шел в своих работах вполне оригинальным путем. Существенной их особенностью была, уже упоминавшаяся выше, система контроля, затем постепенные непрерывные исследовательские поиски способов усовершенствования найденных приемов, и наконец, поистине гигантский охват объектов реконструкции. В 1950 г. книга М. М. Герасимова была удостоена Государственной премии СССР. М. М. Герасимов создал портреты главных представителей ископаемых гоминид палеолита и их ближайших предшественников, восстановил образы многих людей самых различных культур и эпох. Эта скульптурная галерея дает нам возможность представить себе наглядно человека эпохи неолита, энеолита и раннего металла, образы исторических деятелей — Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, царя Федора, Ивана Грозного, адмирала Ушакова, Тимура, Шахруха, Улугбека, Мираншаха, поэта Рудак и многих, многих, многих других. Эти скульптурные портреты украсили музеи десятков городов нашей страны.

По просьбе правительства ГДР М. М. Герасимов восстановил облик Фридриха Шиллера. На Международном Конгрессе Ассоциации по изучению четвертичного периода (ИНКВА) в 1969 г. в Париже демонстрировалась выставка скульптурных реконструкций, выполненных Герасимовым, которая привлекла внимание парижан и членов Конгресса и получила самые положительные отзывы. Эта выставка была принесена в дар Музею Человека в Париже.

В монографии «Восстановление лица по черепу» (1955 г.), объемом около 600 страниц, были подведены итоги двадцатилетней научной деятельности М. М. Герасимова по созданию и усовершенствованию методов реконструкции. В книгу включены также описание и анализ археологических памятников, над которыми работал автор. В ней изложены основные теоретические воззрения Герасимова по проблемам эволюции человека и формирования древних культур и племен. Специально проблемам антропогенеза посвящена превосходно иллюстрированная самим Герасимовым книга «Люди каменного века» (1964 г.).

С трудом верится, что руками одного человека проделана такая громадная работа. Это стало возможным благодаря таланту и напряженному, самоотверженному труду, которому М. М. Герасимов отдал без остатка всю свою жизнь.

М. М. Герасимов уделял много внимания популяризации антропологической науки, выступал с лекциями, в том числе и по телевидению, помогая научными консультациями работе музеев и т. п.

Память о Михаиле Михайловиче Герасимове навсегда сохранится в наших сердцах. Но Герасимов создал школу. Его ученики успешно продолжают совершенствовать и развивать его методы. Долг товарищей по работе и друзей М. М. Герасимова не только с благодарностью вспоминать о его огромных заслугах, но и сохранить его реконструкции, сосредоточив их в одном месте, путем создания лабораторий-музеев его имени и, что не менее важно, содействовать продолжению его дела, помогая его ученикам и последователям, работающим в организованной им лаборатории.

## ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ М. М. ГЕРАСИМОВА

Палеолитическая стоянка у Переселенческого пункта. Журнал «Краеведение», Иркутск, 1926, № 3.

Новые находки стоянок каменного века близ Хабаровска. «Известия ВСОРГО», Иркутск, 1927.

Мальта — палеолитическая стоянка. «Известия Краевого музея», Иркутск, 1931.

Палеолитическая стоянка Мальта. «Известия ГАИМК», вып. 118, М.—Л., 1935.

Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР» (далее КСИИМК), вып. VII, М.—Л., 1940.

Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. «МИА СССР», № 2, Л., 1944.

Андрей Боголюбский. КСИИМК, вып. XI, М.—Л., 1945 (в соавторстве с В. В. Гинзбургом).

Портрет Тамерлана (опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе). КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947. К вопросу о восстановлении облика ископаемого человека (мальчик — неандерталец из Тешик-Таш). «Труды Музея антропологии МГУ», вып. 115, М., 1948.

Реконструкция лица по черепу из гробницы № 4. «МИА СССР», № 11, т. 1, М.—Л., 1949.

Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

- Восстановление лица по черепу современного и ископаемого человека. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXVIII, М., 1955.
- Портрет Ибн-Сины. Ташкент. 1956.
- Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). «Сов. этнография», 1958, № 3.
- Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Панджруда. Сталинабад, 1958.
- Череп из погребения срубной культуры в Среднем Поволжье, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР» (далее КСИА) вып. 71, М., 1958.
- Внешний облик человека из Незвиско. Сб. «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики», Кишинев, 1960.
- Круглое жилище стоянки Мальта. КСИА АН СССР, вып. 82, М., 1961.
- Люди каменного века. М., 1964.
- Документальный портрет Ивана Грозного. КСИА, вып. 100, М., 1965.
- Портреты исторических лиц. Международный ежегодник «Наука и человечество», М., 1965.
- Новая статуэтка из Вулканешт. КСИА, вып. 111, М., 1967, (в соавторстве с Т. С. Пасек).
- Gesicht Rekonstruktionen historischer Persönlichkeiten. «Wissenschaft und Menschheit», Leipzig — Iiena — Berlin, 1967.
-

## СОДЕРЖАНИЕ

К. Г. Гуслистый (Киев). Ленин и вопросы этнической истории украинского народа	3
А. В. Ефимов (Москва). В. И. Ленин о развитии капитализма и некоторых национальных проблемах в США	11
Л. С. Клейн (Ленинград). Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества	20
Ю. П. Аверкиева (Москва). О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки	33
Т. Д. Златковская (Москва). К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (По фракийским материалам)	46

### Дискуссии и обсуждения

Ю. И. Семенов (Москва). Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (Опыт теоретического анализа)	57
Л. П. Лашук (Москва). О некоторых аспектах современной трактовки первичной формации	72
С. Я. Козлов (Москва). К характеристике некоторых социальных структур родового общества (Заметки в связи с дискуссией)	84
Д. Д. Тумаркин (Москва). К вопросу о сущности рода	93

### Сообщения

Л. В. Остапенко (Москва). Деревня Гадыши сегодня	102
И. С. Гурвич (Москва). Алеуты Командорских островов	112
А. М. Жигулев (Москва). Пословицы и поговорки в большевистских листовках	124

### Поиски, факты, гипотезы

В. А. Туголуков (Москва). Народ один — названий много	132
---	-----

### Хроника

В. И. Васильев (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1969 году	138
--	-----

### Научная жизнь

Т. П. Федянович (Москва). Первая республиканская краеведческая конференция Мордовской АССР	145
В. А. Александров (Москва). Международная конференция этнографов-славистов	146
И. С. Гурвич (Москва), Л. В. Хомич (Ленинград). Симпозиум по циркумполярным проблемам	148
Г. И. Анохин (Москва). Шведский этнографический музей (К 90-летию существования)	150

### Критика и библиография

#### Критические статьи и обзоры

Л. Н. Фурсова (Москва). Некоторые исследования о послевоенной иммиграции в Канаду	152
---	-----

## Народы СССР

- Н. А. Кисляков (Ленинград). *Л. П. Потапов*. Очерки народного быта тувинцев 158  
 А. А. Росляков (Ашхабад). *Г. П. Васильева*. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане 160  
 Л. А. Файнберг (Москва). *С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев*. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) 162

## Народы зарубежной Европы

- В. С. Драчук (Евпатория). *Ernö Tárkány Szűcs*. Eingebrennte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographica», Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XVIII, fasc. 3—4 164

## Народы зарубежной Азии

- Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). *М. В. Крюков*. Формы социальной организации древних китайцев 166

## Народы Океании

- Н. А. Бутинов (Ленинград). *Herbert Wotte*. Kaaram Tamo — Mann vom Mond. Leben und Reisen Miclucho-Maklais 169

- М. М. Герасимов** 171

На первой странице обложки: индеец племени кроу в полном боевом снаряжении. Рисунок Г. Кэтлина начала XIX века (G. Catlin, Letters and notes on the manners, customs, and conditions of the North American Indians, vol. I, Minneapolis, 1965)

## SOMMAIRE

- K. V. Gouslisty (Kiev). Lénine et les problèmes de l'histoire ethnique du peuple ukrainien 3  
 A. V. Yeïimov (Moscou). V. I. Lénine sur le développement du capitalisme et sur certains problèmes nationaux aux Etats-Unis d'Amérique 11  
 L. S. Kleïn (Léningrad). Frédéric Engels en tant qu'investigateur de la société germanique montante 20  
 Yu. P. Averkiéva (Moscou). Sur la place de la démocratie militaire dans l'histoire des Indiens de l'Amérique du Nord 33  
 T. D. Zlatkovskaya (Moscou). Contribution au problème du régime foncier communautaire à l'époque de la société de classes en devenir (d'après le matériel thracien) 46

## Discussions et Deliberations

- Yu. I. Sémionov (Moscou). Le problème du passage du clan matrilineaire au clan patrilineaire (essai d'une étude théorique) 57  
 L. P. Lachouk (Moscou). De quelques aspects de l'interprétation actuelle de la formation socio-économique primitive 72  
 S. Ya. Kozlov (Moscou). Contribution à une caractéristique de certaines structures d'une société clanique (notes relatives à la discussion) 84  
 D. D. Tcumarkine (Moscou). Sur la question de l'essence du clan 93

## Communications

- L. V. Ostapienko (Moscou). Le village de Gadychi de nos jours 102  
 I. S. Gourvitch (Moscou). Les Aléoutes des îles Commodores 112  
 A. M. Jigouliov (Moscou). Proverbes et dictons dans les tracts bolchevistes 124

## Recherches, faits, hypotheses

- V. A. Tougoloukov (Moscou). Un seul peuple — nombreux noms 132

## Chroniques

V. I. Vassiliev (Moscou). Travaux de l'institut de l'Ethnographie en 1969 . . . 138

## Vie scientifique

T. P. Fédianovitch (Moscou). Première conférence républicaine des études régionales de la R. S. S. A. de Mordovie . . . 145

V. A. Alexandrov (Moscou). Conférence internationale des ethnographes slaves . . . 146

I. S. Gourvitch (Moscou), L. V. Khomitch (Léningrad). Symposium pour les problèmes circumpolaires . . . 148

G. I. Anokhine (Moscou). Musée ethnographique de Suède (pour le 90-e anniversaire de son existence) . . . 151

## Critique et bibliographie

### Articles de critique et revues

L. N. Foursova (Moscou). Quelques études récentes sur l'immigration d'après-guerre au Canada . . . 152

### Peuples de L'U. R. S. S.

N. A. Kisliakov (Léningrad). L. P. Potapov. Essais sur le mode de vie populaire des Touva . . . 158

A. A. Rosliakov (Achkhabad). G. P. Vassiliéva. Transformation du mode de vie et les processus ethniques au Turkménistan du Nord . . . 160

L. A. Fainberg (Moscou), S. A. Aroutiounov, D. A. Serguéiev. Cultures anciennes des Esquimaux asiatiques (sépulcre d'Ouellen) . . . 165

### Peuples de l'Europe étrangère

V. S. Dratchouk (Eupatoria). Ernő Tarkany Szucs. Eingebrennte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographica» Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XVII, fasc. 3—4 . . . 16

### Peuples de l'Asie étrangère

R. Ch. Djarylgassinova (Moscou). M. V. Krioukov. Formes de l'organisation sociale des anciens Chinois . . . 16

### Peuples de l'Océanie

N. A. Boutinov (Léningrad). Herbert Wotte. Kaaram Tamo — Mann vom Mond. Leben und Reisen Miklucho-Maklais . . . 169

M. M. Gerasimov . . . 171

Sur la couverture: un Indien de la tribu Crow en parure de combat. Dessin de G. Cathlin (début du XIX-e siècle)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 15/VII-1970 г.	Т-14477	Подписано к печати 30/IX-1970 г.	Тираж 2215 экз.
Зак. 4255	Формат бумаги 70×108 <sup>1</sup> / <sub>16</sub> .	Усл. печ. л. 15,4	Бум. л. 5 <sup>1</sup> / <sub>2</sub> Уч.-изд. л. 17,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10